

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

ISCA

No. 2 (2) 2021

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 2 (2) 2021

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

FROM THE EDITOR

Уважаемые коллеги!

Представляю Вашему вниманию очередной номер нашего журнала, посвященного вопросам средневековой истории. Как было отмечено в предыдущем номере, географические и хронологические рамки журнала постепенно расширяются.

Рубрику «Этногенез. Археология. Лингвистика» открывает дискуссионная статья А.Ф. Джаксылыкова «Историческая демография Казахстана». В статье отмечается, что в исторической демографии Казахстана, как в истории Казахстана в целом, имеется главная проблема – отсутствие письменных источников. Поэтому основная задача исторической демографии Казахстана состоит в том, чтобы найти новые, нетрадиционные источники и выработать новые методы исследования проблем народонаселения кочевых народов допереписного периода. Решение этой задачи требует широкого использования методов и источников естественных и географических наук. Так, вопросы формирования и функционирования эко- и агросистем, ритмических колебаний климата и влияние его на экономику кочевых обществ позволяют выявить место и роль кочевников в указанных системах, численность и динамику населения аридных территорий Евразии, их миграции.

В основной рубрике – «История Улуса Джучи» – опубликована статья доктора исторических наук, профессора М.Е. Шайхутдинова «История Улуса Джучи в трудах Василия Никитича Татищева». Автор подчеркивает, что, будучи высокопоставленным чиновником, в том числе губернатором Астрахани, В.Н. Татищев отчетливо осознавал важность изучения археологических памятников, имеющих прямое отношение к истории Улуса Джучи. В частности, В.Н. Татищев одним из первых описал остатки Сарая – первой столицы Джучидов. По мнению М.Е. Шайхутдинова, освещая историю Улуса Джучи, В.Н. Татищев не смог преодолеть характерные для русского летописания шаблоны и стереотипы. Для него монголы, которых он именуется татарами, это в первую очередь «язычники», «безбожники» и «басурмане», которые пытаются полонить Русь, уничтожить православных христиан либо навязать им свою веру. Нередко историк допускает ошибки с датировкой тех или иных исторических событий. В то же время М.Е. Шайхутдинов считает, что было бы неверным упрекать В.Н. Татищева в сознательной фальсификации истории Улуса Джучи. Стремясь к научной объективности, В.Н. Татищев не замалчивает «неудобные» моменты русской истории, касающиеся взаимодействия московских князей с ордынскими ханами. В.Н. Татищев честно сообщает о поражениях русских от ханских войск, не забывая об ошибках русских полководцев. При этом В.Н. Татищев

признает, что ханы Улуса Джучи существенно содействовали усилению Московского княжества и Московского государства. С одной стороны, ханы использовали военные ресурсы русских князей в своей завоевательной политике. С другой стороны, русские князья, особенно правители Москвы и Твери, активно втягивали золотоордынских ханов в свои территориальные споры и в борьбу за великое владимирское княжение.

В статье магистра, исследователя-практиканта Гуманитарного института Северо-западного университета сельского и лесного хозяйства, Института по исследования Шелкового пути Северо-западного университета (провинция Шэньси, КНР) Лу Наси и директора Института исследования Шелкового пути Северо-западного университета (провинция Шэньси, КНР) доктора исторических наук, профессора Лу Шаньбина «Исследование связей преемственности Казахстана и Золотой Орды» отмечено, что в период существования Золотой Орды была заложена основа для формирования казахской нации и основания Казахского ханства. Золотая Орда оставила Казахстану множество исторических и культурных памятников, представляющих большую историческую и культурную ценность – например, древний город Сарайчик. Золотая Орда – это «золотой век» в экономической, политической, военной и культурной истории Казахстана. По мнению китайских историков, преемственность Казахстана и Золотой Орды укрепляет национальную уверенность, национальную гордость и национальное единство Казахстана.

Р. Темиргалиев в статье «Чингизиды и Хивинское ханство» отмечает, что с начала XVI века в Хорезме утвердилась новая династия чингизидов, которая сохраняла свой трон в течение двух веков, несмотря на постоянное давление со стороны правителей Мавераннахра. Выстоять Хорезму помогал традиционный союз с Казахским ханством. Однако на рубеже XVII- XVIII вв. Хива оказалась в кризисе. Перевороты следовали за переворотами, поэтому летописцы называли этот период «игрой в ханы». Лишь пришедший к власти в 1715 году хан Ширгазы сумел частично стабилизировать ситуацию в ханстве, но ему не подчинилось Аральское ханство во главе с Шах-Тимурханом. Ширгазы не смог усмирить сепаратиста. Более того, удача начала клониться на сторону Шах-Тимура. В итоге, в 1728 году хивинцы убили Ширгазы и решили обратиться за защитой к казахскому хану Абулхаиру.

Докторант Международного университета Астана А.С. Шакиева в статье «История изучения государства Улук Улус (Золотая Орда) в 40-е годы XX века» констатирует, что в советский период изучение истории Золотой Орды находилось под строгим партийным контролем. Утверждалось, что татаро-монгольское нашествие исключительно негативно повлияло на русские княжества. По мнению автора статьи, труды видных советских историков, в том числе работы Б.Я. Владимирцова, Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, А.Н. Насовнова и других, внесли достаточно важный вклад в

изучение истории Золотой Орды, но избежать одностороннего отношения к истории изучения государства Улук Улус (Золотая Орда) им не удалось. Автор статьи считает, что многогранность и сложность различных аспектов истории Золотой Орды свидетельствует о важности решения данной научной проблемы и проведения дальнейших исследований.

Рубрику «Европейское Средневековье» открывает статья кандидата исторических наук, доцента кафедры всемирной истории и международных отношений КарГУ им. Е.А. Букетова М.В. Шлюппикова и магистра экологии и природопользования РУДН (Москва, РФ) М.М. Шлюпиковой «Английская историография середины XX века об изучении аграрной истории Англии Е.А. Косминским». Исследователи анализируют критику концепции аграрной истории Англии XIII века видного советского медиевиста Е.А. Косминского. Источниковедческую базу исследования составили труды известных английских историков середины XX века М. Постана, Т. Астона, Р. Леннарда, посвященные аграрной истории средневековой Англии, времени формирования экономических основ, культуры и английской феодальной государственности. В трудах английских историков были изучены подходы Е.А. Косминского к роли английского манора, его структуры, влияния на социально-экономическое положение крестьянства, дана оценка научной обоснованности выводов советского учёного, его методологическим пристрастиям. Авторы резюмируют, что в творчестве Е.А. Косминского продолжают лучшие традиции русской школы в изучении аграрной истории средневековой Англии.

В статье доктора политических наук Л.Р. Скаковского «Средневековая Германия в концепции всемирно-исторического процесса немецкого историка Оскара Егера» отмечено, что научная деятельность О. Егера (1830-1910 гг.) пришлась на вторую половину XIX века и начало XX века. Его перу принадлежат такие фундаментальные исторические труды, как «Джон Уиклиф и его значение для Реформации», «История Рима», «История Греции», «Пунические войны» и др. Особую ценность имеет труд О. Егера «Всеобщая история стран и народов». В своей статье Л.Р. Скаковский акцентирует внимание лишь на освещении О. Егером политической истории Средневековой Германии. При этом особое внимание уделено концептуальным подходам О. Егера к вопросам периодизации немецкого Средневековья, а также к основным этапам развития германской государственности в Средние века, в том числе династии Меровингов, Каролингской империи, Саксонской династии, Салической династии, династии Штауфенов, а также династии Габсбургов. В статье отражен пристальный интерес О. Егера к личностям выдающихся политиков немецкого Средневековья, к их деятельности в сфере государственного строительства, церковной и внешней политики.

В целом, как свидетельствует тематика и содержание статей, опубликованных в данном номере журнала, мы открыты к широким научным дискуссиям по актуальным вопросам истории Казахстана, Центральной Азии, других стран и регионов. При этом особый упор делается на новое прочтение имеющихся в распоряжении ученых многочисленных исторических источников, а также на широкое применение междисциплинарных подходов, без которых немыслима современная мировая историческая наука.

Главный редактор
Шайхутдинов М.Е.

CONTENT

EDITOR'S COLUMN3

ЭТНОГЕНЕЗ. АРХЕОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА

А.Ф. Джаксылыков. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА....8

ИСТОРИЯ УЛУСА ДЖУЧИ

М.Е. Шайхутдинов. ИСТОРИЯ УЛУСА ДЖУЧИ В ТРУДАХ ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ТАТИЩЕВА.....19

Лу Наси, Лу Шаньбин. ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗЕЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КАЗАХСТАНА И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.....43

R.Temirgaliyev. THE GENGHISIDS AND THE KHANATE OF KHIVA.....53

А.С. Шакиева. XX ҒАСЫРДЫҢ 40 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҰЛЫҚ ҰЛЫС (АЛТЫН ОРДА) МЕМЛЕКЕТІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ.....70

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

М.В. Шлюпиков, М.М. Шлюпикова. АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА ОБ ИЗУЧЕНИИ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ Е.А. КОСМИНСКИМ.....76

Л.Р. Скаковский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГЕРМАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА ОСКАРА ЕГЕРА.....87

МРНТИ:11.25.91

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА

А.Ф.Джаксылыков

*старший преподаватель Восточно-Казахстанского
технического университета им. Д. Серикбаева
г. Усть-Каменогорск*

Аннотация: Историческая демография – дисциплина, возникшая на стыке демографии и исторической науки. Историческая демография изучает такие же проблемы, что и демография, но в исторической ретроспективе. В исторической демографии Казахстана, так же как в истории Казахстана в целом, существует основная проблема: отсутствие письменных источников, на которых и базируется демографическая наука. Основная задача исторической демографии Казахстана состоит в том, чтобы опираясь на данные собственно демографической науки, найти новые, нетрадиционные источники и выработать новые методы исследования проблем народонаселения кочевых народов допереписного периода. Решение данной задачи возможно только при условии использования методов и источников естественных и географических наук. Вопросы формирования и функционирования эко и агросистем, ритмических колебаний климата и влияние его на экономику кочевых обществ позволяют выявить место и роль кочевников в указанных системах, численность и динамику населения аридных территорий Евразии, их миграции. Междисциплинарное изучение проблем исторической демографии бесписьменных народов делают возможным дальнейшее развитие научных исследований в данной области.

Ключевые слова: историческая демография, метод, междисциплинарное изучение

Введение. Территория Казахстана представляет собой часть Великой степи с четко очерченными границами. На востоке она ограничена Алтайскими горами, на юго-востоке – горными хребтами Тарбагатай, Саура и Тянь-Шаня, на юге – пустынями Каракумы и Кызылкум, на западе – Каспием, а на севере – тайгой. На территории Казахстана на рубеже I–II веков сложился аридный и субаридный климат. Население древнего Казахстана адаптировалось к изменившимся условиям и создало кочевое скотоводческое хозяйство. Кочевое скотоводство и только оно могло прокормить население Древнего Казахстана. Кочевое скотоводческое общество в большей степени, чем земледельческое, интегрировано в систему окружающей среды обитания. Кочевник-скотовод представляет собой завершающее звено в пирамиде геобиоценоза, основанием которой служит земля с его климатом и ландшафтом. Кочевник находится в прямой зависимости от состояния ландшафта и климата. Это утверждение верно для древнего, средневекового, и возможно Казахстана новой эры. Климат Казахстана, с его среднегодовыми осадками в 400 мм. делает невозможным

развитие классического земледелия при низком уровне развития производительных сил, что предопределило невозможность отделения ремесла от скотоводства, т.е. второго крупного общественного разделения труда. По словам Масанова Н.Э., развитие земледелия в Казахстане возможно лишь в маргинальных зонах (Кочевая цивилизация казахов, Алматы-Москва, 1995 г.). Городская культура развивается только на окраинах степи. Это позволяет утверждать, что история Казахстана до XVIII в. является историей, прежде всего кочевых народов. Кочевая цивилизация Казахстана не донесла в полном объеме письменную историю до современного исследователя. Древняя, средневековая и, отчасти новая, история Казахстана изучена на базе письменных источников соседних с Казахстаном народов. Исследователи в изучении различных отраслей истории Казахстана опираются в основном на данные письменных источников и материалы археологии. Но этих данных для полной реконструкции истории кочевых народов недостаточно, особенно для бесписьменного периода. Отсутствие или недостаток письменных источников по истории Казахстана являются причиной слабой изученности некоторых проблем отечественной истории. Одним из малоизученных проблем истории Казахстана является численность населения бесписьменного периода и фрагментарность допереписного периода. В этой связи интерес вызывает точка зрения В. Носевича, высказанная им в статье «Ранние тюрки в великом переселении народов (демографический аспект этногенеза) (Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов науч. конференции. Омск, 1984)». Ключом к определению, полагает Носевич, примерной численности населения служит то обстоятельство, что она тесно связана с типом хозяйства и природными условиями. Так, применительно к кочевникам, плотность населения определяется продуктивностью пастбищ, которая для зон степи, полупустыни и пустыни изменяется в соотношении 10:5:1. К сожалению, методики подсчета численности населения нет в тезисах автора, не удалось получить ее и в личной переписке с ученым. С помощью теоретических расчетов и этнографических параллелей, по мнению В. Носевича, плотность населения составляет для скотоводов-кочевников с элементами земледелия в 1 чел./км² для степи, 0,5 чел./км² для полупустыни и 0,1 – 0,2 чел./км² для пустыни. Учитывая, что эти цифры характеризуют не столько реальную плотность, сколько «демографическую емкость» территории, действительная населенность колебалась вокруг приведенных значений. Носевич полагает, что она вряд ли отличалась от расчетных данных более чем в два раза. «Демографическая емкость» степных пространств является константой, поэтому нетрудно рассчитать численность той части населения кочевых государств, вынужденная переселиться в другие

страны. Кроме социальных, политических и иных причин, вызывающих миграции кочевых народов, можно выделить фактор колебаний климата.

Обсуждение. Среди физико-географических наук, данные которой представляется возможным использовать историкам Казахстана, следует отметить, прежде всего, климатологию. Изменения климата - локальные или глобальные, играли определяющую роль в усилении или крушении кочевых государств, в характере и направленности внешней политики, а также миграционных процессов. Климатология использует в своих исследованиях гляциологические, палинологические, лимнологические, гидрологические и дендрологические методики. Целесообразным было бы использование этих методов в комплексе с данными письменных источников. Данные климатологии и анализ исторических фактов, описанных в летописях и работах историков, прошлого выводят нас на сравнительную хронологию. Выполненные до настоящего времени исследования, позволяют выявить существование поразительной синхронности климатических и исторических событий во всех частях света, заставляющей вполне серьезно относиться к влиянию климата на исторический процесс. Сравнительная хронология исторического процесса позволяют сделать вывод о несомненном влиянии колебаний климата в сторону аридности или увлажнения. Они приводят к началу процесса этногенеза, объединению племен, падению государств, к массовым переселениям народов. Так, например, увлажнение климата рубежа I-II тысячелетия до н.э. привела к образования народа Хань (китайцев) и переселению части населения междуречья Хуанхэ и Янцзы в Монголию, Тибет и Восточный Туркестан. Л.Н. Гумилев назвал ханьцев народом, сформировавшимся в результате упорной борьбы с водной стихией Девятиречья. Появление носителей Бегазы-Дандыбаевской культуры в начале I тысячелетия до н.э. можно также связать с началом увлажнения Восточной части Великой степи. В целом, изменения климата в исторически обозримом прошлом не являются чем-то разовым явлением, а представляют собой ритмическое колебание, закономерно повторяющееся через определенные отрезки времени. То, что климат периодически и ритмически меняется и колеблется, подтверждается некоторыми письменными источниками. Геродот в «Истории» дает описание Аральского моря в I тысячелетии до н.э. как «болота оксийского». Другими словами, аридизация климата Казахстана в прошлом имела место, так же как и начале 70-х годов XX в. Доказательством подобного утверждения является найденный археологической экспедицией под руководством К.М. Байпакова город на высохшем дне Аральского моря. Этот город, существовавший на территории Казахстана в XIV в., является однослойным, т.е. он исчез после того, как повысился уровень воды в Арале и больше не возродился.

Е.В. Максимов в работе «1850-летний ритм Шнитникова и волны цивилизации» («Геоэкология: глобальные проблемы» Ленинград, 1990г.)

ставит вопрос о влиянии изменений климата на исторические процессы. Согласно теории Шнитникова, климат на Земле подвержен ритмическим колебаниям с периодом в 1850 лет с его короткой активной и длинной пассивной фазами. Короткая активная фаза длится 400-500, а длинная пассивная- 1300-1400 лет. В этой связи интерес вызывает совпадение коротких активных фаз цикла Шнитникова и волн цивилизации. Генезис, становление и крушение античной цивилизации находятся в прямой зависимости от фазы ритма Шнитникова. Е.В. Максимов пишет, что античность появилась с началом активной фазы, средневековье просуществовало в пассивный период, а современная история началась с развитием новой активной фазы. Активные фазы определяются по горным оледенениям. Другими словами, активизация интеллектуальной и духовной силы человека напрямую связана с периодическими всплесками активных (холодных и влажных) фаз 1850-летнего цикла колебаний климата. Хронологически это связь выглядит следующим образом: I тысячелетие до н.э. – начало античного периода истории и активной фазы, на рубеже нашей эры происходит крушение античности, мир погружается в темную эпоху средневековья и наступает теплая и сухая фаза. Мир пробуждается в XV-XVII в.в. с наступлением активной фазы ритма Шнитникова, когда начинается эпоха Возрождения и становление буржуазного общества. На территории Евразии начинается процесс этногенеза и образования новых государств, Казахского в том числе. Сочетание радиоуглеродного метода и данных инструментальных наблюдений позволяют исследователям реконструировать локальные изменения климата. Представленный график доказывает зависимость появления или крушения государств от роста и понижения температуры. В VIII в. до н.э. на территории Казахстана начинается история скифо-сакских племен. Рост температуры в конце III в. привел к падению племенных союзов скифо-саков и появлению на территории Казахстана раннеклассовых государств усуней и кангюйев. Повышение температуры на рубеже нашей эры имело следствием аннигиляцию государств усуней, кангюйев и сюнну. VI в. ознаменовался в истории Казахстана появлением Тюркского каганата. Рост могущества тюрков прямо связано с понижением температуры в указанное время. Наблюдается и обратная картина: с повышением температуры происходит крушение державы тюрков.

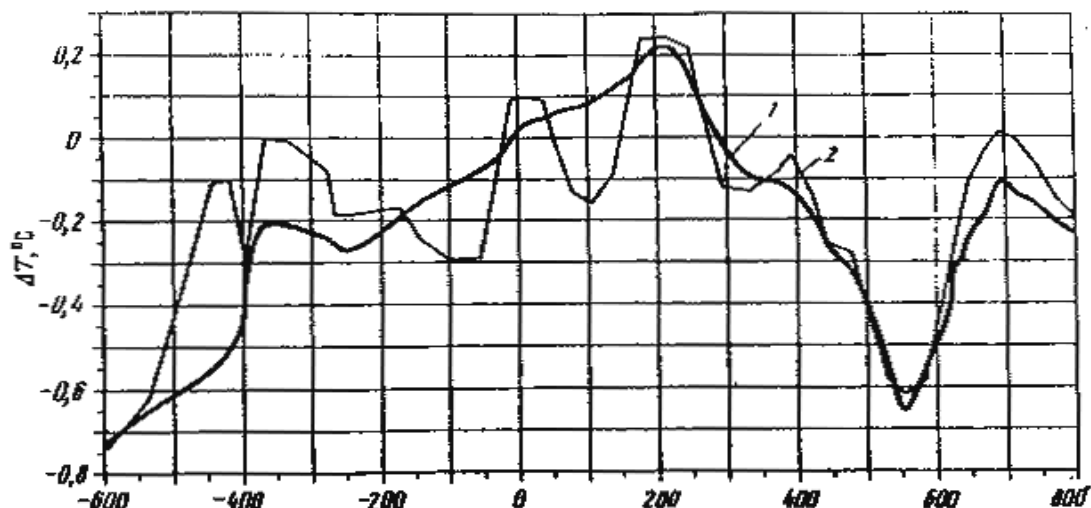

Рисунок 1 – Реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария в V в. до н. э. - VIII в. н. э. 1 - данные, пересчитанные из радиоуглеродной в календарную шкалу времени; 2 - детализированные данные. Температура отсчитана в разности от средней за 1951-1980 гг. величины

Данный температурный график приведен В.В. Клименко в статье «Климат и история от Конфуция до Мухаммеда» ("Восток", 2000, №1). В целом, понижение температуры для степных просторов Казахстана, означало наступление влажного периода. Степь покрывалась обильным травостоем, увеличивались поголовье домашних животных, и, как следствие этого, росла численность населения. Степь обладает строго ограниченной емкостью населения, поэтому, достигнув определенной точки роста, часть населения аридной зоны вынуждена покидать Родину в поисках новой земли. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что массовые переселения народов в глубокой древности всегда следовали синхронно ухудшению локальных природных условий, что ставит изменение климата в ряд первостепенных, важнейших причин такого рода событий. По мнению В.В. Клименко, одной из возможных причин кратковременного (до 3-4 лет) резкого ухудшения климата являются грандиозные вулканические извержения, сопровождающиеся выбросом огромного количества пыли и, что еще более существенно для климата, окислов серы в атмосферу. Аэрозоли серной кислоты, оказавшиеся в верхних слоях атмосферы, живут там довольно долго до 5-6 лет, и эффективно препятствуют поступлению солнечного излучения к поверхности Земли, вызывая ее существенное охлаждение. Это значит, что мощные извержения вулканов вполне могли служить спусковым механизмом, приводившим в действие лавины переселений. Другими словами, у исследователя проблемы есть возможность, проанализировав письменные источники древнего мира,

составить синхронистическую таблицу извержений вулканов и миграций населения данных регионов.

Изучение локальных колебаний магнитного поля земли в исторически обозримом прошлом позволяет выявить связь между акселерацией (как следствие увеличения репродуктивного периода) и темпами естественного прироста населения. В этой связи весьма интересна гипотеза П.В. Василика, изложенная в работе «К моделированию динамики численности населения Европы от мезолита до средних веков» (Медицинская кибернетика. Киев, 1976, вып. 33). Согласно гипотезе Василика, магнитное поле Земли, точнее, его локальные волнообразные колебания, влияют на уровень рождаемости. Если экстраполировать описанную П.В. Василюком магнитную волну длиной примерно в 60 градусов долготы на восток, то следующий минимум придется для III-IV вв. на меридиан озера Балхаш, а максимум – на Западную Монголию. В течение трех последующих веков полоса низкой рождаемости перемещается по территории Казахстана, в то время как пик естественного прироста – по Алтаю и Джунгарии. Если гипотеза П.В. Василика верна, считает В. Носевич (Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов науч. конференции. – Омск, 1984.), то кочевое скотоводство с его очень малой способностью к росту плотности населения должно максимально усиливать потребность в миграции из районов повышенного естественного прироста. В течение III-IV вв. падение рождаемости происходит в Казахстане, и поредевшее население не выдерживает напора вытесненных сяньбийцами хуннов, а следом за ними сюда устремляются тюркоязычные племена Алтая, как раз вступившего в полосу высокого прироста населения. Хунну сравнительно быстро минуют зону минимума рождаемости и достигают Южного Приуралья. Там, в результате метисации с сибирскими племенами, начинается процесс сложения новой этнической системы, известных в истории мира как гунны Аттилы. Гунны Аттилы положили, как мы знаем, начало Великому переселению народов. Именно резкое увеличение численности населения Монголии и падение его на территории Казахстана и определили начало великого переселения народов начала нашей эры. Все это время и последующие два столетия Алтай переживает период роста населения, достигнувший максимума в VI в. Именно в это время алтайские тюрки создают гигантский каганат, раскинувшийся от Желтого до Черного морей.

Нефедов С.А. в работе «О методе демографических циклов» (автореферат диссертации кандидата ист. наук. - Екатеринбург, 1999.) утверждает, что демографический фактор влияет на исторический процесс. Речь идет о так называемом «демографическом давлении», т.е. степени заполнения экологической ниши. Он считает, что исторический процесс на Востоке, как и на Западе, состоит из демографических циклов, поэтому можно установить глобальный характер демографических закономерностей.

Выделив хронологические рамки цикла, явления, происходящие в его рамках - такие, как рост городов, крестьянское малоземелье и разорение крестьянства, развитие крупного землевладения и ростовщичества, голод, восстания, гражданские войны и установление авторитарного строя - историк может объяснить их как обычные следствия роста населения, как историческую неизбежность. Согласившись с подобным утверждением, можно лишь добавить, что для кочевых скотоводческих народов пусковым механизмом исторического процесса является изменение климата. Сама по себе тезис об экологической нише не нов, но по отношению к истории номадов является актуальной. Степь как вмещающая и кормящая кочевников экосистема представляет собой основу общественных и экономических отношений. Номад является частью степной экосистемы, изменение какой-либо составляющей ее влечет за собой катастрофические последствия.

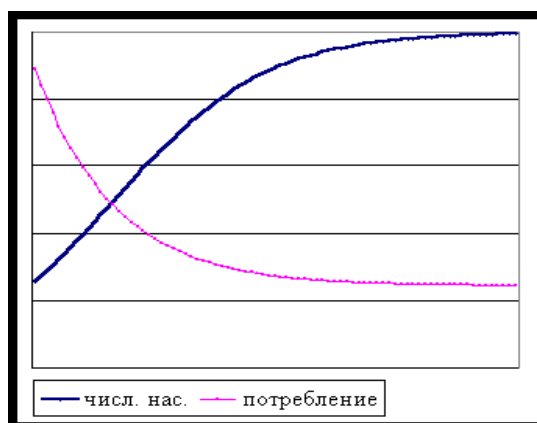

Рисунок 2 – Логистическая кривая и кривая душевого потребления.

Наступление увлажнения, согласно представленной кривой Р. Пирла, приводит первоначально к росту потребления, но вскоре замедляется, а со сменой режима увлажнения и заполнения экологической ниши – замедляется. Логистическая кривая сначала возрастает довольно медленно, потом рост ускоряется, но через некоторое время кривая приближается к асимптоте, поворачивает и далее движется вдоль асимптоты. Это означает, что популяция приблизилась к границам экологической ниши и голодная смертность скомпенсировала естественную рождаемость. Отношение текущей численности населения к максимально возможной, называется демографическим давлением. Другими словами, демографическое давление - это степень заполнения экологической ниши. Поскольку продовольственные ресурсы остаются ограниченными (из-за экстенсивности кочевого скотоводческого хозяйства), то по мере роста населения соответственно убывает душевое потребление. Демографический цикл начинается с периода внутренней колонизации (или периода восстановления). Период внутренней

колонизации может продолжаться 50-100 лет, за это время население может возрасти более чем в два раза. После периода внутренней колонизации начинается период сжатия. Период сжатия может продолжаться от нескольких десятилетий до столетия - в зависимости от того, оказывает ли государство поддержку разоряющемуся крестьянству. Период сжатия заканчивается экосоциальным кризисом. Для этого времени характерны: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы. Обычно правительства стран, переживающих экосоциальный кризис, предпринимают ряд мер, направленных на его преодоление. Самым легким шагом на этом пути является развязывание войны с целью расширения территории государства, а стало быть – увеличения площади пастбищ. Избыточное население частично гибнет в результате военных действий, а частично колонизирует приобретенные земли. Необходимо отметить, что избыточное население стремится колонизировать только те территории, которые имеют схожий климат и ландшафт Родины. Завоеванные оседлоземледельческие страны с отличным от аридного климатом не были привлекательны для народов кочевых государств. В них была заинтересована политическая элита кочевых государств.

В исторической науке Казахстана принято считать, что для жизнедеятельности семьи кочевника из 5-ти человек необходимо стадо с поголовьем в 25 у.е. скота. Под условной единицей понимают коня из расчета: 1 конь равен 5 овцам, а 2 коня – 1 верблюду. В республике Башкортостан в центре Юнусбаева (Сохранение биоразнообразия степей России для устойчивого сельского хозяйства. <http://www.biodiversity.ru/publications>) ведутся исследования по восстановлению экосистем степей. Одной из целей работ данного центра является возрождение кочевого скотоводства как одного из способов воссоздания степной экосистемы. В центре рассчитана формула пастбищной нагрузки, которая может быть использована для расчета численности населения кочевых народов.

Пастбищная нагрузка выражается в количестве скота, приходящегося на единицу площади пастбища. Допустимая пастбищная нагрузка (ДПН) - это количество скота, которое может обеспечить кормом единица площади пастбища. ДПН иначе называют пастбищной емкостью. Обычно ДПН определяют в расчете на 1 га. ДПН 1 га пастбища определяется по формуле:

$$ДПН = \frac{У}{П * Т},$$

где У - урожайность 1 га пастбища в сыром весе (ц/га); П - суточная потребность 1 головы скота в пастбищном корме (ц); Т - продолжительность пастбищного периода (сут.). Для примера возьмем Восточно-Казахстанскую

область. Урожайность современных пастбищ Восточно-Казахстанской области составляет около 7 центнеров сырой массы. Поставив эту цифру и данные по суточной потребности в кормах для лошади, мы получим число коней, которое может прокормить единица площади степи.

или $ДПН = 0.8$, т.е. 8 голов лошадей на 10 га площади выпаса.

Это данные для весенне-летнего периода кочевания. В осенне-зимний период суточная потребность коней составляет не 0.5 центнера сырой массы, а 0.18. Следовательно, ДПН необходимо считать иначе:

$ДПН = 0.2$, т.е. 2 головы на 10 га площади пастбищ.

7 центнеров с гектара является для нашего региона максимальной урожайностью. В засушливые годы эта цифра приближается к 5 центнерам. Те же расчеты при урожайности в 5 центнеров с гектара дают ДПН в 5 голов на 10 га в весенне-летний период и чуть больше 1 коня на 10 га в осенне-зимний период. Накануне перехода к зиме кочевники проводили массовый забой скота - готовили так называемый соғым. Таким образом, кочевники не только заготавливали продукты на зиму, но приводили в соответствие поголовье скота и количество кормов, необходимых для прокормления стад в осенне-зимний период.

Площадь территории Восточного Казахстана составляет 283.3 тыс. км.2 или 28330000 га. Из этой площади необходимо вычесть площадь земель, занятых лесами, водными объектами и неудобья. После несложных вычислений получаем цифру в 22221000 га. Произведя нехитрые расчеты, получаем цифру в 17776800 голов для благоприятного в погодном отношении года. В засушливый год эта цифра составит 11110500 у.е. голов скота. Исходя из положения, согласно которому семье из 5 –ти человек необходимо 25 у.е. скота для жизнедеятельности, можно высчитать примерную численность кочевого населения конкретного степного региона, в данном случае - Восточного Казахской области. Она могла составлять, при условии ведения только кочевого скотоводческого хозяйства, около 3 млн.555 тыс.360 в благоприятные для ведения кочевого хозяйства годы и 1млн.777тыс. 680 человек в засушливые годы. Конечно же, приведенные цифры являются максимальными и минимальными значениями численности населения данного региона. Это число меняется постепенно от максимума к минимуму в зависимости от продолжительности и интенсивности неблагоприятных климатических лет. Представленная логистическая кривая и сопоставленная с температурным графиком (рис.1) дает возможность увидеть связь между увлажнением степи, увеличения численности населения и падением душевого потребления и, соответственно, миграцией части

населения Алтая на запад в поисках новой экологической ниши. Понижение температуры началось в IV в., а стало быть, началось увлажнение степи, что в свою очередь повлекло увеличение численности населения. Увеличение численности населения приводит к понижению душевого потребления и росту миграционных настроений части кочевников. У земледельческо-оседлого населения эта ситуация разрешается по-другому: голод, эпидемии, восстания и войны, что давало повод некоторым исследователям считать эти следствия регуляторами численности населения.

Заключение. Кроме того, незаслуженно мало используются в исторической демографии материалы антропологических исследований. Данные краниологических, дерматоглифики, одонтологии, серологических исследований позволяют определить направление и интенсивность миграционных потоков населения Центральной Азии, как в широтном, так и долготном отношении. Материалы антропологических исследований дают возможность определить начало миграционных процессов путем выявления изменений расовых черт, состава крови, строения зубов и рисунка кожных покровов. Например, антропологические исследования подтверждают данные надписей из Бехестуна о саках-тиграхауда как носителей монголоидных расовых признаков. Эти факты доказывают, что миграция избыточного населения Монголии на территорию Казахстана началась в середине I тысячелетия до н.э.

Приведенные в данной работе естественно-географические методы определения численности населения, рождаемости и миграций призваны начать более широкие исследования в указанном аспекте. Сама постановка проблемы необходима хотя бы потому, что изучение истории Отечества сопряжено с трудностями такого рода, как скудость источниковой базы. Введение в научный оборот новых неписьменных источников и методов естественно-географических наук, математики, представляется необходимым, оправданным и целесообразным.

Список использованной литературы:

1. С. Вязков К вопросу о влиянии изменения климата на этногенез на примере этносов Восточной Европы/ <http://kulichki.rambler.ru>
2. В. В. Клименко Климат и история от Конфуция до Мухаммада <http://gepl.narod.ru>.
3. Е.В. Максимов 1850-летний ритм Шнитникова и волны цивилизации/«Геоэкология: глобальные проблемы»/ Ленинград, 1990 г.
4. Н.Э. Масанов Кочевая цивилизация казахов / Алматы-Москва, 1995
5. В. Носевич Ранние тюрки в великом переселении народов (демографический аспект этногенеза)/ <http://www.scgis.ru>
6. Ф. Бродель Время мира / Москва, 1992.

7. Юнусбаев У.Б. Сохранение биоразнообразия степей России для устойчивого сельского хозяйства. <http://www.biodiversity.ru/publications>

8. Система ведения сельского хозяйства в Восточно-Казахстанской области. Рекомендации / Усть-Каменогорск, 2004.

9. История Казахстана. Очерки / Алматы, 1993.

Автор туралы мәлімет:

А.Ф.Джаксылыков, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеттің аға оқытушы, (Өскемен қ., Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАРИХИ ДЕМОГРАФИЯСЫ

Аңдатпа: Тарихи демография-демография мен тарих ғылымының тоғысында пайда болған пән. Тарихи демография демография сияқты мәселелерді зерттейді, бірақ тарихи ретроспективада. Қазақстанның тарихи демографиясында, сондай-ақ жалпы Қазақстан тарихында негізгі проблема бар: демографиялық ғылым негізделетін жазбаша дереккөздердің болмауы. Қазақстанның тарихи демографиясының негізгі міндеті-демографиялық ғылымның нақты деректеріне сүйене отырып, жаңа, дәстүрлі емес дереккөздерді табу және қайта жазылуға дейінгі кезеңдегі көшпелі халықтардың халқы проблемаларын зерттеудің жаңа әдістерін әзірлеу. Бұл мәселені шешу табиғи және географиялық ғылымдардың әдістері мен көздерін пайдалану жағдайында ғана мүмкін болады. Эко және агрожүйелердің қалыптасуы мен жұмыс істеуі, климаттың ырғақты ауытқуы және оның көшпелі қоғамдардың экономикасына әсері мәселелері аталған жүйелердегі көшпенділердің орны мен рөлін, Еуразияның құрғақ аумақтары халқының саны мен динамикасын, олардың көші-қонын анықтауға мүмкіндік береді. Жазылмайтын халықтардың тарихи демографиясының мәселелерін пәнаралық зерттеу осы саладағы ғылыми зерттеулерді одан әрі дамытуға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: тарихи демография, әдіс, пәнаралық зерттеу

Information about the author:

A.F.Jaxylykov, Senior teacher of East Kazakhstan technical university (Ust - Kamenogorsk, Kazakhstan)

HISTORICAL DEMOGRAPHY OF KAZAKHSTAN

Abstract: Historical demography is a discipline that emerged at the junction of demography and historical science. Historical demography studies the same questions as the demography, but in the historical retrospective. In historical demography of Kazakhstan, as well as in the history of Kazakhstan as a whole, there is a fundamental problem: the lack of written sources on which demographic science is based. The main task of historical demography of Kazakhstan is finding new, unconventional sources and developing new methods for studying problems of the population of nomadic peoples of pre-census period, being based on the data of demographic science. This task can be solved only by using the methods and sources of natural and geographical sciences. The formation and functioning of eco- and agrosystems, rhythmic variations in climate and its influence on the economy of nomadic societies allow defining of the place and role of nomads in mentioned systems, the size and population dynamics of arid lands of Eurasia and their migration. An interdisciplinary study of the problems of historical demography of peoples with no written language makes possible further development of research in this area.

Key words: historical demography, method, interdisciplinary study

ИСТОРИЯ УЛУСА ДЖУЧИ В ТРУДАХ ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ТАТИЩЕВА

М.Е. Шайхутдинов

*доктор исторических наук, профессор,
научный руководитель Международного научного комплекса Астана (МНКА)
г. Нур-Султан*

Аннотация. В статье детально освещены взгляды **В.Н. Татищева** (1686-1750 гг.) на историю Улуса Джучи (*Золотой Орды*). Автор статьи раскрывает взгляды В.Н. Татищева на всемирно-исторический процесс, отмечает его сильные и слабые стороны как историка, подробно характеризует его работу с историческими источниками (*в первую очередь с русскими летописями и западными хрониками*) и т.д. В статье нашла отражение критика трудов В.Н. Татищева в русской, советской и современной историографии.

Ключевые слова: Монгольская империя, Каракорум, Улус Джучи, Сарай, ярлык, дань (выход), Московское княжество, Тверское княжество.

Введение. Улус Джучи занимает важное место в дореволюционной историографии. Одним из первых российских историков, уделявших пристальное внимание истории Улуса Джучи, был В.Н. Татищев – высокопоставленный чиновник, губернатор Астрахани, который понимал важность изучения археологических памятников, имеющих отношение к истории Джучидов. А.И. Андреев отмечает, что В.Н. Татищев просил Кабинет министров отправить в его распоряжение геодезиста и живописца «для описания руин великих городов и строений»^[1]. В.Л. Егоров и А.И. Юхт констатируют, что В.Н. Татищев описал руины Сарая – первой столицы Джучидов. «Ценность сообщаемых сведений, – подчеркивают В.Л. Егоров и А.И. Юхт, – состоит в том, что автор застал хорошо видимые развалины и даже остатки отдельных построек»^[2]. Роль В.Н. Татищева в изучении эпохи Джучидов рассматривается также в трудах Г.Н. Гарустовича и его единомышленников^[3].

Главный труд В.Н. Татищева – «История Российская» – внешне похож на летопись. Материал распределен по годам, что позволяет расценить этот труд как «последнюю летопись»^[4]. Вместе с тем, историки неоднократно упрекали В.Н. Татищева в вольном обращении с источниками. В этой связи А.М. Сахаров пишет: «Две редакции «Истории», имеющие отличия и разночтения, отсутствие точных ссылок на источники породили в историографической литературе продолжающийся до наших дней спор – насколько можно верить так называемым «татищевским» известиям, не встречающимся больше нигде?»^[5]. Сам А.А. Сахаров признает, что В.Н. Татищев иногда адаптировал текст источника к языку XVIII века, но «никогда ничего не фальсифицировал, никогда не только не придумывал

«полезных» для его взглядов сведений в прошлом, но даже не замалчивал, не опускал таких сведений, которые были ему «невыгодны»^[6].

Современные российские историки, например, Ю.А. Мамаева, отмечают, что дискуссия по поводу «татищевских известий» продолжается, «но при любой точке зрения «Историю Российскую» необходимо рассматривать как важный исторический труд, не забывая о критическом подходе к нему, как, впрочем, и к любому другому историческому произведению»^[7]. Своего апогея критика В.Н. Татищева достигла в трудах украинского историка А. Толочко, который считает, что как собрание источников «История Российская» «не представляет собой ничего ценного, но вот в качестве коллекции мистификаций представляется действительно выдающимся текстом. Именно эта сторона деятельности Татищева позволяет оценить его не как летописца, но как вдумчивого, тонкого и проницательного историка».^[8] По мнению украинского историка, Татищев «облекал свои открытия в форму документальных свидетельств и щедро делился авторством с древними летописцами»^[9]. Стоит заметить, что монография А. Толочко была подвергнута жёсткой критике С.Н. Азбелевым^[10], В.В. Фоминым^[11] и др.

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных аспектах татищевской «Истории Российской», касающихся политической истории Монгольской империи, Улуса Джучи (*Золотой Орды*) и их наиболее известных правителей.

Обсуждение. Впервые о монголах В.Н. Татищев упоминает в 35-й главе «Истории Российской», где речь идёт о первом столкновении русских князей с монголами на реке Калке. Слепо следуя сообщениям русских летописцев, он пишет: «В том же году пришли народ неизвестный, безбожные агаряне, о которых подлинно никто не знает, какого они происхождения, откуда начало их и какой они веры. Они называются татары, кланяются солнцу, луне и огню. Некоторые между ними зовутся таурмены (616), иные зовутся команы, иные монги. Некоторые же сказывают, что в них много народов, от скифов восточных совокупленные, (617) и, других покорив, все вместе так называются»^[12]. Историк признаёт, что князья русские «неправо» перебили «послов татарских»^[13] (*В.Н. Татищев называет монголов татарами*). Описывая битву на Калке, В.Н. Татищев отмечает несогласованность действий русских князей и акцентирует внимание на жестокости победителей^[14]. Он указывает, что о татарах «до пришествия Батыя не слышно было»^[15]. В 1236 г. «пришли татары на великих болгар, всю их землю попленили, град Великий и Жукотин после жестоких боёв взяв, всех мужей и жен порубили, а младых пленили и всеми землями их овладели»^[16]. Многие болгары пришли на Русь и были расселены князьями около Волги.

Описывая нашествие **Батые** (*Бату*), В.Н. Татищев даёт волю эмоциям: «Татары по их неисчислимому многолюдству и ненасытному кровопийству, коим весь мир к расхищению недостаточен был, победив и покорив себе столь многие на востоке земли и государства, по Волге же болгар, пришли с восточной стороны чрез леса на область рязанскую с ханом их Батыем (*Бату* калмыцкое крепкий, или твердый)»^[17]. Историк отмечает, что рязанцы ждали помощи от великого князя Юрия Всеволодовича, но тот «ни сам не пошел, ни войск не послал, не приняв прошения их, надеясь сам собою татар победить»^[18]. В итоге Рязань пала. После взятия Суздаля и Владимира татары «разошлись по разным местам и, взяв, грады русские разорjali»^[19]. Говоря о битве на р. Сити (1238 г.), В.Н. Татищев явно преувеличивает значение религиозного фактора: «к вечеру стали безбожные одолевать и, смяв полки русские, убили князя великого и племянника его Всеволода, многих воевод и бояр со множеством войска русского на месте том. А Василька Константиновича ростовского взяли живого и вели его до Шеринского леса, принуждая его к принятию веры их»^[20]. Затем татары взяли Козельск: «Батый, въехав во град, так рассвирепел, что велел во оном всех, не щадя жен и детей, порубить и повелел его не Козельском, но Злым градом называть»^[21]. В таком же духе В.Н. Татищев описывает взятие Чернигова: «победили татары христиан»^[22]. В то же время он признает благородство Батые: «Дмитра ж воеводу привели к Батыю раненого, и не повелел его Батый убить мужества его ради»^[23].

По словам В.Н. Татищева, Батый «поставил наместников и властелинов своих по всем градам русским; затем повелел всем князьям русским, оставшимся в Руси, прийти к нему и поклониться ему»^[24]. Хан «почтил Ярослава и отпустил, дав ему старейшинство во всем русском народе; и пришел с великою честью в землю свою»^[25]. В изображении В.Н. Татищева Батый выглядит как царь и судья в одном лице: «Князь Владимир Константинович угличский, внук Всеволода, и племянник его Борис Василькович ростовский, и другой племянник его князь Василий Всеволодович пошли в Орду к хану Батыю про свою вотчину. Он же, выслушав их о сем и рассудив, дал им вотчину их и отпустил их с честью»^[26]. В.Н. Татищев пишет, что Ярослав Всеволодович умер после визита в Орду, но не утверждает, что тот был отравлен: «И много истомления принял от татар за землю Русскую, и отпустили его уже изнемогшего. И помалу пошёл от хановичей, и преставился смертию в нужде во иноплеменниках месяца сентября в 30 день»^[27]. Однако с Александром Невским, сыном Ярослава Всеволодовича, Батый обошелся милостиво: «Пришел же он в Орду к Батыю, и видев его, хан сказал вельможам своим: «Как и говорили мне о нем, так есть; нет никого, кто подобен сему князю»^[28].

По словам В.Н. Татищева, наследник Батые **Сартак** регулировал отношения между русскими князьями: «Дал хан великое княжение Киевское

и всю землю просто Русскую князю Александру, а белорусское князю Андрею по завету отца их. ...В тот же год пришел князь Александр Ярославич и брат его Андрей от хановичей»^[29]. Затем Александр сообщил Сартаку о том, что Андрей «выходы и тамги хану платит не сполна»^[30]. Итогом этого визита Александра в Орду стала «Неврюева рать», после поражения от которой Андрей бежал в Новгород, а затем в Псков. Александр же «сел на великом княжении во Владимире»^[31].

В.Н. Татищев сообщает о первой переписи населения на Руси в 1257 году: «приехали численники от татар и сосчитали всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую; и поставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников, и все это сделав, возвратились в Орду»^[32]. В Новгороде Великом произошел сбой – князь Василий оказал сопротивление численникам, за что был показательно наказан: «Александр Васильевич выгнал сына своего Василия из Пскова и послал его в Низ, а дружину его казнил, иному нос и уши обрезал, другим же очи вынимал и руки отсекал»^[33].

После визита в Золотую Орду, к хану Берке, Александр Невский умер. Берке выдал ярлык на великое княжение Ярославу тверскому – младшему брату Александра. В 1266 г. «умер хан ордынский Беркай, и было послабление Руси от насилия татарского»^[34].

Ханом стал Менгу-Тимур. В 1275 г. великий князь Василий принес в Орду дань. Хан заявил ему: «Ясак мал есть, а людей много и земле твоей. Почему не от всех даешь?». Князь же великий исчислил по числу от баскаков прежних. И хан велел послать новых численников во всю землю Русскую с великими градами, да не утаят людей»^[35]. Через год Василий умер. Великим князем стал его племянник Дмитрий Александрович.

По словам В.Н. Татищева, Менгу-Тимур активно вовлекал русских князей в свои походы. Например, в 1278 году они вместе отправились за Днестр: «И помог Бог князьям русским, и взяли славный город яский Дадяков зимой февраля в 8 день, и полон и богатства много взяли, а иных смерти предали, а град их сожгли»^[36]. В том же году «приходили татары на Рязань, и много зла сотворили»^[37]. Тогда же «воевали татары Литву, и князи русские ходили с ними же, и со многим полоном и наживой возвратились восвояси»^[38]. В то же время русские князья активно втягивали ханов в свои споры. Так, Андрей Александрович (*второй сын Александра Невского*) конфликтовал со своим старшим братом – великим князем Дмитрием Александровичем. В 1281 г. он сообщил Туда-Менгу, что Дмитрий «собирает рать и укрепляет град»^[39]. Хан велел Кавгадыю и Алчедаю идти с Андреем на Дмитрия, который бежал в Новгород, но новгородцы отвергли его^[40]. Андрей «одарил дарами многих князей ордынских Кавгадыя и Алчедаю»^[41]. В 1282 г. Андрей вновь оклеветал Андрея: «тебе, хану, повиноваться и даней

твоих тебе платить не хочет»^[42]. Хан направил свои войска против Дмитрия, который попросил помощи у Ногая, конфликтовавшего с Туда-Менгу.

Ногай назначил в Курское княжество баскаком купца Ахмата, который создал две «слободы», где селил беглых крестьян и горожан. В.Н. Татищев пишет: «И так умножились люди в слободах тех, и были там торги и мастера всякие, и были те великие слободы, как грады великие. Исходили люди из тех слобод, и насилие и обиду творили многую в курском княжении, и около Горгала, и около Рыльска, и около Липецка все пусто сотворили»^[43].

По словам историка, ордынский хан Телебуга (Тула-Буга), который сместил Туда-Менгу, Он велел князю Олегу Рыльскому эти слободы разорить. Следом с жалобой на Ахмата к хану пришел князь Святослав Липецкий. Ахмат обратился за помощью к Ногаю, а Олег Рыльский – к Тула-Буге. В его отсутствие Святослав Липецкий убил посла баскака Ахмата. Олег упрекнул Святослава в самоуправстве. На это Святослав ответил: «что баскаковы слободы грабил, в том я прав, не человека я обидел, но зверя, но еще особенно врагам своим мстил, неверным язычникам татарам»^[44]. После этого Олег убил Святослава.

По данным В.Н. Татищева, в 1291 году «поссорились в Орде ханы Тохта с Телебугою и Солгуем, и одолел Тохта. В тот же год Ногай хан убил Телебуга хана и Солгуя. ...В тот же год в татарах была крамола великая, брань и убийство, и на Руси тишина»^[45].

К власти в Улусе Джучи пришел хан Тохта (Токта). В 1292 г. к нему пришли русские князья с жалобой на великого князя Дмитрия Александровича. Дело закончилось приходом «Дюденовой рати» на Русь. В 1294 году Тохта на время усмирил Ногая. В том же 1294 году умер великий князь Дмитрий Александрович и великое княжение перешло к Андрею Александровичу. В 1296 году он решил отнять Переславль у своего племянника Ивана Дмитриевича, но ему помешал Михаил Ярославич Тверской. В спор вынужден был вмешаться татарский посол Неврюй^[46]. В итоге конфликт был улажен.

По словам В.Н. Татищева, в 1299 г. Тохта во второй раз ходил на Ногая и победил его. Тогда же в Орде побывал великий князь Андрей Александрович. В 1303 году умер Даниил Александрович Московский. Его сын Юрий Данилович тут же взялся за расширение своих владений. После смерти Андрея Александровича начался спор Юрия Даниловича и Михаила Ярославича тверского за великое княжение владимирское: «Когда же князи были в Орде, и так как каждый хотел великое княжение получить, давали дары многие хану, и ханшам, и князям ордынским, те же сколько брали, столько же от другого желали. Юрий же, слышав, что Михаил хочет хану дань большую обещать, придя к нему, сказал: «Отец и брат, я слышу, что хочешь большую дань уступить и землю Русскую погубить. Сего ради я тебе уступаю вотчину мою, да не гибнет земля Русская ради нас». И придя к хану,

явили ему о сем. Тогда дал хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпустил их»^[47].

В 1312 году хан Тохта умер. В 1313 году к власти пришел хан Узбек, при котором в Улусе Джучи окончательно утвердился ислам. В.Н. Татищев сообщает: «сел хан Азбяк на Орде и обасурманился»^[48]. Особенно насыщенным оказался 1315 год: «Прислал из Орды Азбяк царь ордынский за князем Юрием Даниловичем московским, да идет к нему в Орду без промедления. ... В тот же год пришел от хана из Орды князь великий Михаил, а с ним посол Тантемир и Имар-ходжа»^[49]. В 1317 году на Руси произошла очередная рокировка: «Пришел князь Юрий Данилович Московский на великое княжение из Орды, женившись у царя Азбяка, сестру его взял, именем Кончаку; когда же крестилась, наречено ей было имя Агафья. И привел с собою послов татарских сильных весьма»^[50]. Тогда же Юрий Данилович уступил великое княжение Михаилу Ярославичу, который умаслил татарских послов: «привел их во Тверь и многую честь воздал Кавгадью и татарам его»^[51].

По данным В.Н. Татищева, в 1318 году Юрий Данилович взял реванш: «И в ту же зиму пришли в Орду князь Юрий Данилович московский и начальник всему злу Кавгадый. И начал клеветать на князя великого Михаила Ярославича хану Азбяку»^[52]. То есть, согласно В.Н. Татищеву, в этой распре главным злодеем оказывается Кавгадый, а не русские князья. Вскоре в Орду отправился и Михаил Ярославич. Хан Узбек велел своим князьям рассудить спор: «Юрий неправ был, но татарские князи не любили его, все помогали Юрию и многие вины вкладывали на Михаила»^[53]. 22 ноября Михаил Ярославич был жестоко убит в Орде. Тем не менее в том же году Юрий Данилович вернулся на Русь и сел на великое княжение.

Как сообщает В.Н. Татищев, в 1322 году Узбек вновь вынужден был решать вопрос о великом княжении. К нему прибыл князь Дмитрий Михайлович Тверской (*Дмитрий Грозные Очи*) «с дарами многими и поведал хану все неправды про великого князя Юрия, как несправедно с Кавгадыем оклеветали и сами на смерть осудили и убили отца его, и как Юрий взял серебро тверское выходное и от иных князей и не отдал послу ханскому».^[54] В итоге Узбек пожаловал Дмитрия «великим княжением русским, Владимиром и Новгородом со всеми их градами, что были под великим князем Юрием Даниловичем»^[55]. В 1324 году Юрий отправился к Узбеку. Следом в Орду отправился и Дмитрий Грозные Очи. 21 ноября 1325 года Дмитрий убил в Орде Юрия Даниловича. Хан Узбек приговорил Дмитрия Грозные Очи к смертной казни, но все-таки отдал ярлык на великое княжение брату Дмитрия – Александру Михайловичу Тверскому. В том же году из Золотой Орды вернулся Иван Данилович Московский (*Калита*), мечтавший о великом княжении.

В.Н.Татищев детально останавливается на тверском восстании 1327 года, но при этом приписывает татарскому послу Щелкану немислимые обвинения: «был же сей племянник хану Азбяку, желая князей тверских убить, а сам сесть на княжении во Твери, а своих князей татарских желал посажать по русским градам, а христиан хотел привести в татарскую веру. И мало дней пребывал он во Твери, много зла сотворилось от него христианам»^[56].

По словам В.Н. Татищева, осенью 1327 г. Иван Калита получил от Узбека ярлык на великое княжение. В ту же зиму он «пошел на Владимир и прочие грады; а с ним царя Азбяка рать татарская и многие воеводы, посол Феодорчук, Туралык, Сюга и прочие князи ордынские, пять темников великих... Князь же, придя, взял град Тверь, и Кашин, и прочие грады тверские и волости, села пожгли, и людей в полон повели, и Торжок и волости пустыми сотворили»^[57]. Татары возвратились в Орду «со многим полоном и богатством. И была тогда по всей Русской земле великая тягость, и томление, и кровопролитие от татар, так как не только имена выбирали, скот и коней забирали, но жен и дочерей брали по своей воле и держали, сколько хотят, а кто перечил, мучили и убивали»^[58].

В 1328 году Узбек «дал великое княжение Владимирское князю Иоанну Даниловичу, и иные княжения дал ему к Москве. А князю Константину Михайловичу дал княжение Тверское»^[59]. Вслед за летописцами В.Н. Татищев констатирует: «И была оттуда тишина великая по всей Русской земле на 40 лет, и перестали татары воевать Русскую землю»^[60]. В том же году Узбек приказал доставить в Орду князя Александра Михайловича Тверского, находившегося в Пскове^[61]. Александр был вынужден бежать в Литву, о чем русские князья и доложили хану Узбеку. В это же время Калита столкнулся с финансовыми трудностями и дважды был вызван Узбеком в Орду (*в 1332 и 1333 гг.*).

На фоне недовольства Калитой в 1337 г. Александр Михайлович прибыл в Орду: «дал ему хан Азбяк честь великую, и пожаловал его вотчиною его княжением Тверским, и отпустил его на Русь»^[62], но многие тверские бояре отъехали к Калите. В.Н. Татищев сообщает: «А князь Александр Михайлович послал сына своего князя Федора со Авдулом послом в Орду. А с великим князем Иоанном Даниловичем, обмениваясь сообщениями о вотчине, ни о чем не договорились и мира не взяли. И князь великий Иоанн Данилович с Москвы пошел в Орду»^[63]. Тем временем немцы и литовцы пожаловались Узбеку на Александра Михайловича, который в свое время да им немало обещаний в обмен на помощь. В 1338 году Узбек вызвал Александра Михайловича в Орду. Туда же в 1339 году отправился и Калита. Он вернулся из Орды на Русь «с великим пожалованием и честью»^[64], а Александр Михайлович и его сын Федор были убиты в Орде^[65]. В том же 1339 году Узбек отпустил из Орды «детей великого князя Иоанна

Даниловича, князя Симеона да братьев его, князя Иоанна и Андрея Иоанновичей, на Русь в вотчину их, и пришли на Москву с великой радостью и веселием»^[66]. После смерти Калиты в 1340 году сыновья вновь отправились в Орду: «И вышел из Орды князь великий Симеон Иоаннович с братиею и сел на великое княжение владимирское и московское»^[67]. Затем В.Н. Татищев сообщает о смерти Узбека в 1341 г. «сел после него в Орде сын его старший Тинбек; а другой был сын его Джанибек и убил брата своего младшего Хидырбека, и про то гневался на него старший брат его Тинбек хан; и была вражда между ними»^[68]. В 1342 г. Джанибек «убил брата своего старшего Тинабека хана, а сам сел в Орде ханом, а прежде сего убил младшего своего брата; и так всю ордою, и всеми улусами, и всеми землями властвовать стал»^[69].

Джанибек стремился сохранять баланс сил между Симеоном Гордым и литовским князем Ольгердом, просившим у хана помощи против Симеона. В.Н. Татищев пишет, что послы Симеона пожаловались Джанибеку: «Ольгерд улусы твои все высек и в полон вывел. Если хочешь ему оставить, то и нас всех выведет к себе в полон, а твои улусы пустыми до конца сотворит»^[70]. Разгневанный хан выдал Москве литовских послов и их дружину. После смерти в 1353 г. Симеона Гордого Джанибек дал великое княжение Ивану Красному^[71].

Согласно В.Н. Татищеву, в 1357 году к митрополиту Алексею прибыл посол «от Джанибековой ханши Тайдалы, звал его к ней в Орду, чтобы дошел, посетил исцелить ее, ибо была немощна. ...И Божиею милостию ханшу Тайдалу исцелил»^[72]. В это же время «восстали вражда и волнение великое в Орде»^[73]. Речь шла о заговоре темника Тавлубея против Джанибека: «И начал сыну ханскому Джанибекову Бердибеку во ухо шептать, хваля его и вознося, говоря, что «время тебе есть сидеть на ханстве, а отцу твоему сойти»^[74]. В итоге Бердибек «удавил отца своего Джанибека»^[75]. В.Н. Татищев признает: «Был же сей хан Джанибек добр весьма ко христианству, многие льготы сотворил земле Русской, но суд ему сотворился: как он побил братию свою, так же и сам ту же чашу испил»^[76].

Бердибек «сел на ханство и убил братьев своих 12, окаянным князем и учителем своим доброжелателем Тавлубеем наставляемый»^[77]. Тогда же «все князи русские пришли в Орду к новому хану Бердибеку, Джанибекову сыну; а князь Василий Михайлович тверской с племянником своим с князем Всеволодом Александровичем холмским, в раздоре будучи, пошли порознь. ...Князя же великого хан, почитая, повелел встретить двум князьям на устье Ахтубы и проводил в Сарай со всякою честью и довольством»^[78]. В 1358 г. Орда вмешалась в споры между Москвой и Рязанью: «Пришел посол великий из Орды ханский сын, именем Магмет-ходжа (Мамат-хожа), на Рязанскую землю и послал в Москву к великому князю Иоанну о разграничении земли Рязанской по пределам, имел же власть утвердить нерушимые и неизменные

поставить межи. Князь же великий Иоанн, ведая, что тот, доброжелательству рязанскому, хочет Лопасню и другие волости тому отдать, не пустил его в свою вотчину. И вот так было, но вскоре от хана в Орду позван был султан Мамет-ходжа, потому что клевета пришла на него хану, что вошел в крамолу великую, ибо убил было в Орде ханского любимца, и тогда сам он бежал ко Урначу. И там гонцы настигли его, взяли, и убит был по велению ханскому» [79].

В.Н. Татищев сообщает также о начавшейся в 1359 г. «*великой замятне*»: «в Орде убит был хан Бердибек, сын Джанибеков, внук Азбяков, и с доброжелателем своим, именованным Тавлубеем князем, и с иными советниками его, приняли они месть по делам своим, испил чашу, которой напоил отца своего и братию свою. И после него сел в Орде на ханство *Култа*, и властвовал месяц 6, дней 5, и много зла сотворил. И так сего не стерпел суд Божий, и убит был от Науруса (Невруса) с двумя сынами своими, с Михаилом и Иваном, бывшими от матери крещеными. И так после Кулпы сел в Орде хан *Наурус*» [80].

Тогда же умер великий князь Иван Красный, преемником которого стал малолетний Дмитрий Иванович. Московский посол просил хана о ярлыке для Дмитрия, но хан не дал, сказав: «Когда сам придет, тогда ему дам». А при том обещался иному великого княжения не дать» [81]. Соперник Дмитрия Ивановича, Дмитрий Константинович Суздальский, убедил хана нарушить свое обещание: «и забыл хан, что обещал послу князя Дмитрия Ивановича, дал ему великое княжение Белое, град Владимир и Переславль со всею областью» [82].

Затем В.Н. Татищев сообщает о новом перевороте в Орде: «пришел от востока некий заяицкий хан Хидырь (Хидрбег) Синей орды на ханство Волжское ратью. И была лесьть во князях ордынских Волжской орды, и начали тайно посланиями обмениваться с Хидырем ханом заяицким, имея слое намерение на волжского своего хана Науруса, и составила тайная лесьть в их дело. Наурус же, не ведая лести своих, надеясь на силу, смело вышел против него, и вступились в бой. И когда начали биться, предан был от своих князей болгарский хан Наурус заяицкому хану Хидырю, и так убит был и с сыном своим Темиром; также и ханша Тайдула убита была, и князи ордынские, которые в любви и совете Наурусу, хану волжскому, Муалбузий со множеством татар их убиты были» [83].

Так, по словам В.Н. Татищева, ханом стал *Хидырь* (*Хызр*): «сел на Волжском ханстве Хидырь хан заяицкий, который с востока пришел. И было тогда в Орде волнение великое» [84]. В 1361 году в Орду прибыл Дмитрий Иванович: «и Божию милостию сохраняем, до волнения вышел из Орды, поскольку после отшествия его из Орды волнение великое в Орде восстало» [85]. Тогда же в Орде случился очередной заговор: «убит был кроткий и смиренный хан Хидырь с младшим сыном своим Кутлуем от старшего сына

своего Темир-ходжи, и сел на государстве Волжском Темир-ходжа, Хидырев сын старший, а на луговой стороне хан Амурат, и устроил Сарай новый»^[86].

Темир-ходжа (*Тимур-ходжа*), правил недолго. Против него восстал темник Мамай, приведший к власти хана **Авдулу** (*Абдуллаха*^[87]): «хан заволжский Темир-ходжа, Хидырев сын, убежал за реку Волгу и там убит был»^[88]. Тогда же появился хан **Килдыбек** (*Кильдибек*), который также был убит: «И тот, добываясь государства Волжского, многих побил, под конец же и сам убит был»^[89]. В итоге «иные князи ордынские сами по себе пребывали. И был у них голод великий, волнение многое и нестроение всегдашнее, и не переставали между собою ратью биться, и бились, и кровь проливали. Так вот Бог попустил на них гнев свой, милуя рабов своих православных христиан»^[90].

В 1361 году «князь Мамай брань сотворил с Амуратом князем и со всеми князьями сарайскими и многих князей ордынских убил»^[91]. В 1362 году «Мамаю князю был бой великий Амуратом ханом возле Волги. В тот же год Амурат хан спешно пришел на Мамаю князя и многих у него татар побил. Было в то время на Волжском государстве два хана: Авдула хан Мамаевой орды, которого Мамай темник устроил ханом во своей орде в нагорной стороне, а второй Амурат в луговой стороне с сарайскими князьями. И так те два хана и те две Орде, малый мир имея, меж собою всегда во враждах и бранях были»^[92].

Раздорами в Золотой Орде воспользовалась Москва. По словам В.Н. Татищева, к хану Амурату отправились послы 19-летнего князя Дмитрия Ивановича. Одновременно туда же прибыли послы великого князя Дмитрия Константиновича с многими дарами, однако Амурат велел отдать ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу. Следом к Дмитрию Ивановичу прибыл во Владимир «посол из Мамаевой Орды от хана Авдула с ярлыками на великое княжение Владимирское. И князь великий чествовал посла, и одарил, и отпустил его в Орду мамаеву к его хану, а сам пошел из Владимира в Переславль»^[93]. Узнав об этом, Амурат отдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу. Тот прибыл во Владимир, но был изгнан оттуда ратью Дмитрия Ивановича.

Под 1370 годом В.Н. Татищев сообщает о том, что «Мамай ордынский у себя в Орде посадил хана другого Мамат-Салтана»^[94]. В 1371 г. князь Михаил Александрович Тверской «пошел из Литвы в Орду Мамаеву, и испросил себе у хана посла, именем Сары-хожа, и ярлык взял себе на великое княжение Владимирское, и пошел на Русь»^[95].

Возмущенный Дмитрий Иванович попытался схватить Михаила Александровича, но тот сбежал в Литву просить помощи у своего зятя Ольгерда Великого князя Литовского. Ольгерд «пожёт» Москву, но взять её не смог. В итоге Михаил Александрович помирился с Дмитрием Ивановичем, но в том же году вновь пошел в Орду и вернулся оттуда с

ярлыком на великое княжение. В ответ Дмитрий Иванович запретил русским князьям подчиняться Михаилу Александровичу. Сары-хожа призвал Дмитрия Ивановича во Владимир за ярлыком, но тот ответил: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе послу путь чист»^[96]. В 1372 г. Дмитрий Иванович «пришел из Орды Мамаевы со многою честью и пожалованием опять на великое княжение и укрепил хорошо под собою великое княжение»^[97]. В 1373 г. пришли татары «на великого князя Олега Ивановича рязанского, и грады его пожгли... А князь великий Дмитрий Иванович московский, собравшись со всею силою своею, стоял у Оки на берегу»^[98].

В.Н. Татищев сообщает, что в 1374 г. нижегородцы «побили послов Мамаевых, а с ними убили татар полторы тысячи, а старейшину их, именем Сарайку, руками взяли и привели в Новгород и с его дружиною»^[99]. В 1375 г. Сарайка и его люди были убиты в ходе смуты^[100]. Затем «пришли татары из мамаевы Орды, и взяли Киш и огнем пожгли, и боярина Парфения Федоровича убили, и Запьянье все повоевали, и пожгли, и пограбили, и иссекли многих, а иных в полон повели»^[101]. Следом «татары Мамаевы пришли ратью к Нижнему Новгороду, говоря: «Почему вы ходили ратью на князя Михаила тверского?»; и всю землю Новгорода Нижнего попленили, и со многим полоном возвратились в Орду»^[102].

В 1377 году на Нижний Новгород напал *Арапша (Арабшах)*. Русские разбили лагерь на реке Пьяне и злоупотребило алкоголем. Узнав об этом, Мамай опередил Арапшу и отправил на Пьяну свои отряды, которые перебили русское войско: «А татары били, и секли, и кололи, и к реке Пьяне пригнав, убили князя Семена Михайловича, и множество князей, и бояр, и вельмож, и воевод пало от острия меча. А князь Иван Дмитриевич прибежал спешно к реке Пьяне, и ввергся на коне в реку Пьяну, и утоп»^[103]. В 1378 году Арапша «приходил спешно на Рязань, и много зла сотворил, и возвратился восвояси»^[104]. В том же году «князь Мамай послал ратью князя Бегича на великого князя. Князь же великий собрал силу и пошел против них в Рязанскую землю за реку оку. И встретились с татарами у реки Вожи в Рязанской земле»^[105]. Сражение закончилось победой Дмитрия Ивановича.

Некоторым утешением для Мамаю стал его поход на Рязань в 1378 году: по словам В.Н. Татищева, войска Мамаю «Рязанскую землю пустой сделали»^[106]. В это время «многие нестроения бывали в Орде, и многие князи татарские побивались, лишались головы, и от острия меча умирали, и помалу оскудевала Орда от великой силы своей»^[107]. По словам В.Н. Татищева, «нечестивый гордый князь Мамай всею Ордою владел, и многих ханов и князей побил, и поставил себе хана по своей воле. И возненавидели его все любящие хана своего... Другие же, которые от Мамаю обогатились и честь принимали, против его противников стали и как хана не чтили, так и верных ему изгоняли»^[108].

Особое внимание В.Н. Татищев уделил Куликовской битве. По его словам, Мамай «переправился через реку Дон со всеми силами, и пришел на устье реки Воронеж, и тут стал силами своими, кочуя; и было воинство его великое весьма. И с тех пор начали Мамаю ханом именовать, который не был ханом, ни происхождения ханского»^[109]. Победа над Мамаем далась Дмитрию Ивановичу высокой ценой – погибли многие русские князья и воеводы. Мамай же, потерпев поражение, вступил в конфликт с Тохтамышем, но многие князья Мамаю перешли на сторону Тохтамыша, «а Мамаю оставили с малой дружиной посрамленного и поруганного»^[110]. Позднее Мамай был убит в Кафе.

В.Н. Татищев сообщает о том, что Тохтамыш «взял Орду Мамаеву, жен, казну, улусы и богатство золота, и серебра, и жемчуга, и камней драгоценных много весьма, раздавая дружине своей. И оттуда той же осенью отпустил послов своих к великому князю Дмитрию Ивановичу, также и ко всем князьям русским, поведывая им свое пришествие на Волжское ханство»^[111]. Русские князья одарили ханских послов, но в Орду не пошли. Более того, «ноября 1 все князья русские, обменявшись сообщениями между собою, учинили между собою любовь и поклялись все друг под другом ничего не искать, татарам не клеветать и на Русь не наводить, и если на кого будет беда от татар, всем заедино стоять»^[112]. В 1382 году Тохтамыш отправил на Русь посла Аккузу: «Он же, дойдя до Нижнего Новгорода и видя тут многолюдье населения, особенно же престашен был врагами русскими, не смея в Москву идти, возвратился, а в Москву послал неких своих малым числом. Но и те вскоре после него возвратились, никем не гонимые бежали и смуту в Орде учинили великую»^[113].

Поход Тохтамыша на Москву В.Н. Татищев датирует не 1382-м, а 1383-м годом. Он пишет, что Тохтамыш разграбил Москву, но сохранил за Дмитрием Ивановичем великое княжение Владимирское, а Михаилу Тверскому отказал, заявив: «Я улусы свои сам знаю, и каждый князь русский на моем улусе. А на своей вотчине живет по старине и мне служит правдою, и я его жалую. А что и неправда была предо мною улусника моего князя великого Дмитрия, то я его поустрашил, и он мне служит правдою. И я его жалую по старине вотчиною его, а ты поди в свою вотчину во Тверь»^[114].

В 1389 г. умер Дмитрий Иванович. Следом к Тохтамышу прибыли послы московского князя Василия Дмитриевича просить ярлык на великое княжение Владимирское (через год посол Тохтамыша Шиахмат лично привез ярлык в Москву)^[115]. Тогда же Тохтамыш пошел на Темир-Аксака (*Тимура, Тамерлана*): «воевал землю Темир-Аксака и град его дальний повоевал. А самого не смог догнать, и возвратился снова в свой улус»^[116].

По данным В.Н. Татищева, в 1391 году «хан Тохтамыш послал султана своего Бектута на Вятку с ратью. Он же, придя, Вятку взял, и людей посек, и некоторых в плен в Орду отвел к Тохтамышу хану. В тот же год на

Тохтамышша пришел хан сильный из Шемахинской земли, и была сеча великая. А князь Василий Дмитриевич убежал от царя за Яик, пришел на свою вотчину на Москву. И после за ним из Орды пришел посол Улан царевич»^[117]. Осенью 1392 года «был бой хана Тохтамышша с ханом Аксак-Темиром, и побежден был Тохтамыш, и воинов его великое множество убито было от Аксака-Темира»^[118]. Видимо, В.Н. Татищев имел в виду сражение на реке Кондурче, но оно состоялось 18 июня 1391 г.^[119].

В 1392 г. Тохтамыш отдал княжение Новгородское великому князю Василию Дмитриевичу, «а другие города повелел поделить и отпустил его с честью. И послал с ним хан посла своего с татарами»^[120]. Князь Борис Константинович не хотел пустить в Нижний Новгород Василия Дмитриевича и татар, но бояре отсоветовали ему сопротивляться: «И так взят был князь Борис Константинович Нижнего Новгорода»^[121]. Затем «князь великий пошел вскоре в Орду... И передал ему хан Тохтамыш Новгород Нижний, и Городец со всем, и Мещеру, и Торусу, и много любезно его жаловали, и отпустили его на Русь»^[122].

В.Н. Татищев пишет, что в сентябре 1393 года Тохтамыш «сел опять на царствие Волжском, а хан Аксак-Темир пошел в свою землю»^[123]. В 1394 году «князь Олег Рязанский побил татар Тохтамышевых», а в 1395 году «было в Орде Тохтамышевой промеж великих князей его татарских нелюбовь великая и ссор много, и был у них бой на реке Волге меж собою, и пало их на том бою много князей и татар сентября во 8 день»^[124]. В 1398 году Тохтамыш потерпел поражение от Темир-Кутлуга (*Тимур-Кутлуга*): «И одолел Темир-Кутлуй Тохтамышша. И прогнал, и сел сам на ханстве Волжском Большой орды; а Тохтамыш побежал к литовским страна и обменялся сообщениями с Витовтом Кестутьевичем, и Витовт рад ему был»^[125]. В 1399 году состоялась битва на реке Ворксле, в ходе которой Темир-Кутлуй разбил Тохтамышша и его союзников.

В.Н. Татищев сообщает, что в 1400 году умер в Орде хан Темир-Кутлуй, и после него сел **Шадибек**, «хан Большой орды Волжской»^[126]. В сентябре 1405 года «приходили татары спешно на Рязанские волости. И послал за ними в погоню князь Феодор Олегович; они ж, придя, татар побили, и полон отняли, и возвратились на Рязань со многою радостью»^[127]. В 1407 году Шадибек выступил на стороне Василия Дмитриевича против Витовта: «А также из Орды от хана Шадибека рать татарская пришла ему на помощь на Витовта»^[128]. В 1408 г. был «хана Шадибека согнали, а Булат-Салтана на царстве Ордынском посадили»^[129].

Булат-Салтан (*Пулад*) рассудил спор Ивана Михайловича Тверского и Юрия Всеволодовича тверского о великом княжении тверском: «Хан же булат, судив, и все князи ордынские оправдали князя Ивана Михайловича тверского; и отпустил его хан из Орды, и многую честь воздал ему, а князь Юрий Всеволодович там в Орде остался»^[130]. В 1409 г. «князь Иван

Владимирович пронский пришел из Орды от хана Булат-Салтана с пожалованием и с честью на Русь и сел в Пронске, а с ним посол ханский. В ту же осень в сентябре татары Булат-Салтана, царя Большой орды, воевали Литву»^[131]. В августе 1409 г. «в приходили послы татарские из Орды от хана Булат-Салтана к великому князю на Москву. В тот же год князь великий Василий Дмитриевич по совету и просьбе литовских князей и иных, начал собирать рать; ещё и к татарскому хану посылал, прося помощи на Витовта, желая его землю Литовскую воевать и пленить»^[132].

В.Н. Татищев сообщает, что в ноябре 1410 г. «пришел татарин из Орды на Москву, поведал великому князю, что «князь ордынский Едигей хочет завоевать землю твою»^[133]. Современные российские историки датируют этот поход ноябрем 1408 года^[134]. Василий Дмитриевич спрятался в Костроме, оставив Москву на своих братьев. Войска Едигея (*Идигу*) не бездействовали: «Взяли же грады: Переславль и огнем сожгли, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею и Новгород Нижний, и Городец, и волости и села попленили и пожгли, людей побили и пленили»^[135]. Едигей месяц простоял под Москвой, затем взял откуп 3000 рублей и «отошел восвояси с бесчисленным полоном и богатством»^[136].

По данным В.Н. Татищева, в 1411 г. «Тохтамышев сын Зелени-Салтан взял спешным походом ордынские улусы и пограбил»^[137]. Под именем Зелени-Салтан в русских летописях фигурирует хан *Джалал-ад-Дин*. Зимой 1412 г. «сел в Орде на ханство Зелени-Салтан, Тохтамышев сын, а Едигея князя прогнал»^[138]. Тогда же князя Нижнего Новгорода получили «ярлык на всю свою вотчину, Нижний Новгород и Городец. А августа в 1 день, на память святых Елеазара и Соломонии и 7 сынов ее к хану Зелени-Салтану со множеством богатства и со всеми своими вельможами, да с ним князь Иван Васильевич ярославский»^[139]. В тот же год «из Орды от хана Зелени-Салтана, Тохтамышева сына, пришел во Тверь посол лютый, зовя с собою князя Ивана Михайловича тверского»^[140]. Иван Михайлович конфликтовал с Василием Михайловичем Кашинским, который пошел к хану жаловаться «на племянника своего Ивана тверского»^[141]. Иван Михайлович тоже пошел в Орду, но тем временем Зелени-Салтан был «застрелен на войне от брата своего Керим-Бердея»^[142]. Осенью 1413 г. «сел в Орде на царстве Керим-Бердей»^[143].

По словам В.Н. Татищева, 31 августа 1422 г. хан *Барак* (*Борак*) «побил» Куйдадата хана (*Худайдата*)^[144]. В сентябре 1423 г. Барак «приходил к Одоеву ратью и много зла учинил, а града не взял, и со многим полоном пошел в поле»^[145]. Следом к Одоеву пришел хан Куйдадат. Совместными усилиями русские и литовские князья прогнали Куйдадата.

В 1425 году умер великий князь Василий Дмитриевич. На трон взошел его сын Василий, против которого выступил его дядя, Юрий Дмитриевич Звенигородский. Соперники решили, что «Юрию не искать княжения

самому, но положить на хана ордынского, которого хан пожалует великим княжеством, тот да будет князь великий владимирский и Великого Новгорода и всея Белой Руси»^[146]. В 1428 г. пришли «татары казанские к Галичу внезапно на князя Юрия Дмитриевича и стояли в Галиче месяц. И на Крещение, придя, Кострому взяли, и Плесо, и Луг, и отошли на Низ Волгою»^[147].

В 1431 г. Василий Васильевич и Юрий Дмитриевич решили пойти в Орду к хану Улуг-Мухаммаду, которого В.Н. Татищев именует Махметом. В 1432 году они прибыли в Орду, где их принял Мин-Булат, сторонник Василия Васильевича: «Великому же князю Василию Васильевичу честь была великая от него, а князю Юрию Дмитриевичу бесчестие и истома великая. Но добр был до князя Юрия князь ордынский Ширин-Тегинь и, придя, тот взял его силою у Мин-Булата и великое княжение обещал ему дать»^[148]. Улуг-Мухаммад решил дело в пользу Василия Васильевича. В 1437 г. Улуг-Мухаммад потерпел поражение от хана Кич-Махмеда (*Кичи-Мухаммада*) и «сел в Белеве»^[149]. В решающей битве русские войска сначала одолевали Улуг-Мухаммада, но потерпели поражение, о котором В.Н. Татищев пишет: «так наказал бог за превозношение и за множество прегрешений наших»^[150]. В 1439 г. Улуг-Мухаммад пришел к Москве, но, простояв там 10 дней, «пошел прочь, граду не сделал ничего, а зла много учинил земле Русской»^[151].

В.Н. Татищев сообщает, что в 1444 году сын Улуг-Мухаммада Мустафа пришел на Рязань: «повоевал волости и села рязанские, и много зла Рязани учинил; и отошел с полоном многим, и стал на поле, и посылал в Рязань, продавая им полон»^[152]. Затем Мустафа вновь пришел в Рязань, надеясь перезимовать там, но рязанцы «выслали его из града. Он же вышел из града и стал тут же под градом Переславлем. А с Москвы воеводы великого князя Василия Васильевича пришли на него и сошлись на реке Листани. Татары же вовсе охудели, и померзли, и бесконные были»^[153]. В итоге москвичи и мордва одолели Мустафу: «Мустафу убили, и князей с ним много татарских побили, а князя Ихмут-мурзу взяли, да князя Азбердея, Мишереванова сына, взяли и многих татар взяли»^[154].

По данным В.Н. Татищева, Улуг-Мухаммад захватил Нижний Новгород и Муром, но, узнав о приближении большого русского войска, вернулся в Нижний Новгород^[155]. Весной 1445 г. он отправил на Русь своих сыновей – «Мамутяку да Ягупа»^[156] (*Махмуда и Якуба*)^[157]. В сражении на р. Нерли русские были близки к победе, но «начали уже убитых татар грабить. А татары снова возвратились на христиан и тогда одолели их»^[158]. Василий II попал в плен: «Князя же великого самого руками взяли, также и князя Михаила Андреевича, и прочих многих князей, и бояр, и детей боярских, и прочих воинов»^[159]. 1 октября 1446 г. Улуг-Мухаммад отпустил Василия II,

потребовав выкуп ^[160] (*Р.Ю. Почекаев датирует это событие 26 октября 1445 года*) ^[161].

В.Н. Татищев пишет, что Улуг-Мухаммад хотел договориться с Дмитрием Шемякой, но князь Василий Оболенский перехватил татарского посла Бегича и «оковал его» ^[162]. Затем Шемяка ослепил Василия II, но в 1447 г. освободил его. Тем временем Улуг-Мухаммад умер. Ханом стал его сын Махмуд, решивший расправиться со своими братьями, но Касим и Якуб бежали к Василию II ^[163]. Василий II «дал царевичу Касиму место по Оке в земле Муромской. Он же построил град себе, именовал Крым ханский» ^[164]. То есть Василий II решил воевать с татарами руками других татар. В 1450 г. «был князь великий в своей вотчине на Коломне, пришла к нему весть, что идут татары Поля, Малбердей, Улан и иные с ними князи со многими татарами. И те вскоре пригнали до Пахры. Князь же великий послал против них султана своего Касима с татарами да с ним воеводу своего Константина Александровича с коломничаями. И угнались за ними на Битюге реке в Поле, и побили татар много» ^[165] (*Р.Ю. Почекаев датирует этот поход 1449 годом*) ^[166]. Речь идет о походе войск Сайид-Ахмада (*Седи-Ахмата*), соперничавшего с ханом Улуса Джучи Кичи-Мухаммадом.

В.Н. Татищев сообщает, что в 1451 году «пришла весть великому князю, что идет на него спешно из Седи-Ахматовой орды Мазовша султан» ^[167]. Василий II ушел на Волгу. Войска Мазовши «переправились через Оку реку, и без препятствий устремились к Москве, и пришли под нее в пяток во 2 день июля в 1 час дня. Посады все зажгли в один час, а сами в то время со всех сторон начали к граду приступать» ^[168], но затем сняли осаду, а 8 июля Василий II вернулся в Москву ^[169]. В 1455 г. «приходили татары Седи-Ахматовы к Оке реке и переправились чрез Оку ниже Коломны. А князь великий послал против них князя Ивана Юрьевича со многими воинами. И встретились, и был у них бой, и одолели христиане татар» ^[170]. Новый поход войск Сайид-Ахмада имел место в 1459 году.

По данным В.Н. Татищева, в 1460 году хан Золотой Орды Ахмут (Ахмад, Ахмат), сменивший на троне своего отца Кичи-Мухаммад-хана, «приходил со всею силою под Переславль Рязанский и стоял под ним 6 дней во успение пречистой Богородицы. Многие же ранения получили воины его от горожан, убиты были многие и раненые, и нисколько не преуспев у града того, со срамом отступил от него и пошел в Поле» ^[171].

27 марта 1462 г. умер Василий II Темный. На трон взошел его старший сын Иван Васильевич (*Иван III*). По словам В.Н. Татищева, в 1463 г. Иван III «послал киличеев своих к хану в Орду с дарами многими. Хан же принял дары, прислал своего посла в Москву» ^[172]. В 1468 году с ведома Ивана III Касим попытался сменить хана Ибрагима, правившего в Казани, но поход оказался неудачным, поскольку Касим не смог даже переправиться через Волгу: «Касим же стоял многие дни, а так как осень студена была и слякотна,

начал корм людям и коням оскудевать, и так, не преуспев нисколько, возвратился»^[173].

По данным В.Н. Татищева, в 1470 г. Иван III вновь затеял поход на Казань. 4 июня «Федор Семенович Хрипун, Ряполовских князей, побил татар на Волге. Тогда же была сеча злая на долгое время на устье Камы с устюжанами и великого князя дворянами татарам казанским. И множество тут убито было от обоих»^[174]. 1 сентября 1471 года «князь Юрий Васильевич со всеми воинами московскими пришел под Казань, и судовые рати пошли пешими к граду. Татары же выехали из града и, побившись мало, бежали во град. Русские же погнали их, и стали под городом, и отняли у них воду»^[175]. Хан же Обреим (*Ибрагим*) «начал посылать послов своих к князю Юрию Васильевичу, и добил челом, и мир взят на всей воле великого князя. И возвратились на Москву со всем воинством»^[176].

В.Н. Татищев сообщает, что в 1472 году «царь ордынский Ахмат подвигся на Русскую землю со многими силами, подговоренный королем Казимиром литовским»^[177]. Ахмат сжёг г. Алексин и хотел переправиться через Оку, но получил отпор. В 1474 г. «пришел из Орды Никифор басенок с послом царевым Ахматовым Большой орды, с Карачуком, а с ним множество татар: пословых было 600, которых кормили; а гостей с конями и с иным товаром было 3200; а коней продажных было с ними более 40 000 и иного товару много»^[178].

По словам В.Н. Татищева, в 1480 г. Ахмат начал новый поход на Русь, но медлил, ожидая помощь со стороны польского короля Казимира IV. Иван III пошел в Коломну «и там стоял до Покрова. Слышал же окаянный хан Ахмат, что на тех местах на всех, куда прийти ему, стоят против него с великими князьями многие люди и царь пошел в Литовскую землю, желая обойти чрез Угру»^[179]. Там их уже ждали: «И стал хан на берегу на Угре со многою силою на другой стороне против великого князя, желая перейти реку. И пришли татары, и начали стрелять наших, а наши начали их стрелять из луков и пищалей... Были же и морозы великие тогда, река начала становиться, был же тогда страх на обоих, и одни других боялись»^[180]. Советники отговаривали Ивана III от сражения, а в это время Ахмату сообщили, что «русь, придя на Болгары, разорили, и мало что от улусов его спаслось. Но и те все убиты будут, если не успеет оборонить. Он же слышал и видел, что король не идет, так как в земле его смятение было, и потому хан побросал все тяжелое, побежал через Литовские земли к улусам своим и землю королевскую, разгневавшись, повоевал. ...Когда же прибежал хан в Орду, тогда пришел на него хан Ивак ногайский и Орду его разоренную взял; а самого безбожного хана Ахмата убил шурин его ногайский мурза Ямгурчей»^[181]. «И так, – резюмирует В.Н. Татищев, – избавил Бог Русскую землю от язычных татар молитвами пречистой Богородицы и великих чудотворцев»^[182].

После событий 1480 года В.Н. Татищев посвящает лишь несколько абзацев последнему хану Улуса Джучи *Ших-Ахмету (Шейх-Ахмаду)*. Он упоминает, что в 1491 году Ших-Ахмет и Сеит-Ахмет (*Сайид-Ахмад*) отправились походом на крымского хана Мин-Гирея (*Менгли-Гирея*)^[183]. Р.Ю. Почекаев датирует этот поход 1490 годом^[184]. Иван III отправил на помощь Менгли-Гирею своих воевод, а «казанскому хану Махмет-Аминю велел послать воевод своих»^[185]. В июне 1502 года Менгли-Гирей «побил Шихахмата» и Орду взял»^[186].

Заключение. В своей «Истории Российской» В.Н. Татищев уделил значительное внимание Улусу Джучи. Освещая события истории Улуса Джучи, В.Н. Татищев не смог преодолеть сложившиеся в русском летописании стереотипы. Для него монголы, которых он именуется татарами, это в первую очередь «язычники», «безбожники» и «басурмане», которые пытаются полонить Русь, уничтожить православных христиан либо навязать им свою веру. Нередко историк допускает ошибки с датировкой тех или иных исторических событий, однако мы не можем упрекнуть В.Н. Татищева в сознательной фальсификации истории Улуса Джучи. Стремясь к объективности, он не замалчивает «неудобные» моменты русской истории, касающиеся взаимодействия московских князей с ордынскими ханами. В.Н. Татищев честно сообщает о поражениях русских войск от ханских войск, не забывая о серьезных ошибках русских полководцев. При этом В.Н. Татищев признает, что некоторые ханы Улуса Джучи содействовали усилению Москвы. Признавая вклад Ивана III в освобождение Руси от власти Золотой Орды, он в первую очередь утверждает, что Бог освободил Русь молитвами Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев.

Список использованной литературы:

1. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. Собр. соч. Т.1 / История Российская. Ч.1. – М.: 1994. – с. 27-28.
2. Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // Советская археология. – 1986. – №1. – с.233.
3. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV века). – Уфа, 1998; Гарустович Г.Н. К вопросу о развитии золотоордынской археологии на Нижней Волге и не только об этом // Уфимский Археологический вестник. – 2007. – № 6-7. – с. 204-209.
4. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1978. – с.67.
5. Там же, с.67.
6. Там же, с.68.

-
7. Историография истории России до 1917 г.: Учеб. для студ. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Т.1. – с.109.
 8. Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. – Москва: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. – с.522.
 9. Там же, с.522.
 10. Азбелев С.Н. А. Толочко. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005. – 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2ю История. – 2007. – Выпуск 3. – с.255-261.
 11. Фомин М.М. Страсти по Татищеву // Исторический формат. – 2016. – №1. – с.55-72.
 12. Татищев В. История Российская. В 3 т. Т.2 / В. Татищев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – с.523.
 13. Там же, с.524.
 14. Там же, с.527.
 15. Там же, с.528.
 16. Там же, с.544.
 17. Там же, с.545.
 18. Там же, с.547.
 19. Там же, с.550.
 20. Там же, с.551.
 21. Там же, с.552.
 22. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.6.
 23. Там же, с.8.
 24. Там же, с.14.
 25. Там же, с.12.
 26. Там же, с.12-13.
 27. Там же, с.17.
 28. Там же, с.18.
 29. Там же, с.19.
 30. Там же, с.20.
 31. Там же, с.20.
 32. Там же, с.23.
 33. Там же, с.24.
 34. Там же, с.28.
 35. Там же, с.36.
 36. Там же, с.39.
 37. Там же, с.40.
 38. Там же, с.41.
-

-
39. Там же, с.43.
 40. Там же, с.43.
 41. Там же, с.44.
 42. Там же, с.45.
 43. Там же, с.47.
 44. Там же, с.50.
 45. Там же, с.53.
 46. Там же, с.55-56.
 47. Там же, с.62.
 48. Там же, с.65.
 49. Там же, с.67.
 50. Там же, с.68.
 51. Там же, с.69.
 52. Там же, с.70.
 53. Там же, с.71.
 54. Там же, с.76.
 55. Там же, с.76.
 56. Там же, с.79.
 57. Там же, с.80.
 58. Там же, с.80-81.
 59. Там же, с.81.
 60. Там же, с.82.
 61. Там же, с.83.
 62. Там же, с.89.
 63. Там же, с.89.
 64. Там же, с.91.
 65. Там же, с.92-93.
 66. Там же, с.93.
 67. Там же, с.94.
 68. Там же, с.96.
 69. Там же, с.97.
 70. Там же, с.105.
 71. Там же, с.111.
 72. Там же, с.114.
 73. Там же, с.115.
 74. Там же, с.115.
 75. Там же, с.115.
 76. Там же, с.115.
 77. Там же, с.115.
 78. Там же, с.115.
 79. Там же, с.115-116.
 80. Там же, с.116-117.

-
81. Там же, с.117.
 82. Там же, с.117.
 83. Там же, с.118-119.
 84. Там же, с.119.
 85. Там же, с.119.
 86. Там же, с.119.
 87. Там же, с.120.
 88. Там же, с.120.
 89. Там же, с.120.
 90. Там же, с.120.
 91. Там же, с.120.
 92. Там же, с.120.
 93. Там же, с.122.
 94. Там же, с.132.
 95. Там же, с.133.
 96. Там же, с.135.
 97. Там же, с.136.
 98. Там же, с.139.
 99. Там же, с.139.
 100. Там же, с.141.
 101. Там же, с.141.
 102. Там же, с.144.
 103. Там же, с.147-148.
 104. Там же, с.148.
 105. Там же, с.155.
 106. Там же, с.156.
 107. Там же, с.157.
 108. Там же, с.159.
 109. Там же, с.160.
 110. Там же, с.183.
 111. Там же, с.183.
 112. Там же, с.183.
 113. Там же, с.184.
 114. Там же, с.194.
 115. Там же, с.224.
 116. Там же, с.224.
 117. Там же, с.227.
 118. Там же, с.229.
 119. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой орды. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – с.203.
 120. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.230.

121. Там же, с.231.
122. Там же, с.231.
123. Там же, с.231.
124. Там же, с.235.
125. Там же, с.235.
126. Там же, с.248.
127. Там же, с.257-258.
128. Там же, с.261.
129. Там же, с.267.
130. Там же, с.267.
131. Там же, с.268.
132. Там же, с.270.
133. Там же, с.271.
134. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой орды. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – с.222.
135. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.275.
136. Там же, с.276.
137. Там же, с.282.
138. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.284.
139. Там же, с.285.
140. Там же, с.284.
141. Там же, с.284.
142. Там же, с.285.
143. Там же, с.285.
144. Там же, с.306.
145. Там же, с.306.
146. Там же, с.309.
147. Там же, с.312.
148. Там же, с.314-315.
149. Там же, с.325.
150. Там же, с.326.
151. Там же, с.332.
152. Там же, с.347.
153. Там же, с.347.
154. Там же, с.347.
155. Там же, с.348-350.
156. Там же, с.350.
157. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой орды. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – с.239.

-
158. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.351.
159. Там же, с.351.
160. Там же, с.352.
161. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой орды. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – с.242.
162. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.352.
163. Там же, с.360.
164. Там же, с.362.
165. Там же, с.363-364.
166. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой орды. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – с.249.
167. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.364.
168. Там же, с.364.
169. Там же, с.365.
170. Там же, с.367.
171. Там же, с.370.
172. Там же, с.373.
173. Там же, с.374.
174. Там же, с.379.
175. Там же, с.379.
176. Там же, с.379-380.
177. Там же, с.394.
178. Там же, с.401.
179. Там же, с.434-435.
180. Там же, с.435-436.
181. Там же, с.436.
182. Там же, с.436.
183. Там же, с.446.
184. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой орды. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – с.268.
185. Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.3 / Василий Татищев. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – с.446.
186. Там же, с.471.

Аңдатпа. Мақалада Жошы ұлысының (Алтын Орда) тарихына қатысты В. Н. Татищевтің (1686-1750 жж.) көзқарастары нақты баяндалған. Мақаланың авторы В. Н. Татищевтің әлемдік тарихи үдеріске көзқарастарын ашады, тарихшы тарапынан оның күшті және әлсіз жақтарын атап өтеді, оның жұмысын тарихи дереккөздермен (ең алдымен орыс шежірелері мен батыс шежірелерімен) және т. б. егжей-тегжейлі

сипаттайды. Мақалада В.Н. Татищевтің орыс, кеңестік және қазіргі тарихнамадағы еңбектеріне сын келтірілген.

Түйінді сөздер: Моңғол империясы, Қарақорым, Жошы Ұлысы, Сарай, затбелгі, алым (шығу), Мәскеу княздігі, Тверь княздігі.

Annotation. The article details the views of V. N. Tatishchev (1686-1750) on the history of the Jochi Ulus (the Golden Horde). The author of the article reveals V. N. Tatishchev's views on the world-historical process, notes his strengths and weaknesses as a historian, describes in detail his work with historical sources (primarily with Russian chronicles and Western chronicles) etc. The article reflects the criticism of V. N. Tatishchev's works in Russian, Soviet and modern historiography.

Keywords: Mongolian Empire, Karakorum, Jochi Ulus, Sarai, label, tribute (exit), Moscow Principality, Tver Principality.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗЕЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КАЗАХСТАНА И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Лу Наси^{1,2}, Лу Шаньбин²

Институт гуманитарных наук и социального развития Северо-Западного университета лесного и сельского хозяйства, Институт исследований Шелкового пути Северо-западного университета провинция Шэньси, КНР

Аннотация: В начале 2020 года правительством Казахстана принят указ о проведении археологических работ для реконструкции цитадели золотоордынского городища и развитии культурного туризма на территории Казахстана, а также об открытии в музее выставочного зала истории Золотой Орды; Президент Казахстана К.К. Токаев выступил с посланием, в котором говорится: «Золотая Орда вошла в историю и культуру Казахстана». Судя по историческим фактам, Казахстан и Золотая Орда имеют определенную преемственность в истории, культуре, политике и этнической принадлежности. Исторические места Золотой Орды имеют определенное влияние на современный Казахстан.

Ключевые слова: Золотая Орда, Белая Орда, Синяя Орда, Узбекское ханство, Казахское ханство

Казахстан до образования Золотой Орды. Казахстан – самая большая внутриконтинентальная страна в мире, площадью 2 724 900 квадратных километров. Рельеф Казахстана очень разнообразен. На его территории имеются в основном равнины и низины. Для него характерны высокий юго-восток и низкий северо-запад, большая часть территории – равнины и низины. На западе и юго-западе самая низкая местность. На востоке и юго-востоке Казахстана расположены горные районы с высокими горами и межгорными котловинами. Здесь находятся Алтайские горы, Джунгарский Алатау, Заилийский Алатау и горы Тянь-Шань. Ниже представлена спутниковая карта дистанционного зондирования Казахстана.

В древности в Казахстане никогда не было независимого государства. От династий Ся и Шан вплоть до династии Восточная Хань в Казахстане жили арии, скифы и каньгюи. В историческом трактате «Ханьшу. Описание западных земель» указывается: «Хотя от государства Даюань (совр. территория Ферганской долины. – прим. пер.) на запад до Империи Аршакидов языки совсем разные, но есть полное единение, потому что люди понимают друг друга. Их жители имеют глубокие глазницы и носят бороды. Они занимаются торговлей и умеют торговаться» [1]. Из данного фрагмента понятно, что жители Средней Азии в то время имели ярко выраженные черты европеоидов.

Во период правления династий Вэй, Цзинь, периода Северных и Южных династий территория современного Казахстана принадлежит Империи Белых Хунну (или Империи эфралитов). Образованная в середине V века н.э. Империя Белых Хунну на юге вела войну с Империей Сасанидов и, присоединившись к Жужаньскому каганату, воевала с династией Северная Вэй на востоке. В историческом трактате «Вэйшу» указано: «В западных землях 30 малых государств, в том числе Канцзюй, Юйтянь, Шалэ и Аньси (康居、于阗、沙勒、安息) принадлежат Империи Белых Хунну, и её называют огромной страной» [2]. В 567 г. н.э. Империя Белых Хунну пала под натиском Империи Сасанидов и Тюркского каганата. Позднее данная территория оккупирована Западно-Тюркским каганатом.

Во времена династии Суй и ранней Тан Казахстан все еще находится под властью Западно-Тюркского каганата. В 657 году н. э. Тан Гаоцзун отправляет полководца Су Динфана в поход против Западно-Тюркского каганата, в результате чего данный каганат перестает существовать. Юго-восточная часть Казахстана входит в состав Танской империи. В династии Тан управление западными землями и Центральной Азией сосредоточено на военных наместничествах (духуфу) Бэйтин (совр. северная часть уезда Джимусар, СУАР) и Аньси (совр. г. Куча, СУАР).

В 751 году н. э. на реке Талас начинается война между войсками Империи Тан и Арабского халифата Аббасидов, т.н. Таласская битва, которая заканчивается поражением Танской империи. Арабским халифатом взята под свой контроль Средняя Азия. В 766 году в Восточном Казахстане основан Карлукский каганат, который позже присоединен к Арабскому халифату. В 874 году основано Саманидское государство, оккупировавшее Южный Казахстан.

В эпоху Пяти династий и Десяти царств, династий Ляо и Сун восточная часть Казахстана находится под властью Империи Караханидов, южная часть – вассала Сельджукского хорезма, в северной части – кочевые тюркские племена кипчаков и канглы.

В 1125 г. после падения династии Ляо члены императорского дома под предводительством Елюй Даши направляются на запад и создают в западных землях государство, которое известно в истории как Западная Ляо (Силяо).

В 1141 г. армия Силяо проводит сражение с тюрками-сельджуками на Катванской равнине. Под командованием киданьского полководца Елюй Даши армия Силяо малым числом одерживает победу. После этой войны тюрки-сельджуки покидают Среднюю Азию и вскоре происходит распад Сельджукской Империи, Западная Ляо становится новым центральноазиатским гегемоном, занимая юг и юго-восток совр. Казахстана.

В 1206 году Чингисхан объединяет монгольские племена и создает Великое Монгольское ханство, а затем направляет войска в Западный поход. В 1218 году, победив Западную Ляо (Каракиданьское ханство), выступает

против Хорезма (государства Хорезмшахов), правившего Центральной Азией. Войска Чингизхана очень быстро овладевают городами Гургандж (совр. Кёнеургенч, Туркменистан), Отрар (городище расположено низовьях реки Арысь при впадении её в Сырдарью, Казахстан), Самарканд и Бухара (Узбекистан) и другими крупными городами, разрушив здания и уничтожив жителей. В 1220 году Мухаммад ибн Хорезмшах бежит на небольшой остров в Каспийском море и там умирает. Его сын Джалал ад-Дин наследует ханский трон и направляется на территории совр. Афганистана, Индии, Сирии и др., чтобы продолжить сражения, убит в 1231 году, Хорезм пал.

Итак, на территории современного Казахстана до периода Золотой Орды не существует независимого государственного управления, находящегося в руках местных народов, данная территория в разные периоды принадлежит разным государствам. Здесь вместе проживают многие этнические группы. Данная ситуация также может быть отражена в религиозном развитии Казахстана: до вторжения арабов в Среднюю Азию в Центральной Азии существует множество религий, отсутствует единая религия, в основном представлены зороастризм (огнепоклонство), манихейство, христианство, буддизм и шаманизм. После оккупации Средней Азии арабами данный регион постепенно исламизируется и ислам становится единой религией. Точно так же, кроме тюрков, племена кипчаков и канглов не имеют значимых связей с современным Казахстаном.

Связи Золотой Орды и Казахского ханства. Как упоминалось выше, Первый западный поход монголов в эпоху Чингизхана заканчивается разгромом Западной Ляо и Хорезма. После этого Чингизхан доверяет Среднюю Азию и Южную Русь своему старшему сыну Джучи.

В 1235 году внук Чингизхана Батый возглавляет старших сыновей монгольской родовой знати и армейской верхушки во втором западном походе, исторически известном как «Великий западный поход», во время которого завоеваны Россия и Кавказ, монгольская армия достигает Польши и Венгрии. В 1242 году установлена столица в г. Сарай (совр. север Астрахани, Россия) и официально учреждена Золотая Орда. Территория Орды охватывает нынешнюю европейскую часть России, восточную Украину и Казахстан. Золотая Орда формально существует до 1502 года. Строго говоря, в данный период Казахстаном правила не Золотая Орда, а Белая Орда. Правящий центр Белой Орды находится далеко от столицы Сарай Золотой Орды. Потомки Батыя фактически не в состоянии управлять Белой Ордой, так что обе стороны не подчиняются друг другу. Политикой и армией Белой Орды полностью управляла сама Белая Орда. «Старший брат Батыя Орда Ерзен, хотя занимает первое место в семье, он играет лишь небольшую роль в семейных делах. Ему было пожаловано феодальное владение там, что сегодня называется Казахстаном». На юге его вотчина включает правый берег реки Сырдарья, от города Сыгнак у хребта Каратау до дельты

Сырдарьи Аральского моря, и, кажется, также включает узкую полосу – левый берег дельты Сырдарьи до дельты Амударьи. Таким образом, он контролирует практически всю территорию восточного побережья Аральского моря. На севере он контролирует Семиречье и горный массив Улутау, которые отделяют Семиречье от Тургайского плато. В 1376 году последний наследник Орды Тохтамыш завоевывает города Сыгнак и Отрар, сближаясь с оседлым социогенезом. Ханство Батыя исторически называется Улус Джучи или Золотой Ордой, а ханство Ерзена – Белой Ордой (Ак-Ордой).

В данный период существует еще одно государственное образование – Синяя Орда (Кок-Орда), которое управляется братом Батыя – Шибаном.

Но в данный период Казахстан можно рассматривать как часть Золотой Орды. Другими словами, Казахское ханство можно рассматривать как преемника Золотой Орды. Причины заключаются в нижеследующем:

Во-первых, с исторической точки зрения, ранее существовавшие Белая Орда и Золотая Орда имеют общую родословную их правителей, которые принадлежат к наследникам рода Джучи. Более того, Белая Орда номинально подчиняется Золотой Орде, то есть является частью Золотой Орды, поэтому вполне разумно, что в данный период Казахстан находится в подчинении Золотой Орды.

Во-вторых, в поздний период правления Золотой Орды (1360-1382) все более укрепляется независимость Белой Орды и Синей Орды. В 1378 г. хан Белой Орды Тохтамыш направляется в западный поход. В 1380 году Великий хан Золотой Орды Мамай терпит поражение от Великого князя Московского Дмитрия Донского в Куликовской битве. Престиж Золотой Орды сильно падает. После этого хан Тохтамыш при поддержке Тимура развязывает войну против хана Мамаю и побеждает его. С данного момента Тохтамыш становится новым правителем Золотой Орды. Таким образом происходит объединение Золотой, Белой и Синей Орды, и в то же время титул хана Золотой Орды передается от Батыя к Орда-Эджену. В 1382 году Тохтамыш захватывает Московское княжество, сжигает Москву и обосновывается в Литве. Золотая Орда возрождается в руках Тохтамыша. С этой точки зрения Золотая Орда и Белая Орда достигают единства и статус хана объединяется, поэтому можно считать, что Казахстан в этот период принадлежит Золотой Орде.

В-третьих, в конце существования Золотой Орды (1382-1426) в результате войны между Тохтамышем и Тимуром Тохтамыш терпит поражение, и Империя Тимура берет под свой контроль Среднюю Азию. Тимур помог внуку Урус-хана Тимуру Кутлугу получить ханский престол Золотой Орды. В данный период возникает раскол Белой Орды, и Койричак наследует ханский престол. После его смерти его сын Барак провозглашен ханом в попытке избавиться от контроля Тимуридского ханства. С 1425 по

1426 год Барак-хан возглавляет армию для нападения на Тимуровское ханство. В результате Белая Орда обретает независимость от правления Тимурского ханства. До вторжения армии Тамерлана в Золотую Орду многие племенные союзы Белой Орды переселяются в степи Южной Руси. Потомки Шибана Синей Орды, воспользовавшись возможностью, оккупируют территорию Белой Орды. Затем в 1428 году Абулхайр-хан, потомок рода Шибана Синей Орды, успешно объединяет разрозненные национальные группы и создает единый Узбекский улус. «В 1446 году Абулхайр-хан объединяет раздробленную Белую Орду (изначально – Золотая Орда) и становится повелителем. Он продолжал расширять границы и распространяет свою власть на Сибирское ханство на востоке. Однако он попадает в засаду, выступая в поход против внешнего врага. И после поражения ситуация ухудшается: бывшие помощники, казахские лидеры Жанибек-хан (Жәнібек хан) и гирейты (Гирей-хан), воспользовавшись возможностью, чтобы восстать, вступают в сговор с Чагатай-ханом Эсен Буга-хан (Исан-Буга) и власть в государстве полностью переходит к амирам племен. Свергнутый Абулхайр-хан теряет власть и погибает в кампании против предателей в 1468 году» [3]. Упомянутые в цитате «предатели» – казахи (Казахское ханство). Примечание: Казахское ханство основано в 1456 году Гирей-ханом и Жанибек-ханом. Оба они – сыновья Барак-хана, последнего хана Белой Орды. Почему они восстали? Причина в том, что некоторые меры, принятые Абулхайр-ханом для усиления централизованного правления, угрожали их полунезависимому статусу как лидеров. «Для оседлого общества или общества, которое движется к заселению, такая цель возможна. Но когда делается попытка установить такую систему в полностью кочевом обществе, результат обречен на провал» [4]. Гирей-хан и Жанибек-хан заканчивают свой первый поход против Абулхайр-хана неудачей. В 1456 году Гирей-хан и Жанибек-хан переселяются на территорию Восточного Чагатайского (Джагатайского) улуса (ханства) (Улуса Чагатая). Эсен Буга-хан (Исан-Буга) Восточно-Чагатайского ханства размещает их в бассейне реки Чу. В тот же период ойраты (так называлось западные монголы в записи истории династии Мин) на Монгольском плато действуют в полную силу: на юге в 1449 году в Тумубао под предводительством Эсен Буга-хана одерживают победу над армией династии Мин и захватывают императора Чжу Цичжэня (шестого и восьмого императора династии Мин, годы правления: 1435-1449 и 1457-1464, название годов его правления – Чжэнтун); на западе с 1456 по 1457 год границы расширены до Средней Азии в результате войны и победы над Узбекским ханством при Абулхайр-хане. Расширение ойратов сильно подрывает жизнеспособность Узбекского ханства. Беда не приходит одна, после поражения в войне большое количество узбеков поворачивает на восток и направляется к Гирей-хану и Жанибек-хану. После отделения от

Узбекского ханства данная часть узбекского народа начинает называться «казахами» (то есть «авантюристами» или «мятежниками»), как позже их называют. В то же время в 1462 году к Гирей-хану и Жанибек-хану присоединяются соплеменники бассейна Семиречья Восточного Чагатайского ханства и другие. Сила Гирей-хана и Жанибек-хана сильно возрастает. Наконец, в 1468 году казахи разбивают армию Абулхайр-хана и убивают самого хана. Гирей-хан и Жанибек-хан ведут казахов на запад и возвращаются на казахские степи, нанеся смертельный удар остаткам армии Абулхайр-хана и вытесняют их с казахских степей. Узбекское ханство распадается. В 1480 году ханом официально наследником назван сын Гирей-хана Бурундук-хан, и официально учреждается Казахское ханство.

Как видно из приведенного выше длинного изложения, основатели Казахского и Узбекского ханств Гирей-хан, Жанибек-хан и Абулхайр-хан являются потомками Джучинского рода. Потомки линии Джучи доминируют в Золотой Орде (линия Батые), Белой Орде (линия Орда) и Синей Орде (линия Шибана). Кроме того, как упоминалось в предыдущем обсуждении, в течение долгого времени Белая Орда и Синяя Орда входят в состав Золотой Орды и добиваются слияния при правлении Тохтамыша. Таким образом, уместно сказать, что Казахское и Узбекское ханства являются преемниками Золотой Орды с политической и исторической точек зрения.

Далее мы исследуем отношения между Казахским ханством и Золотой Ордой на религиозном и этническом уровне.

Во-первых, рассмотрим религиозную систему, до завоевания монголами Средней Азии, из-за почти 300-летнего правления Арабского халифата, турок-сельджуков и Хорезма местные жители полностью исламизированы. Первый правитель Золотой Орды Батый-хан – последователь традиционного монгольского шаманизма, но во время своего правления он проводит политику терпимости по отношению к другим религиям. Персидскими историками указывается: «Он (Батый) – нерелигиозный император: он верит только в бога Неба и не следует слепо религиозной секте. Он раздает бесчисленные благотворительные пожертвования, и его милость безгранична. Правители разных стран и князья мира и все остальные совершают паломничество к нему (ходя к нему), как раз перед тем, как перевезти накопленную за много лет дань в казенные склады, он одаривает всех их, монголов, мусульман и всех присутствующих, независимо от их дани».

Во-вторых, на национальном уровне при правлении четвертого хана Берке-хана (Беркай-хана) после хана Батые статус ислама в Золотой Орде значительно повышается, и Золотая Орда начинает объединять силы с другими мусульманскими странами. В 1258 году правитель Государства Хулагуидов (Ильханата) Хулагу-хан (христианин) нападает на столицу Арабского халифата Багдад и случайно забивает копытами лошадей

последнего халифа Багдадского халифата Аль-Мустасима Биллаха. В результате Берке-хан объединяет свои силы с традиционным врагом монголов и лидером мусульманского сопротивления династией мамлюков в Египте (династия мамлюков), чтобы противостоять Государству Хулагуидов, также основанному монголами. С 1261 года два двора Золотой Орды и мамлюков обмениваются иностранными посланниками, послы султана Египта Бейбарса аль-Бундукдари находятся в городе Судак в Крыму, послы Берке-хана находятся в Александрии. В 1263 году два правителя образуют союз против Государства Хулагуидов. Берке-хан и его преемники, особенно Оз Бег Хан (более известный как Узбек-хан) и Жанибек-хан, привлекают мусульманских богословов ханафитской школы и хафитов в город Сарай, что дает новый импульс исламизации государства. В начале XIV века государственной религией в Золотой Орде считается ислам, юридически закрепляя господство ислама в ханстве.

В-третьих, Казахское ханство – это тоже исламское государство. Основатели Казахского ханства Гирей-хан и Жанибек-хан – мусульмане; простые казахи относительно рано также принимают ислам. И одновременно следует обратить внимание на два момента. Во-первых, Центральная Азия – важная родина суфийского ислама; во-вторых, религиозные обряды ислама внутри казахов сохраняют больше черт первоначального шаманизма. Таким образом, можно сделать вывод, что исламизация казахов является результатом непрерывной интеграции и развития суфийской секты и других направлений ислама, происходящих из суфизма, и местного шаманизма.

Наконец, проанализируем национальное строительство Золотой Орды и Казахского ханства. Ранее мы упоминали, что до образования Золотой Орды среди местных жителей только тюрки, кипчаки и канглы связаны с более поздними казахами. Правителями Золотой Орды являлись монголы, но на средней и поздней стадии постепенно тюркизировались; Кроме того, во время Великого западного похода, то есть до образования Золотой Орды, среди воинов Батыя насчитывается немного монголов, «потому что, по согласно историческому сочинению визиря государства Хулагуидов Рашид ад-Дина, по завещанию Чингисхана хану Батыю переданы не более четырех тысяч истинных монголов. Остальная часть армии Батыя состоит из тех тюрков, т. е. кипчаков, болгар, узы (огузов), которые присоединились к монголам. Этим объясняется то, почему Золотая Орда (Улус Чжучи) очень быстро тюркизируется» [5]. Рассмотрим еще раз Казахское ханство. Создание Казахского ханства тесно связано с формированием казахской нации. Казахский народ как слияние тюрков, монголов и среднеазиатских европеоидов принадлежит к тюркской языковой этнической группе. Во время тюркского правления в Центральной Азии происходит двусторонний процесс аккультурации: с одной стороны, местные жители становятся тюрками по языку, с другой стороны, тюрки – мусульманами по религии.

«Тюркизация и исламизация в культурной среде Центральной Азии формируют тюрко-исламскую культуру. Два географических термина «Междуречье» и «Туркестан» постепенно сливаются с расширением масштабов тюркизации и исламизации» [6]. Современные Казахстан и Турция относятся к числу шести тюркоязычных стран мира. В 1456 году Гирей-хан и Жанибек-хан ведут жителей на восток, что можно рассматривать как начало формирования казахской нации. Таким образом, в начале XVI века казахи изгоняют узбеков (Озбеков) и снова выходят в кыпчакские степи. Эти казахи и оставшиеся узбеки сливаются, окончательно формируя казахскую нацию. Из этого видно, что национальный строй Казахского ханства очень похож на национальный строй Золотой Орды. Оба они являются потомками тюркоязычных / тюркизированных монголов. Одновременно в процессе интеграции и развития формируется новая нация.

Исторические реликвии Золотой Орды и современный Казахстан.

С начала XIV века Золотая Орда неизбежно приходит в упадок и распадается: последовательно распадаются Белая Орда, Сибирское ханство и Крымское ханство и др., Московское княжество получает независимость. После распада Золотая Орда получает название Великая (Большая) Орда. В 1502 году последний великий хан Секер-али терпит поражение от Крымского ханства, и Золотая Орда оканчивает свое существование.

Исторические реликвии, оставленные Золотой Ордой современному Казахстану, позволяют сформировать следующие основные суждения:

Во-первых, во время правления Золотой Орды в Казахстане интегрируется этническая и религиозная принадлежность, что закладывает основу для формирования казахской нации и основания Казахского ханства.

Во-вторых, Золотая Орда оставляет для Казахстана множество исторических и культурных памятников, которые представляют большую историческую и культурную ценность. Например, древний город Сарайчик. Древний город Сарайчик – один из крупнейших городов в период Золотой Орды, в разные периоды является столицей Ногайской Орды и Казахского ханства, расположен в Атырауской области в западной части Казахстана. На территории Казахстана в Карагандинской области также расположена могила старшего сына Чингисхана Джучи. Данные культурные реликвии и памятники имеют большую историческую и культурную ценность, являясь важной частью собственной истории Казахстана, для всего мира заполняют пробелы в истории Центральной Азии.

В-третьих, в истории очень высок престиж Золотой Орды. Военные достижения чрезвычайно значительны: под предводительством Батыя Золотая Орда направляется в Великий Западный поход, захватив Русь и Киев, двигается на Польшу и Венгрию и разбивает европейские войска на Дунае; объединяет Византийскую империю и династию мамлюков на юге против Государства Хулагуидов. Кроме того, в экономическом и торговом

отношении Золотая Орда также достигает стабильного развития. «Огромные масштабы и процветание Нового Сарая (Сарай-Берке) и Гурганджа, особенно шумные базары Нового Сарая и жители со всего мира вызывают потрясение у арабского путешественника Ибн Баттута. Город Каффа процветает, в его порту пришвартовываются около двухсот судов. Порт на Черном море связан с рынком Восточной Азии под властью Монголии» [7]. С этой точки зрения Золотая Орда оставляет огромный след в истории Казахстана. Данный период – золотой век в экономической, политической, военной и культурной областях в истории Казахстана, преемственность Казахстана в составе Золотой Орды является важной мерой по укреплению национальной уверенности, национальной гордости и национального единства.

Заключение. В целом, наследование Казахстаном и отслеживание исторического наследия Золотой Орды разумно с точки зрения истории и права; с точки зрения формирования национального государства и национальной идентичности помогает укрепить гордость нации и национальное единство.

Список использованной литературы:

1. Бань Гу. Ханьшу. Сиюэ чжуан. Пекин: Изд-во «Чжунхуа шуцзю», 1962.
2. Ли Даши, Ли Яньтао. «Бэйши. Сиюй яжуань. Пекин: Изд-во «Чжунхуа шуцзю», 1974.
3. См. Сайт GoUzbekistan.com. URL: <http://www.gouzbekistan.com/cn/page3.shtml>
4. Гэвин Р. Г. Хэмбли. Основы истории Средней Азии. Гл. 10.
5. Груссе Рене(Франц.), "Империя степей", гл. 10.
6. Ван Сюэюй. Процесс и особенности исламизации Средней Азии // Вестник Гуйчжоуского педагогического ун-та (Серия гуманитарных наук). 2005. № 3.
7. Гэвин Р. Г. Хэмбли. Основы истории Средней Азии. Гл. 10.

Авторлар туралы мәлімет:

Лу Наси Солтүстік-батыс орман және ауыл шаруашылығы университетінің Гуманитарлық ғылымдар және әлеуметтік даму институты, Солтүстік-Батыс университетінің Жібек жолын зерттеу институты

(Шэньси пров., ҚХР)

Лу Шаньбин Солтүстік-Батыс университетінің Жібек жолын зерттеу институты (Шэньси пров., ҚХР)

ҚАЗАҚСТАН МЕН АЛТЫН ОРДА САБАҚТАСТЫҒЫНЫҢ БАЙЛАНЫСЫН ЗЕРТТЕУ

Андатпа: 2020 жылдың басында Қазақстан Үкіметі Алтын Орда қалашығының цитаделін қайта құру үшін археологиялық жұмыстар жүргізу және Қазақстан аумағында

мәдени туризмді дамыту туралы, сондай-ақ мұражайда Алтын Орда тарихының көрме залын ашу туралы жарлық қабылдады; Қазақстан Президенті Қ. К. Тоқаев: "Алтын Орда Қазақстан тарихы мен мәдениетіне енді", - деген жолдаумен сөз сөйледі. Тарихи деректерге сүйенсек, Қазақстан мен Алтын Орда тарихында, мәдениетінде, саясатында және этностық қатыстылығында белгілі бір сабақтастық бар. Алтын Орданың тарихи орындары қазіргі Қазақстанға белгілі бір әсер етеді.

Кілтті сөздер: Алтын Орда, Ақ Орда, Көк Орда, Өзбек хандығы, Қазақ хандығы

Information about the author:

Lu Nasi - Institute of Humanities and Social Development of Northwestern University of Forestry and Agriculture, Silk Road Research Institute of Northwestern University (prov. Shaanxi, China);

Lu Shanbing - Silk Road Research Institute of Northwestern University (prov. Shaanxi, China)

STUDY OF THE CONTINUITY RELATIONS
BETWEEN KAZAKHSTAN AND THE GOLDEN HORDE

Abstract: At the beginning of 2020, the Government of Kazakhstan adopted a decree on conducting archaeological work for the reconstruction of the citadel of the Golden Horde settlement and the development of cultural tourism in Kazakhstan, as well as on opening an exhibition hall for the history of the Golden Horde in the museum; President of Kazakhstan K. K. Tokayev delivered a message saying: "The Golden Horde has entered the history and culture of Kazakhstan". Judging by historical facts, Kazakhstan and the Golden Horde have a certain continuity in history, culture, politics and ethnicity. The historical sites of the Golden Horde have a certain influence on modern Kazakhstan.

Keywords: Golden Horde, White Horde, Blue Horde, Uzbek Khanate, Kazakh Khanate

THE GENGHISIDS AND THE KHANATE OF KHIVA

Radik Temirgaliyev

Historian, chief expert of the IWEP at the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

Abstract: Since the beginning of the XVI century, a new Genghisid dynasty, which came from the Kipchak steppe, was established in Khorezm. This dynasty maintained its throne for two centuries, despite the constant pressure of the rulers of Transoxiana. The traditional alliance with the rulers of the Kazakh Khanate also helped Khorezm to survive. But in the late XVII-early XVIII centuries. Khiva was in a deep crisis. Coups followed coups, and the rulers fell from the throne like checkers taken off the board. Chroniclers called this period "the game of khans". Only came to power in 1715. the khan of Shirgazy (who became famous in history mainly for the insidious extermination of the expedition of A. Bekovich-Cherkassky) managed to partially stabilize the situation in the khanate. But the northern part of the state, where the so-called Aral Khanate was located, the head of which in 1721 became the Bukhara protege Shah Timur Khan, was not actually subordinate to him. Shirgazy fought with the separatist for a long time, but could not achieve anything. Moreover, luck even began to lean on the side of Shah Timur. As a result, the Khiva people, disappointed by the obvious incompetence of their master, in 1728, they killed him and decided to turn to the Kazakh khan Abulhair for protection.

Keywords: Kazakh Genghisids, Sultan Abulhair, Khiva Khanate, Batyr-Sultan, Khiva-Russian relations

Introduction. Historians are well aware of the examples of the proclamation of the Kazakh Genghisids as khans of other peoples. Thus, in 1527, Khan Tahir, deposed by the Kazakhs, was proclaimed the ruler of the Kyrgyz, who fought for independence from the Mughal rulers [1, p.230-231]. In September 1537, the biy of the Nogai Horde reported to Moscow about his intention to approve a certain sultan Khan-Bulat on the Khan's throne. V. V. Trepavlov believes that the Kazakh Sultan Khaknazar, the son of Khan Kasym, appeared under this name [2, p. 191-192]. In 1709. the Bashkirs, who rebelled against the Russian authorities, proclaimed the Kazakh Sultan Abulhair as their khan [3, p. 25].

All these and similar cases were caused by the current short-term situation and the need to consolidate the population under the formal authority of a representative of a legitimate dynasty, and therefore did not continue. Quite different in nature was the seventy-four-year period (1728-1802) in the history of the Khiva Khanate, during which the throne of this state was occupied by almost two dozen khans from among the Kazakh Genghisids.

The Kazakh and Khiva khanates were interested in establishing close ties. The main reason was the presence of a common enemy in the face of the Bukhara Khanate. At the end of the XVII century, the Kazakh and Khiva rulers, in all

likelihood, acted as military allies. "The countries of Transoxiana and Balkh came to the brink of destruction due to the raids of the Khorezm and Kazakhs," wrote Khojamkuli – bey Balkhi, describing the events of that period [1, p.397].

Trade was of great importance in the Kazakh-Khiva relations. "They do not have cattle breeding, but are content with buying cattle from the Kirghiz-Kaisaks and Aralians," noted the Samara merchant Rukavkin, who visited Khiva in 1753 [4, p. 28]. P. I. Rychkov, stating the lack of cattle among the Khivins, noted that they "buy horses from the Kirghiz and Karakalpak" [5, p.23]. The Kazakhs also supplied Khiva with slaves, who were used in large numbers for agricultural work [3, p. 202]. In turn, the director of the Orenburg customs P. Velichko, describing the Khiva goods, noted: "Their fabrics are silk, semi-silk and pure paper, always striped, called sousa, used by them for making dressing gowns; from paper they also weave coarse unpainted cloths, called calico, and blue-colored ones-buyaks; also sashes of cheap price. Dressing gowns are lined with white calico with quilting on paper. All these products go more to the Kyrgyz " [3, p. 200].

There is reason to believe that already in the late XVII-early XVIII centuries. during the period of turmoil, individual Kazakh sultans were elected by the Khiva khans. One of the most authoritative experts in the history of the Khiva Khanate, Yu. Bregel, notes that in the period 1689-1715, from 11 to 13 khans were replaced on the throne of this state, more than half of whom had an unclear origin [6, p. 392]. Zh.M. Tulibayeva calls the Kazakh Genghisids Shah-Niyaz Khan (1698-1702) and Musa Khan (1703-1704) [7, p.55]. N. N. Mingulov believed that even Shirgazi was a Kazakh by origin-khan (1715-1728) [1, p. 564]. These statements contradict the main well-known work on the history of Khiva at that time, "Firdaus al-Iqbal". However, the author of this work, Munis, describing, for example, the rule of Vali Khan (1697-1698), noted that after the overthrow of this Genghisid, he was exiled to the Kazakh steppe [8, p.53]. Thus, relations with the Kazakh Genghisids were usually broken later. In addition, it is assumed that among the Khiva khans at the turn of the XVII-XVIII centuries. there were Kazakh torahs, one remark of the well-informed Russian envoy Florio Beneveni, who was in Bukhara and Khiva in the period 1721-1725, allows. Noting the confrontation between two Khiva groups supporting different candidates for the throne, he predicted that " finally, both those factions of both khans will lose. And the Paks will choose, as usual (highlighted by me – R. T.), another khan, either from the Cossacks or from the Kalmyks" [9, p. 125].

Beneveni's forecast was fully justified. Shirgazi Khan was killed by his own ghulams in 1728, but his rival, the ruler of the so-called Aral Khanate, Shahtemir Khan, could not achieve the throne. The influential biy of the strong Khiva tribe, Kongrat Ish-Muhammad, who bore the title of Inaka, decided to make an alliance with the Kazakh Khan Abulkhair. Probably, the support provided by Abulkhair was really significant, and he later reminded the Khiva nobility in one of his letters as follows:" And when I came, it was the last end for you from the Aral khan, then

I released you, I repaired every recollection, in which you promised me and swore to me, as long as I was alive, to listen to my decrees and honor your khan, as my namesake " [10, p.109].

The Khiva nobility agreed to accept Abulkhair's nephew, Mamai, as their new khan. However, just a week after gaining the khan's title, he died after falling from his horse [10, p. 104]. Munis calls this khan by the name of Sary-Aigir [8, p. 62]. It is likely that there is an inaccuracy here. "Sary aigyr" from the Kazakh language is translated as a red stallion, which, apparently, threw off the rider.

The next khan of Khiva was Abulkhair's son – in-law, Sultan Batyr. This ruler secretly escaped from Khiva, climbing over the fortress wall at night, after six weeks [10, p. 104] or six months of rule [8, p. 62], fearing threats to his life.

Nevertheless, Ish-Muhammad-inak was determined to maintain friendly relations with the Kazakh ruler [8, p. 62]. Karakalpak Orazak-batyr told A. I. Tevkelev that after the Batyr's flight, "the Khivins begged for a new khan from Abulkhair Khan" [10, p. 104]. As a result, the next ruler, who was given to the Khivins by Abulkhair, was Ilbars Khan.

Discussion. The origin of Ilbars raised questions even at the beginning of the XIX century representatives of the official Khiva historiography. On the one hand, Munis expressed the opinion that Ilbars is the son of Shahniyaz Sultan and goes back in his genealogy to the founder of the dynasty of Khiva rulers, Yadgar Khan. On the other hand, the author of "Firdaus al-Iqbal" made a reservation that "some believe that he is from the Kazakh sultans" [8, 62]. Abd al-Karim Bukhari definitely calls Ilbarsa a Kazakh [11, p. 195].

The fact that Ilbars was nominated by Abulkhair also makes the version about the Kazakh origin of this ruler preferable. Abulkhair himself informed A. I. Tevkelev that the Khan of Khiva was his cousin [10, p. 52]. Based on this information, I. V. Erofeeva concludes that Ilbars was the grandson of Yrys-Sultan, Abulkhair's grandfather [12, p.619]. At the same time, Karakalpak Orazak-batyr clarified that Abulkhair and Ilbars "are not related, only in matchmaking" [10, p.104].

Abulkhair, accepting Russian citizenship, also counted on the support of Ilbars. In December 1731, the Kazakh khan sent an embassy to Khiva, headed by his son Nuraly-Sultan, to persuade the Khan of Khiva to take the oath of allegiance to the Empress Anna Ioannovna. But the attempt was unsuccessful. The Khiva nobility did not want to hear anything about the protection of the infidels. Khan Ilbars, on whom Abulkhair had counted so much, had no influence, and all power was in the hands of the emirs. They told the Sultan of Nurala that "Abulkhair Khan has his will in the Kirghis-Kaisaks, but in Khiva he has no will, and here in Khiva, there will be no one to listen to him, Abulkhair Khan, and he has started a trifle" [10, p. 103].

Only the news received after this from the Aral khan Shakhtemir brightened up this unpleasant news. Taking advantage of the situation, he suggested to his

long-time opponent Abulkhair to conclude an alliance against the Khivins and even expressed a desire to accept Russian citizenship after Ilbars was overthrown. Abulkhair accepted the offer, and the union was sealed by the marriage of his niece with Khan Shahtemir. In April 1732, Nuraly-Sultan, on the orders of his father, together with 60 elders and "common people", went to the Aral Khanate to join forces and then march on Khiva. In addition, the khan sent a message to the Khiva nobility, in which he informed them that by September they were ready for a big battle [10, p.109].

But this campaign failed. The Khan revealed his cards too soon, and the clever Khiva dignitaries managed to use the time allotted to them. They bribed one of the close associates of the Aral Khan Shakhtemir – Tnysh-abyz. The emir managed to discord his own khan with his allies, and the discontented Kazakh batyrs returned to their nomads [10, p. 127].

After some time, the Kazakh and the Aral ruler managed to restore relations and continue joint actions against the Khan of Khiva. In his letter to A. I. Tevkelev in 1734, Abulkhair Khan reported: "And with Khiva we have a war, we want to get the main managers of the Khiva land 24-man ministers. And with Shaitemir Khan, the Karakalpaks won two games against them, the Khiva people" [12, p. 116]. However, Shahtemir Khan's luck soon changed. In 1736, he was killed by his close associates from the Mangyt tribe [8, p. 63]. After that, the rebellious Aral domain submitted to the power of Ilbars.

Abulkhair and Ilbars soon reconciled. In 1739, the son of Abulkhair Khan Yeraly-Sultan visited Khiva and married the daughter of Ilbars. The latter, according to the sultan, also promised to accept Russian citizenship and was going to send an envoy to establish relations with the Russian government [12, p.332].

Thus, Ilbars managed to gradually strengthen his position. But an external force appeared on the horizon, which no one in Central Asia could resist. In 1740, the Iranian conqueror Nadir Shah personally led his troops to march on Khiva. Ilbars fought back fiercely, but his strength was unequal. Besieged in Khankah, he was eventually forced to capitulate. In return, the Shah of Iran promised to spare his life, but after persuading his sheikhs, he changed his mind and ordered the execution of a noble prisoner. Together with Ilbars, the all-powerful Ish-Mohammed-biy was also killed [8, p. 65].

Nadir had only to enter Khiva. At this moment, the Kazakh khan Abulkhair unexpectedly declared his rights to the throne of Khiva. Mehdi Khan writes that Ilbars Khan, after the invasion of Nadir Shah, sent a letter to Abulkhair asking for help [11, p. 146]. However, the Kazakh khan was also approached from another Khiva camp. As the Khiva envoy told the Iranian shah, the Kazakh khan was invited by one of the most authoritative leaders of the Mangyt – Artuk-bek tribe [3, p.84]. The Mangyts had long vied for influence in the Khiva Khanate with the Kongrats, and after the death of Ish-Mohammed-inak, they decided to take advantage of the situation to seize control.

With the support of the Mangyts, Abulkhair occupied the capital without resistance and was proclaimed the new khan. As the Russian lieutenant D. Gladyshev, an eyewitness of all these events, reported, on November 7, 1740, Abulkhair was already "sitting on the khan's place, which was established by ambvon, and it was covered with a Peach carpet, and on the carpet a red velvet cushion; and he was wearing a red silk chelma, and on his sides sat the noble Khiva elders of about forty people" [3, p. 59].

Abulkhair had no intention of fighting against Shah Nadir. He hoped that the Shah of Iran would not dare to enter into conflict with a Russian citizen. In order to prevent a possible clash, Abulkhair sent his envoys to Nadir and joined them with the surveyor I. Muravin, who was supposed to confirm the Russian citizenship of the new Khan of Khiva.

The Shah of Iran outwardly showed goodwill to the envoys and handed them a letter for Abulkhair, in which he recognized the legitimacy of his claims to Khiva and invited him to meet in his headquarters for a personal meeting. But in addition to this message, Nadir sent another letter, addressed to the already influential Khiva residents. In it, the Shah ordered Abulkhair to be captured and held under arrest until the arrival of the Persian troops. The vigilant nukers of the Kazakh khan managed to intercept this letter, and, fearing treason, Abulkhair was forced to flee the city [3, p. 59-61].

Leaving Khiva, Abulkhair went to the territory of the former Aral Khanate, intending at least to tear it away from Khiva. As a result, his son Nuraly was elected as the Aral Khan, which, however, was also not easy. As D. Gladyshev reported, "being in this place, not only a noble quarrel was committed between the Aralians, but also a battle, because some of the Aralians intend to accept Nurali's son Abul-Khair Khan as their Khan, and others did not want it; however, finally, after the end of this internecine quarrel, all the Aralians, according to the spoken Nurali-Saltan, accepted themselves as a real Khan..." [3, p.61]. The main role in this was again played by the Mangyt nobility, led by Artuk-bek and his brothers.

Nadir Shah, having taken Khiva, did not include it in the number of his possessions and limited himself to the fact that he raised his protege Tahir Khan from the Bukhara branch of the Genghisids to the throne of Khiva, and then ordered the troops to return to their homeland.

Tahir was a cruel ruler. "To the guilty," Munis reports – "he cut the ears and noses and promoted the prosperity of Shiite customs" [8, p. 66]. This caused serious indignation of the local population, which Artuk-bey and Nuraly-khan decided to take advantage of. In the spring of 1741. they took the city easily. Tahir Khan was captured and killed.

But the following year Nuraly lost the khan's title. The Mangyt beks feared the reaction of Nadir Shah, who was clearly dissatisfied with the killing of his protege. Artuk-inak, having entered into negotiations with the shah, assured him that the murder of Khan Tahir was caused only by the misdeeds of the ruler, and

also on behalf of all the nobles expressed their readiness to remain under the protection of the shah. Nadir did not settle scores and only demanded that his new protege, Sultan Abulgazi, the son of the late Ilbars, be immediately recognized as Khan.

The Shah's will was unquestioningly carried out. The Russian authorities received information that Nadir Shah demanded to detain Nuraly, and Abulkhair was gathering troops to rescue his son [13, p. 22], but the situation was resolved without bloodshed. Nuraly, leaving the throne, left for his homeland. Apparently, it wasn't an escape. In the summer of 1742, Zhasaul Kail Toksanov reported to the Orenburg commandant, Lieutenant Colonel G. L. Ostankov, that Nuraly Khan "came to his father Abulkhair Khan with his wives and all his belongings on a recent day" [13, p. 25].

Tahir was dead, Nuraly was exiled to his homeland, and the only winner at the end of the events was Artuk-inak, who, together with his relatives, achieved his goal. The only obstacle was the fact that the approved new khan, the son of the militant Ilbars, did not want to turn into a puppet in the hands of the Mangyts.

Abulgazi Khan, who went down in the history of Khiva under the name Abulgazi II, was known among the Kazakhs as Karakozha. The messenger of I. Neplyuev, the Sakmar Tatar Kubek, informed his patron that the new khan of Khiva was a second cousin of Nuraly-Sultan [15, p. 370], which once again confirms the information of Abulkhair, who called Ilbars his cousin and gives an additional reason to rank this branch among the Kazakh Genghisids.

According to Muhammad Kazim, Abulghazi was only about 12-13 years old at the time of his accession to the throne [11, p.170] "He was a very educated and wise sovereign, and he was a talented poet. In poetry, he used the pseudonym Baiza. He often communicated with learned people and poets" [8, p. 68], – Munis wrote, describing Abulghazi II.

However, shortly after the accession of the new khan to the throne, the leaders of the Turkmen tribe Choudor Alibay and Orazbay, having entered into an alliance with the Yomud, practically occupied the khanate. People could not go outside the city walls, and the famine began. Nadir Shah himself had to fight against the dominance of the Turkmens, who sent a 40-thousand-strong army to Khiva [8, p.67]. But despite this, the raids of the Turkmens practically did not stop. In all likelihood, this reason forced the Khiva nobility in 1745 to turn to the Sultan of Nurala with a proposal to return to the throne [12, p. 184].

But the Russian authorities, consulted by Abulkhair and Nuraly, have spoken out against such a move. On October 21, 1745, a decree of the Board of Foreign Affairs followed, forbidding the Kazakh Genghisids as Russian subjects to ascend to the throne of Khiva as a possession under the protectorate of Iran [13, p. 211].

Nevertheless, Abulkhair did not let the situation in Khiva out of his attention and actively interfered in internal events and processes. Listing the most important

events, Munis mentions that in 1746 "the ruler of the Kazakh ulus Abu'l-Khair Khan, who came from the northern side of Khoja-kol, raided the vicinity of Chilpuk and looted the house of Ali Kipchak of the Kipchak family" [8, p. 67].

Abulgazi Khan at the same time decided to make an attempt to become an independent ruler and executed the leaders of the Mangyts, Artuk-inak and Said-Ali-bek [8, p. 67]. Muhammad Kazim mentions that in addition to the intrigues of the Turkmen nobility, who sought to create discord between the khan and Inak, the reason for the murder was also the annoying attacks of a homosexual nature on the part of Artuk-inak to the khan [11, p. 169-170].

Upon learning of the incident, the younger brother of Artuk-inak, Khoraz bey, who was in the service of the ruler of Iran, filed a complaint with Nadir Shah. He asked for permission to remove the cruel ruler and replace him with the Kazakh sultan Kaip and received consent. Kaip-Sultan was the son of Batyr-Sultan, who ruled briefly in Khiva in 1728, and also at that time was in the service of the Shah.

Abulgazy was captured by his own emirs, who imprisoned him in a madrasa, after which he was killed by Khoraz-bek [8, p. 67-68]. In 1747, Kaip Khan was proclaimed Khan.

At this point, relations between the two main Kazakh clans of the Chingizids of the Younger Zhuz became increasingly strained. Batyr-Sultan was getting closer and closer to the main opponent of Abulkhair Khan, Barak-Sultan. Therefore, the accession of Kaip Khan by Abulkhair Khan and his sons was received with extreme displeasure. In one of the extracts of I. Neplyuev, it was reported that the Nuraly-Sultan "wanted to attack them, the Khivintsy, for an attack by the assembly of it, but the Kirghisians turned him away because they allegedly said that if he quarreled with them, then they, the Kirghis, would not be able to exchange their goods" [15, p. 370].

In the same year, Abulkhair plundered a caravan with gifts sent by Kaip Khan to his father Batyr Sultan. These gifts were later to be used as a kalym for the daughter of Barak-Sultan. This incident was one of the reasons for the aggravation of relations between Barak-Sultan and Abulkhair, which ended with the murder of the latter in August 1748 [15, p. 426].

In the autumn of the same year, two khans were elected almost simultaneously in the Younger Zhuz: Nuraly and Batyr. Only Nuraly was confirmed in this rank by the Russian authorities, and Batyr's application was refused. But the position of Batyr Khan in the steppe was strong thanks to the support of his son. The two clans actively competed with each other for influence in the steppe and the right to collect trade duties, and made mutual raids.

Describing the first years of the reign of Kaip Khan, Munis writes: "In his time, the subjects enjoyed peace, and the affairs of the state were in the mighty grasp and powerful will of Khoraz beg, and Gaib Khan had nothing but the name [of the khan]. Therefore, the Khan was in extreme confusion" [8, p. 68]. However, other sources do not confirm this picture. It is likely that the friction between Han

and Inak began almost immediately. November 20, 1748 The Cossack ataman Smail-Mullah Abdrezyakov, who returned from the Younger Zhuz, reported that detachments of Turkmens and Arals had approached Khiva, Khoraz-bek had fled, and his whereabouts were unknown, and Kaip-khan asked his father to help [15, p. 435].

In February 1750. Batyr Khan, together with Aishuak-Sultan¹ and Janibek-batyr, made a campaign against the Arals and Karakalpaks "and a considerable number of people were taken to Polon, and a lot of their cattle were driven away..." [15, p.509]. In this campaign, Batyr Khan also ravaged the ulus of Tulga-bek, the brother of Khoraz-bek [16, p. 95], which was a clear message for Inak himself. Apparently, in this way, the onslaught of the Aral people was weakened, but the Turkmens continued to actively fight against Kaip Khan. Having overthrown him, they wanted to put Akkozha Sultan², the son of Ilbars Khan, on the throne [15, p. 511].

Almost devoid of allies, Kaip Khan tried to establish relations with the Russian authorities and in 1750 sent his official envoy to Orenburg. Governor I.I. Neplyuev found himself in a delicate situation, since at that time the decree prohibiting the Kazakh Genghisids from occupying the Khiva throne was still in force. From this point of view, Kaip Khan was a clear disobedient to the sovereign's will. The previous decree was urgently canceled, and on August 13, 1750, a new one was adopted, allowing Kaip and other Kazakh sultans to be elected khans of Khiva [16, p.97].

However, the confrontation between Kaip Khan and Nuraly Khan did not allow the development of Khiva-Russian relations. Khiva merchants avoided paying the traditional toll that was intended for Nuraly Khan. In response, looting of caravans began. For his part, Kaip Khan began to detain Kazakhs coming to the auction. On his orders, a Russian caravan was also looted.

At the same time, there was a long-overdue bloody denouement in the confrontation between Kaip Khan and Khoraz bek. At the end of 1753, Kaip Khan imprisoned one of the beks who had committed a serious crime – rape. In response, Khoraz-bek forcibly released the prisoner, "uttering inappropriate words about the khan." This was a fatal mistake. In the course of the audience that followed, Khoraz-bek was killed.

Following this, according to Munis, ten close relatives of the late bek and 60 other prominent beks of the Mangyt tribe were killed. Russian sources reveal some details of what happened. The brothers of the late Khoraz-bek, Tulga-bek and Kalmetnak, trying to take revenge on Kaip-khan, tried to rely on the clan of the sons of Abulkhair-khan. Their candidate for the throne was Yeraly-Sultan. In February 1754, the Allies occupied one of the towns from where they intended to

¹ Aishuak was the son-in-law of Batyr Khan and, unlike his brothers, was on good terms with him.

² Probably, Akkozha is not a real name, but a popular nickname, just like Karakozha in Abulgazi

start the campaign against Khiva. However, the plan failed. Kaip Khan, seizing the initiative, defeated the enemy and captured Yeraly-Sultan. Having generously gifted his noble captive, he released him back with an offer to Nuraly Khan to become related and stop the enmity [16, p. 120-121].

The Russian authorities, irritated by the looting of their caravan, did not want to leave this action unanswered. In the spring of 1755, Abulkhair's sons were secretly invited to march on Khiva and dethrone Kaip. This plan seemed quite real, especially since the brother of Nurala Khan-Sultan Yeraly-did not hide his desire to reign in Khiva. He only asked to be redeemed if he was defeated and captured again. This promise was given to him [14, p. 228].

But the plan was not implemented. Many influential figures of the Younger Zhuz, including Hansha Bopai and Sultan Aishuak, who had great influence in the family, were against the continuation of the feud. The decisive word in the course of the kurultai was expressed by a certain kozha, who was considered a holy man among the

Kazakhs³ and forbade Nuraly Khan and Yeraly Sultan to start a war against Khiva. The clans decided to become related and stop feuding [17, p. 171].

After the victory over the Mangyts, Kaip Khan decided to rely on the Kongrats. The leader of this tribe, Khojakuli-bek, was appointed to the post of Inak. But it was not possible to stabilize the situation. The exorbitant costs entailed the need to raise taxes. "Han was an arrogant man with a violent temper. At the end of his reign, he overstepped all bounds in tyranny and oppression and imposed a tax of 40,000 til on the subjects of Besh-Kala. The poor and weak could not get justice from him," Munis writes [8, p. 69].

In 1756, uprisings broke out in Gurlen and Urgench, threatening to spread to other cities. The situation required the intervention of Batyr Khan himself, who with a large army came to the rescue of his son in Bagh-i Murad. After the negotiations between the Kazakh and Khiva nobles, it was decided that Kaip Khan would leave the throne, and his younger brother Karabay would take his place. But the new khan was deposed after only four months [69-70].

This time, the new khan was the protege of the Bukhara Emir, Sultan Timur-Gazi. N. N. Mingulov calls him the Kazakh sultan, the son of Muhammad-Rahim-Sultan, the son of Zhantore Khan [1, p. 567]. This branch Munis considers to be going back to the Shibanids. However, as Yu notes. Bregel, in the message of the khan himself to Russia, delivered in 1761, he is called the son of Muhammad-Haji-Sultan and the brother of the Khan of Bukhara Abulgazi (1759-1785) [8, p.588].

Timur-Gazi also tried to gain real power. On April 25, 1762, during an audience, Khojakuli-inak was killed. However, unlike his predecessor, who started a war with an entire tribe, Timur-Ghazi decided to appoint another bek of the Kongrats – Mohammed-Amin, the son of Ish-Mohammed-inak, who died with

³ Apparently, this was the son of Musirali-sopa, known in Kazakh legends as Kosym-kozha.

Ilbars. He was an outstanding personality who was to play a huge role in the history of Khiva.

Timur-Ghazi-khan's attempt to play an independent game was unsuccessful. In 1764, he was removed from power and killed. In all likelihood, the murder was not planned, because unexpectedly for everyone, the Kazakh sultan Tauke, who came to Khiva on his own business, became the khan [8, p. 72]. He was found in one of the caravanserais and hastily enthroned. His origin also remains in question. N. N. Mingulov calls him the son of Khudayar Khan [1, p. 567]. In turn, I. V. Erofeeva put forward a version that it was the Kazakh Sultan Tauke, the son of Abulmambet Khan, who was later the ruler of Turkestan [12, p. 619].

Munis describes Tauke Khan in a positive tone: "He was a very kind, simple, pious, gentle and dervish-like man. In his time, the traces of rebellion and unrest completely disappeared in the Khorezm country." [8, p. 72]. The timid and good-natured ruler was clearly burdened by his position, and, at his request, in 1766 he was allowed to leave the throne.

After that, the Khiva emirs decided to put another sultan on the throne – Shah Ghazi. According to Muniz, at the time of his accession to the throne, he was only 15 and a half years old. He was the son of Abulgazi II, stepson of Kaip Khan and son-in-law of Nuraly Khan, thus having a relationship to all three Kazakh Genghisid clans that had claims to the Khiva throne. "Recently, my son-in-law Shahgazy-soltan was honored in the Khiva region to become a khan, and so, the Khiva people have affairs with the highest V. I. V. power, not far from me. And so that the local caravans were continuously sent here, as well as the Russian people who were captured by the Kirghiz thieves and secretly taken there were found and returned there, I made my order to my son-in-law Shehgazy – soltan," Nuraly Khan reported in his letter of February 14 to Catherine II [18, p.156].

However, his reign was short-lived. In the spring of 1768, he was deposed and exiled to the Kazakh steppe. The new khan was Abulgazi III, the son of Muhammad Haji Sultan and the younger brother of Timur Ghazi Khan. But only a month or six months later, Muhammad-Amin-inak overthrew him [8, p. 73].

Nuraly II, the son of Barak Khan, became the new Khan in 1769. The appearance of a ruler from another branch of the Kazakh Genghisids, who until now had not participated in the political life of Khiva, was unexpected. Apparently, Muhammad-inak wanted to completely get rid of the interference of the strong Kazakh clans of the Younger Zhuz in the life of the state. However, almost immediately, the revolt of the Turkmen Yomud tribe began.

Munis writes that after the beginning of the Turkmen revolt, Muhammad-inak immediately turned for help to "Ir-Ali Khan, the son of Abu-l-Khair Khan, the like of whom at that time there was no such glorious and powerful sovereign within Dasht-i Kipchak" [8, p. 74]. Yeraly, responding to the call, together with his younger brother Aishuak and the famous Kazakh biy Barmak, at the head of a detachment of one and a half thousand people, came to the rescue of Muhammad-

Amin. Nevertheless, the Turkmens managed to overthrow Nuraly II and put another Kazakh genghisid on the throne – Jahangir, the son of Kaip Khan. This decision was obviously dictated by the desire of the Turkmen leaders to enlist the support of a strong Kazakh clan that could resist the descendants of Abulkhair. Muhammad-Amin and the Yerals, having been defeated, were forced to retreat. Muhammad-Amin tried unsuccessfully to seek support in Bukhara, but did not succeed.

Meanwhile, a famine began in Khiva, which was looted by Turkmen troops. People, fleeing for their lives, scattered to neighboring possessions. In the capital, as Munis writes, there were only 40 poor families left. Wild animals began to enter the deserted city [8, p. 75].

In 1770, Muhammad-Inak and Yeraly-Sultan resumed their actions against the Turkmens, and this time they were more successful. The Turkmen troops, having been defeated, were forced to retreat. The new khan was Sultan Bolekey, the son of Yerala-Sultan. Munis mistakenly refers to him as the son of Nurala Khan.

"Because of slander in a month," Muhammad-Amin-inak overthrew Bolekey and sent him to his father [8, p. 75]. However, not wanting to spoil relations with the allies of Muhammad-Amin-inak, in the autumn of 1770, he elevated Agim, the son of Adil, the son of Abulkhair, to the throne. The sons of Abulkhair, perhaps not to the full extent, were still satisfied with this decision. The head of the Nuraly Khan clan in his letter to Catherine II dated November 25, 1770. the accession of his nephew in Khiva listed among other successes of his family: "Those who went to the restless caravan road and the warring Trukhmen people got my success, and from them, the Trukhments, the Yavmut people were driven away from Khiva, where my nephew Agym-soltan, and in the Mangyshlatsk trukhmenets-my son Pirali-soltan, and in the Karakalpaks - my nephew Syukali-soltan were khans. And so, thank God, the regions there all submitted during the supreme power of V. I. V. " [18, p. 186].

In Khiva, Agym was also known as Abdallah Khan. According to Muniz, he was a good horseman and madly loved falconry. Apparently, he was forced to occupy his leisure time in this way, since Muhammad-Amin simply did not allow him to actually manage. No later than the spring of 1772, he was also deposed [8, p. 76].

For a short time after Agim, Abd al-Aziz Khan, the son of Kaip Khan, who was also the formal ruler, was on the throne of Khiva. Munis describes him as a handsome young man and an excellent marksman, who once coolly killed a wild boar that rushed at him while hunting [8, p. 76].

In 1774, Muhammad-Amin-inak again decided to raise a representative of the Abulahira clan to the throne. The new khan was Artykgali Khan, the son of Nuraly Khan. Munis calls him the brother of Timur-Ghazi-khan and, accordingly, the son of Muhammad-Rahim-Sultan and says that he was brought from Bukhara

and after the overthrow was sent back again [8, p. 76]. However, this statement is clearly an error. Artykgali-sultan was the son of Nuraly Khan, who was quite well known from Russian sources.

Here is how Nuraly himself briefly described the short period of his son's rule in his letter to Lieutenant General I. A. Reinsdorp dated September 1, 1776: "In the past years, my son Artyk-Soltan, the Khivins, having made themselves khan, but finally giving him nothing, let him go naked. Who, returning with his comrades and finding the Khivintsy returning from the bargain, because he was released from them naked, taking revenge, from those khivintsy with karakisyatts, Adayts and Dusali-Soltan people, with only eighteen people, robbed the Yuftev red skins one hundred and one, became five poods, sugar four heads..." [18, p. 236].

During the reign of Artykgali Khan, a period of turmoil and civil strife began again in Khiva. After overthrowing Artykgali Sultan, Muhammad-Amin-inak in 1775 re-enthroned Agym (Abdallah). Agym was on the throne for about a year, after which he was again deposed and sent to his native steppes.

After that, the representative of the Karakalpak Genghisids, Yadgar, became the khan for the first time, who was replaced in February 1776 by the son of Kaip Khan, Abul-Faiz Khan. "During his reign, anarchy and rebellion were put to an end, and thanks to his equanimity, which was like a rose garden, the garden called the state became so calm that it could cause the envy of Eden!" - wrote Muniz [8, p. 78]. However, in February 1779, Abul-Faiz died of smallpox, and Muhammad Amin Inak was again forced to restore Karakalpak Yadgar to the throne.

With the death of Abul-Faiz Khan, the turmoil in Khiva began again. This ended with the overthrow of Yadgar and the enthronement of the Kazakh sultan Bolat-Gazi, the son of Safar-Sultan, the son of Ibars Khan, who ruled in 1781-1783. I. V. Erofeeva concludes with his name the table " Khiva Khans from the Kazakh Juchid dynasty. 1728-1783", since after Bolat-Ghazi, Karakalpak Yadgar Khan re-ascended the throne.

However, the Munis of the next ruler of Khiva after Yadgar Khan, who came to the throne around 1790 and went down in history under the name of Abulghazi IV, calls the son of Abdallah (i.e., Agim), the son of Adil, the son of Abulkhair. He ruled until 1802, after which, "insisting on abdication", he left the throne and went to the nomads of the Karakalpaks. The khan died shortly before the death of Eltuzer-inak, i.e. around 1805, he was succeeded by the Karkalpak Genghisid Abulgazi V, the son of Yadgar Khan [8, p. 79-80].

In Russian sources, due to the same names and lack of information, Abulghazi IV was confused with his successor Abulghazi V. However, the Khiva chronicler Munis could not make such a gross mistake, since he was a direct eyewitness to all these events and saw both of these khans. He unequivocally writes that Abulgazi V was a Karakalpak genghisid and the son of the former Khan Yadgar.

"The current khan is called Ablyaz, 50 years old, chosen from Karakalpak, nothing is known about his family" [3, p. 194], - P. E. Velichko reported in 1803, and this information clearly refers to Abulgazi IV. "He had a sparse beard and a dark appearance," Muniz described him in turn [8, p. 80].

"He is a young man and, having no business, plays in his yard with the children" [3, p. 196], wrote the philistine Yakov Petrov, who was enslaved in Khiva and Bukhara in 1787-1819. This information clearly refers to Abulghazi V, as Munis also emphasized the young age of this khan, who "was taken from his uncle's house in Khankah and proclaimed a sovereign. That year he was 18 years old" [8, m. 80]

Thus, the last Kazakh khan on the Khiva throne can be confidently called Abulgazi IV, and the total number of Kazakh khans in 1728-1802 can be estimated at 19 people. Of course, after the coming to power of Mohammed-Amin-inak, they played almost no role. By regularly alternating khans, preventing them from consolidating their position and starting their political game, he managed to turn them into completely symbolic figures, only personifying the supreme power. Abd al-Kerim Bukhari described the position of these Kazakh Genghisids on the Khiva throne as follows: "This Khan was imprisoned in a castle with his wife and children. Day and night they were constantly served food; they were treated with complete respect; their dresses were made of cloth woven with gold. Every day Inak and the nobles came to the khan's hall for an audience. Here, if there was any business to be done, Inak instructed the khan, and he never contradicted Inak; but was content only with what his idea asserted. Every Friday, before prayer, inak and all the nobles came to the khan and sat down before him according to their rank; inak sat next to the khan. When it was time to go to prayer, inak would help the khan to get up, and everyone would go to the mosque. On the way back, inak also supported the khan by the arms, and they went to the palace, which served as the khan's prison. After a few years, the khan was sent back to the Cossacks; and from there another was called. In a word, it was a game of khans" [19, p. 246-247].

Nevertheless, in this "game" there was a very clear strategy: not allowing the khans to gain strength and gain real power, Mohammed-Amin-inak simultaneously pursued his policy in relations with the steppe clans. For this reason, the following conclusion of the Uzbek scholar U. Abdurasulov seems incorrect: "It is noteworthy that in the selection of candidates for the Khan's throne, the Kungrad Inaks did not give preference to a certain dynastic line, but, on the contrary, constantly changed the vectors of their choice, inviting Genghisids from among the Karakalpak and Kazakh sultans. Obviously, being in the first decades of their rule not fully confident in the strength of their positions, the Kungrad leaders sought to invite the most "neutral" khans who did not have strong contacts among the opposing groups of Khorezm, and, consequently, did not have the resources for any independent actions" [20, p.27].

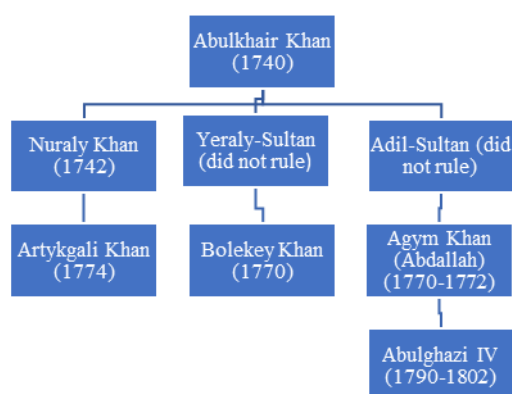
Conclusion. On the contrary, the Inaki had a very clear idea of the real forces behind the puppet khans. Of the 19 Kazakh khans who ruled in Khiva since 1728, only two khans – Nuraly, the son of Barak Khan, and Tauke, whose origin is not known for certain, did not belong to one of the three Genghisid clans of the Younger Zhuz.

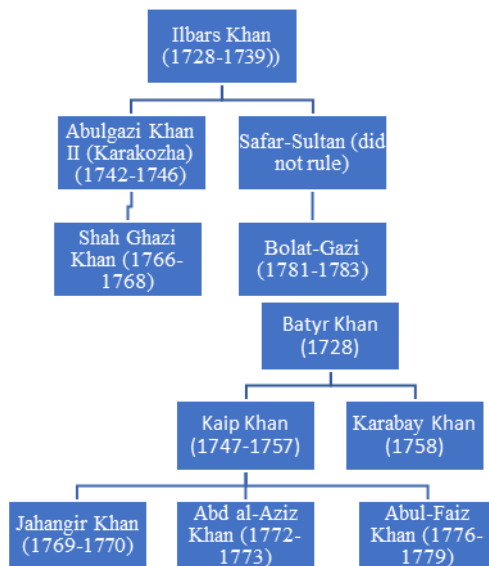
Only one of the Kazakh khans – Abulgazi II-was clearly killed by the court nobility. As mentioned above, after the overthrow of the Kazakh Genghisids, they preferred to send them back to their homeland. To conduct a prudent policy of the Inaks, in relation to the Kazakh Genghisids, forced first of all possible incursions of detachments under the command of their close relatives, such as the attacks of Abulkhair, Batyr, Yeraly. It is no accident that P. I. Rychkov noted that " from many circumstances, it can be seen that they are cowardly to the Kirghis-Kaisak people; and if this people had dared to attack them with a united force, it would have been very difficult for them to resist them now " [5, p. 20].

The termination of the tradition of bringing the Kazakh Genghisids to the throne did not coincidentally coincide with the destabilization of the situation in the Younger Zhuz and the crisis of the traditional management structure in the Kazakh society. In 1783, a large-scale uprising began under the leadership of Srym Datula, which after a while turned into a large-scale movement against the Abulkhair clan. Fearing for his life in 1786, Nuraly Khan fled to Ufa. In 1797, the rebels killed his son Yessim Khan, after which the Russian authorities claimed the elderly and almost incapacitated Aishuak as the khan of the Younger Zhuz.

By the beginning of the XIX century, the Genghisid clans of the Younger Zhuz, weakened and discredited by internal strife, the policy of the Russian authorities and the opposition of the tribal nobility, actually lose the ability to manage the situation in the Younger Zhuz and even more so to interfere in the internal affairs of neighboring states. This, in turn, makes it possible for the Khiva congrats to completely abandon the former "game of khans" with the involvement of the Kazakh Genghisids and accept the Khan's title themselves.

Genealogy of the Kazakh Khans of Khiva
(Clans of Abulkhair, Ilbars and Batyr)

References:

1. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.
2. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.
3. История Казахстана в русских источниках. VI том. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
4. Путешествие самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне. Санкт-Петербург: Типография министерства внутренних дел, 1840.
5. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. Часть I. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1762.
6. Bregel Yuri. The New Usbek States: Bukhara, Khiva and Khoqand. P. 1750-1886. In: The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. Edited by Nicolla Di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. // Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
7. Тулибаева Ж. «Тарих-и Кипчак-хани» как источник по истории казахов XVI – начало XVIII века. // Археография және деректану ұлттық орталығының хабарлары. 3/2012.
8. Firdaus al-ikbāl: history of Khorezm Munis and Agahi / Translated from Chaghay and Annotalid by Yu. Bregel. – Leiden-Boston-Köln, 1999.
9. Посланник Петра I на Востоке. Москва: Наука, 1986.
10. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. III том. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
11. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том II. XVI-XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1938.

12. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Том I. Алматы: АО «АБДИ Компании», 2014.

13. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. IV том. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

14. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

15. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1961.

16. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о Киргиз-Кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайыр хана (1748-1765 г.г.). / Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг, Книга 1. Алматы: Издательство «Өлке», 2001.

17. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив, № 2 (87), 1938.

18. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Том II. Алматы: АО «АБДИ Компании», 2014.

19. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. Санкт-Петербург: Типография братьев Пантелеевых, 1877.

20. Абдурасулов У. От Арабшахидов к Кунградам: динамика и политический ландшафт Хорезма в период правления двух династий. // *Özbekiston tarixi*. 2/2013.

Сведения об авторе:

Радик Темиргалиев, Историк, главный эксперт ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, г. Нур-Султан

ЧИНГИЗИДЫ И ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО

Аннотация: С начала XVI века в Хорезме утвердилась новая династия чингизидов, пришедшая из кипчакской степи. Эта династия сохраняла свой трон в течение двух веков, несмотря на постоянное давление правителей Мавераннахра. Выстоять Хорезму в немалой степени помогал и традиционный союз с правителями Казахского ханства. Но в конце XVII – начале XVIII вв. Хива оказалась в глубоком кризисе. Перевороты следовали за переворотами, и правители слетали с престола как шашки, снятые с доски. Летописцы так и называли этот период “игрой в ханы”. Лишь пришедшему к власти в 1715 г. хану Ширгазы (прославившемуся в истории, в основном, коварным истреблением экспедиции А. Бековича-Черкасского) удалось отчасти стабилизировать ситуацию в ханстве. Но и ему фактически не подчинялась северная часть государства, где находилось так называемое Аральское ханство, главой которого в 1721 г. стал бухарский ставленник Шах-Тимур-хан. Ширгазы долго боролся с сепаратистом, но добиться ничего не смог. Более того, удача даже стала клониться на сторону Шах-Тимура. В результате, хивинцы, разочарованные очевидной некомпетентностью своего повелителя, в 1728 г. убили его и решили обратиться за защитой к казахскому хану Абулхаиру.

Ключевые слова: Казахские Чингизиды, султан Абулхаир, Хивинское ханство, Батыр-Султан, хивинско-российские отношения

Автор туралы мәлімет:

Радик Темиргалиев, Тарихшы, ҚР Тұңғыш Президенті Қоры жанындағы ӘӘСИ бас сарапшысы, Нұр-Сұлтан қ.

ШЫҢҒЫС ҰРПАҚТАРЫ ЖӘНЕ ХИУА ХАНДЫҒЫ

Аңдатпа: XVI ғасырдың басынан бастап Хорезмде Қыпшақ даласынан келген жаңа шыңғысидтер әулеті орнады. Бұл әулет Мавераннахр билеушілерінің үнемі қысымына карамастан, екі ғасыр бойы өз тағын сақтап келді. Хорезмге қарсы тұруға Қазақ хандығының билеушілерімен дәстүрлі одақ та көмектесті. Бірақ XVII ғасырдың аяғы-XVIII ғасырдың басында. Перевороты аспан асты үшін переворотами, және билеушілері слетали болмақ ретінде дойбы, түсірілген тақтасының. Шежірешілер бұл кезеңді "Хан ойыны" деп атады. Тек 1715 жылы билікке келген. Ширғазы хан (тарихта негізінен А.Бекович-Черкасский экспедициясының опасыз жойылуымен танымал болған) хандықтағы жағдайды ішінара тұрақтандыруға қол жеткізді. Бірақ оған іс жүзінде Арал хандығы деп аталатын мемлекеттің солтүстік бөлігі бағынбады, оның басшысы 1721 жылы Бұхара сахабасы Шах-Тимур хан болды. Ширгазы сепаратистпен ұзақ уақыт күрескен, бірақ ештеңеге қол жеткізе алмады. Сонымен қатар, сәттілік тіпті Шах-Тимурдың жағына қарай жылжи бастады. Нәтижесінде, 1728 жылы өзінің қожайынының біліксіздігінен көңілі қалған хиуалықтар. оны өлтіріп, Қазақ ханы Әбілхайырға жүгінуге шешім қабылдады.

Кілтті сөздер: Қазақ Шыңғыс, сұлтан Әбілқайыр, Хиуа хандығы, Батыр сұлтан, Хиуа-Ресей қатынастары

XX ҒАСЫРДЫҢ 40 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҰЛЫҚ ҰЛЫС (АЛТЫН ОРДА) МЕМЛЕКЕТІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ

А.С.Шакиева

*Астана халықаралық университеті, I курс докторанты
Нұр-Сұлтан, Қазақстан*

Аңдатпа. Алтын Орда тарихына қатысты ғылыми тұжырымдамаларын қарастыруды талап ететін тарихилық мәні, объективті талдау жүргізуге, тақырыпқа қатысты фактілерді олардың жиынтығында бағалауға мүмкіндік беретін жүйелілік қағидаты мен кеңестік тарихнамасын зерттеуге жақындауға мүмкіндік беретін тұтастық принципі бар ғылыми танымды жұмыстар жатады. Кеңестік тарихи тұғырнамада Ұлық Ұлыс мемлекет тарихының мәселесі күрделі тақырыптың бірі болып табылады. Алтын Орда тарихы кеңестік зерттеуші ғалымдардың еңбегінде коммунистік саясат аясында қатаң бақылауда болды. Татар-моңғолдар шапқыншылығы зардабы Киев Русі мемлекетіне деген теріс әсері, мәдениеті мен шаруашылық сипаты жайлы мәліметтер келтірген еді. Негізі жарияланымға шыққан еңбектер Кеңес Одағының Ғылым Академиясы баспасы жүзеге асырып отырды. Ғылыми зерттеу еңбектері тікелей тақырыптық қолжазбаларды да пайдаланып отырды. Бұл еңбектердің объективтік тұғырын көтеріп отырды деуге болады, алайда Ұлық Ұлыс (Алтын Орда) мемлекетінің зерттелу тарихына деген біржақты көзқарастан құтылу мүмкін болмады. Алтын Орданың тарихи аспектілердің көп қырлылығы осы ғылыми мәселені шешудің жалпы тарихи сипаттағы, одан әрі зерттеулер жүргізудегі маңыздылығын көрсетеді.

Кілтті сөздер: Ұлық Ұлыс, Алтын Орда, моңғол-татар, тарихнама.

Кіріспе. Ұлық Ұлыс (Алтын Орда) мемлекетінің тарихи мәселері кеңестік тарихнамада ауқымды тақырыптардың бірі. Тақырыпқа қатысты екі жақты пікірлер қалыптасып, әрдайым зерттеуші ғалымдардың қызығушылығын оятқан еді. Алтын Орда Еуропа мен Азияда орналасқан Орта ғасырдағы ең ірі мемлекеттердің бірі болды. Оның әскери күші барлық көршілерді үнемі шиеленісте ұстады және ұзақ уақыт бойы ешкім дау айтпады. Тіпті алыс елдердің билеушілері онымен достық қарым-қатынас орнатуға және оларды барлық күш-жігерімен қолдауға тырысты. Саяхатшылар мен сауда керуендері, Алтын Ордада мекендеген халықтар, олардың өзіндік әдет-ғұрыптары мен көшпелі өмірі, осында билік еткен хандардың байлығы мен күші, сансыз мал табындары мен шексіз дала туралы шынайы әңгімелер мен керемет аңыздар бүкіл әлемге тарап кетті. Көшпенділердің орасан зор мемлекеті туралы шынайы және ойдан шығарылған әңгімелер ол жоғалғаннан кейін де өз тіршілігін жалғастырды.

Кеңес заманында Алтын Орданы зерттеуде кеңес тарихшыларының назарына лайық емес езгі мемлекет ретінде шешім қабылданды. Моңғол мемлекетіне қатысты кез-келген оң факт мүмкін емес болып көрінді, әрдайым күмән тудырды. Бұл Алтын Орда ғылымдағы тыйым салынған тақырыпқа айналды деп айтуға болмайды.

Алғашқы зерттеушілердің бірі, салыстырмалы түрде егжей-тегжейлі Жошы мемлекетінің түпнұсқалық атауы мәселесінде Г.С. Саблуков болды [1]. Акт материалдары негізінде мемлекеттік құрылымды қайта құрудың алғашқы әрекеті бейнелеген көрнекті орыс шығыстанушысы И.Н. Березиннің жұмысы ғылыми тұрғыдан құнды болды [2]. В.В. Бартольд [3] Шыңғыс хан мемлекеттерінің тарихын зерттеуге үлкен үлес қосып, нәтижесінде Б.Я.Владимирцовтың «моңғолдардың әлеуметтік жүйесі» атты классикалық жұмысын атап өтуге болмайды [4]. Сондай-ақ, В. Н. Татищев те, М.М. Щербатов та Ресейдің Ордаға тәуелділігін "иго" деген терминмен байланыстырмады. Сонымен бірге, Ресей тарихындағы дәуірді қарастыра отырып, В.Н. Татищев «История Российская» еңбегінде моңғолдардың Ресейге шабуылына жүйелі түрде баяндама жасайды. Кейінгі уақыт оның дайындық материалдарында Никон шежіресін қайталау түрінде көрініс тапты. М.М. Щербатов «История Российская» еңбегінде Ресей мен Орданың орыс-Орда қарым-қатынасының ірі оқиғаларын ғана қарастыра отырып, орыс князьдіктері мен Жошы ұлысының дамуы бір-бірімен тығыз байланысты екенін көрсетеді [5].

Талқылау. Карл Маркс орыс тарихына қатысты хронологиялық жазбаларында, әсіресе «XVIII ғасырдың Құпия дипломатиясында», моңғол шапқыншылығының теріс мағынасына шынайы ғылыми баға берді». Алтын Орда тарихын зерттеуде кеңестік тарихнаманың әдіснамалық негізіне айналған К.Маркстің нұсқаулары моңғол-татарлар туралы буржуазиялық тарихнаманың қателіктерін жеңуде өте маңызды рөл атқарды.

А.Ю. Якубовский мен Б.Д. Грековтың «Алтын Орда және оның құлауы» монографиясы тарихи жоспарлы кеңестік биліктің көрсеткіші болып табылады. Ол екі бөліктен тұрады: «Алтын Орда» және «Алтын Орда және Ресей». 1950 жылғы басылымның алғашқысы нұсқасы 1937 жылы жарық көрген «Алтын Орда» атты еңбегі танымал ғылыми кітабы болды. Екі шығарма да марксистік тарих ғылымы аясында орыс-Орда қатынастарын қалай қамтуы керек деген сұраққа жауап беру арқылы жазылды. Ең алдымен, авторлар К. Маркстің «XVIII ғасырдың Құпия дипломатиясында» иго деген сөзіне мәне бере негізделді. А.Ю. Якубовский мен Б.Д. Грековтың жұмысының тағы бір негізі Ресей тарихы туралы XIII-XV ғ. И.В. Сталин тапсырмасы аясында жазылды. Атап айтқанда, авторлар келесі сөздер арқылы келтіреді: «Австрия мен Венгрияның империалистері ескі татар тілінен гөрі жаңа «иго» сөзін қолданып жүрді» [6]. Әрине, авторлар өздерінің жұмысында барлық артықшылықтары мен зерттеу шеберлігімен, толығымен Алтын Орданың қирандыларында құрылған жаңа феодалдық бірлестіктерге бір кездері қуатты мемлекеттің ыдырау процесіне қатысты барлық мәселелерді қамти алмады. Сонымен қатар, КСРО тарихшысы үшін Алтын Орданың ыдырауы, феодалдық бірлестіктер және Сібір хандығының, Ноғай Ордасының, Қазан, Қырым, Астрахань хандықтарының және Үлкен Орданың

құрылуы сынды тақырыптар қызығушылық тудырады. Алтын Орданың ыдырауымен және жаңа феодалдық бірлестіктердің құрылуымен халықтар: өзбектер, қазақтар, татарлар, ноғайлар, қарақалпақтар, тіпті башқұрттар қалыптаса бастады. Бұл жұмыста Алтын Орданың ыдырау тарихын, жаңа феодалдық бірлестіктерді және Ұлыстың Жочиез қирандыларында жаңа хандықтардың пайда болуын жариялау міндеті тұр. Автор Алтын Орданың тарихын, оның әлеуметтік-экономикалық құрылымы мен саяси құрылымын жан-жақты зерттеуді мақсат етпейді. Бұл мәселелер Б.Д. Греков пен А.Ю. Якубовскийдің «Алтын Орда оның құлауы» атты жоғарыда аталған еңбегінде жеткілікті түрде қамтылған. Олардың міндеті тарихи және географиялық аспектілерді егжей-тегжейлі көрсету болған жоқ, сонымен қатар, А.Ю. Якубовскийдің Алтын Орданың тарихи географиясын тұтас қалпына келтіру мүмкіндігіне деген күмәні маңызды мәліметтерді жарияланымға шығарды. Нәтижесінде олардың шығарылымы ең жалпы сипатқа ие болып, көбінесе дереккөздерден, дәйексөздерді келтірумен немесе оларды қайталаумен шектеледі. Мемлекеттің аумағы жалпы анықталған, ал оның шекараларын неғұрлым толық нақтылау мүмкіндігі туралы мәселе тіпті қойылмаған. Алтын Орда қалаларының географиясы жеткіліксіз болды, бұл кітапта қала өмірінің едәуір дамуы туралы айтылған бағалауға қайшы келеді. Монографияда саяси тарихпен тығыз байланысты әскери-географиялық сюжеттер толығырақ көрсетілген. Қолда бар дереккөздердің барлық кешенінің тарихи-географиялық деректерін жете бағалауға жекелеген жағдайларда авторларды қате тұжырымдарға алып келді. Атап айтқанда, Ноғай ұлысының аумағы Дон және Днепр өзендерінің арасында орналасқан жайлы мәліметтер келтірілген.

Осылайша, XX ғасырда ғалымдар Орданың дамуы мен оның орыс князьдіктерімен қарым-қатынасының жеке мәселелеріне көбірек көңіл бөле бастады. 1940 жылы А.Н. Насоновтың орыс тіліндегі татар саясатының тарихына арналған монографиясы жарық көрді. Автордың айтуынша, оның зерттеу тақырыбы орыс-орда қатынастарының тарихы емес, сонымен бірге татар билігінің орыс экономикасына, әлеуметтік жүйеге, мемлекеттілікке және мәдениетке әсері туралы жалпы мәселе негізге ала зерттеді. Монографияның соңғы бөлімі XIV ғасырдың аяғы мен XV ғасырдың бірінші жартысындағы бірқатар оқиғаларға арналған. Сонымен бірге, автор XV ғасырдың бірінші жартысында Орда саясаты бағыттаушы Күшін жоғалтқанын айтады [7]. А.Н. Насонов орыс-моңғол қатынастарына арналған зерттеуінде: «Ресейдегі моңғол-татарлардың саясаты саяси тұрғыдан бөлінген қоғамнан біртұтас мемлекет құруға деген ұмтылыс емес, олар керісінше шоғырлануға кедергі жасау әрекетін, жеке саяси топтар мен князьдіктердің өзара араздығын сақтауға тырысатын еді» деген дұрыс тұжырымға келді.

1941 жылы жарық көрген «Алтын Орда тарихына қатысты материалдар жинағының» екінші томында парсы авторларының шығармаларынан үзінділер келтірді. Сонымен қатар, парсы авторлары Жошы Ұлысының иеліктері мен Тимурдың қызметіне қатысты фактілер қарастыратын дерек көздерінен үзінділерді ұсынды. Мұнда тарихи география туралы әртүрлі мәліметтер, хандардың биліктері туралы мәліметтер жинақталып, жалпы шектеулі материал болып табылатын ілеспе ақпарат сипатында болады. Кеңінен танымал және үнемі қолданылатын «Шежірелер жинағы» Рашид ад-Дина Шыңғысхан мен оның ұлдарының, сондай-ақ Иран аумағындағы Моңғол мемлекетінің тарихы мен қызметін егжей-тегжейлі бұл еңбекте сипаттайды. Бұған қарсы Рашид ад-Дин өзінің ауқымды еңбегінде Алтын Ордаға ең аз көңіл бөліп, оның дамуының негізгі кезеңдерін ғана жеткізді. Мұнда мемлекеттің тарихи географиясы туралы нақты мәліметтер жоқ, бірақ шежірелер басқа ұлыстарда моңғолдардың әкімшілік құрылымы мен үстемдігін ұйымдастыру туралы бай салыстырмалы материал береді.

Негізі мемлекеттің тарихы ғылыми қоғамдастықта қызу сирек жағдайда пікірталастар тудырады. Оларды анықтаған таза ғылыми факторлармен, ғылыми емес факторлардың маңызды орынды алады. Кеңестік кезеңдердің идеологиялық ұстанымдары зерттеушілердің Еуразия халықтарының тарихындағы Жошы ұлысының рөлі мен орнын ғылыми тұрғыдан түсіндіру мүмкіндіктерін қатаң шектеді. Осыған байланысты, осы кезеңдерде жарияланған еңбектерде Алтын Орданың тарихы негізінен оның әлемдік өркениетке теріс «қосқан үлесі» арқылы қарастырылды. Әрбір жаңа еңбектер қатаң сынға алып, идеологиялық тұрғыдан сай емес танылып, басылымға тыйым салынып отырды. Ал, кей жағдайларда зерттеуші ғалымдар жергілікті биліктің шешімімен репрессияға ұшырап отырды. Кеңестік ғалымдардың ойлары көбіне ортақ концепцияны ұстануға тырысты, моңғол шапқыншылығы ұзақ уақытқа дейін ортағасырлық мемлекеттердің қоғамдық өмірінің дамуына кедергі келтірді. Жоғарыда келтірілген еңбектер зерттей келе, бір ортақ ойға келуге болады. Авторлардың пікірінше Русь Еуропаға моңғол әскерінің негізгі шабуылының көбін өзіне алып, өзінің халқымен, мыңдаған әскерімен, қалалар мен экономикасының күйреуімен көмек берді деп есептейді.

Кеңес Одағының Коммунистік партия басшылығының арнайы 1940 жылдардағы қаулы аясында, Алтын Орда тарихын зерттеуге деген көзқарастың өзгергені белгілі болды. Осы жылдары жарияланған еңбектердің көп бөлігінде Ұлық Ұлыс мемлекетінің тарихына теріс баға беріліп, жарқын коммунистік болашаққа әсері жайлы баяндалған ғылыми жұмыстар жарияланды. Жалпы, Кеңес Одағында зерттеу жұмыстары идеологиялы сипат алды, әсіресе КСРО алғашқы онжылдығында айқын болды. Барлық зерттеу тақырыптарына марксистік-лениндік сипатта жазылып Ленин мен Сталинның еңбектеріне сілтеме жасап отырды. Келесі, кеңес ғалымдарының

зерттемелеріндегі орын алған маңызды мәселелердің біріне Русь жеріне келген моңғол әскерінің нақты саны. Алайда, кеңестік ғалымдар барынша бұл сұрақтың дұрыс жауабын табуға тырысты, және нақты жауап беруде негізгі дерек көздерде келтірілген мәліметтерді пайдалануға тырысты.

Ұлық Ұлыс-Алтын Орданың тарихы ғылыми тақырып ретінде, тіпті университеттер мен педагогикалық институттардың тарих факультеттерінде де бөлек зерттелмеген. Сонымен бірге, Ұлы Орданың тарихын түсіну бізге Еуразия құрлығының көптеген халықтарының тарихын тереңірек білуге мүмкіндік берер еді.

Қорытындылай келе, кеңестік тарихнамада Киев Русіне моңғол-татар шапқыншылық тақырыбы, Русь пен Моңғол империясының қарым-қатынасына өзіндік әсер тигізді. Идеологиялық сипатқа қарамастан, тарихшы қауым барынша тақырыпқа объективті баға беруге тырысты. Алайда, уақыт өте келе алғашқы зерттеушілердің ұстанған ойлары заман ағымына сай ескіріп, тек коммунизм теоритиктердің шығармасы деген атпен қабылдай бастады. Дегенменде, әрбір еңбектің өзінің тарихи маңызы зор.

Әдебиеттер тізімі:

1. Саблуков Г.С. Очерк истории внутреннего состояния Кипчакского царства. - Казань, 1895.

2. Березин Н.Н. Устройство улуса Джучиева по ханским ярлыкам. - Казань, 1851.

3. Бартольд В.В. Сочинения. - Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963.

4. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

5. Татищев В.Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965 .Источник: <http://www.a-nevsky.ru/library/russkie-knyazya-v-politicheskoy-sisteme-dzhuchieva-ulusa-ordi2.html>

6. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.Источник: <http://www.a-nevsky.ru/library/russkie-knyazya-v-politicheskoy-sisteme-dzhuchieva-ulusa-ordi2.html>

7. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. Источник: <http://www.a-nevsky.ru/library/russkie-knyazya-v-politicheskoy-sisteme-dzhuchieva-ulusa-ordi2.html>

Сведение об авторе:

Шакиева Айсауле Сериковна докторант 1 курса Международного университета Астана, г. Нур-Султан

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА УЛУК УЛУС (ЗОЛОТАЯ ОРДА) В 40-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. К историческим, требующим рассмотрения научных концепций, касающихся истории Золотой Орды, относятся научно-познавательные работы с принципом системности и принципом целостности, позволяющим приблизиться к изучению советской историографии, позволяющим проводить объективный анализ, оценивать факты, относящиеся к теме, в их совокупности. На советской исторической платформе проблема истории Великого Государства является одной из сложных тем. История Золотой Орды находилась под строгим контролем в рамках коммунистической политики в трудах советских ученых-исследователей. Последствия татаро-монгольского нашествия привели к негативному влиянию на государство Киевской Руси, культурному и хозяйственному характеру. Работы, в основном вышедшие в свет, осуществлялись издательством Академии наук Советского Союза. Научно-исследовательские работы использовались и непосредственно тематическими рукописями. Можно сказать, что эти труды подняли объективный пьедестал, однако избежать одностороннего отношения к истории изучения государства Улук Улус (*Золотая Орда*) не удалось. Многогранность исторических аспектов Золотой Орды свидетельствует о важности решения данной научной проблемы в целом исторического характера, в проведении дальнейших исследований.

Ключевые слова: Улус улус, Золотая Орда, монголо-татары, историография.

Information about the author:

Shakiyeva Aissaule Serikkyzy 1st-year doctoral student of the Astana international university, Nur-Sultan

HISTORY OF THE STUDY OF THE STATE OF ULUG ULYS (GOLDEN HORDE) IN THE 40S OF THE XX CENTURY

Annotation. To the historical one, requiring consideration of scientific concepts relating to the history of the Golden Horde are scientific and educational work with the principle of consistency and the principle of integrity, which allows to approach the study of Soviet historiography, providing an objective analysis to evaluate the facts related to the topic in their entirety. On the Soviet historical platform, the problem of the history of a Great State is one of the most difficult topics. The history of the Golden Horde was strictly controlled within the framework of Communist policy in the work of Soviet scientists and researchers. The consequences of the Tatar-Mongol invasion led to a negative impact on the state of Kievan Rus, cultural and economic nature. The works, mostly published, were carried out by the publishing house of the Academy of Sciences of the Soviet Union. Research papers were also used directly by thematic manuscripts. We can say that these works raised an objective pedestal, but it was not possible to avoid a one-sided attitude to the history of studying the state of Uluk Ulys (Golden Horde). The versatility of the historical aspects of the Golden Horde indicates the importance of solving this scientific problem in General of a historical nature, in conducting further research.

Key words: Ulug Ulys, Golden Horde, Mongol-Tatar, Historiography.

UDC 93

АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА ОБ ИЗУЧЕНИИ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ Е.А. КОСМИНСКИМ

М.В. Шлюпиков, М.М. Шлюпикова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
Казахстан*

Российский университет дружбы народов, Россия

Аннотация. Изучение историографического наследия английской медиевистики середины и второй половины XX века представляется весьма актуальным. Статья представляет собой анализ критики концепции аграрной истории Англии XIII века видного советского учёного-медиевиста Е.А. Косминского. Источниковедческую базу исследования составляют разнообразные труды английских историков середины XX века, М. Поста, Т. Астона, Р. Леннарда, посвященные аграрной истории Англии средневекового периода, времени формирования экономических основ, культуры и английской феодальной государственности.

В центре исследования – научные взгляды английских историков середины XX века о процессах экономического и социального развития английской деревни XIII века, их интерпретация исторической концепции советского историка-аграрника Е.А. Косминского. Были проанализированы его подходы к роли английского манора, его структуры, влияния на социально-экономическое положение крестьянства. Дана оценка степени научной обоснованности выводов советского учёного, его методологическим пристрастиям. Авторы пришли к выводу, что в творчестве Е.А. Косминского продолжают лучшие традиции русской школы в изучении аграрной истории средневековой Англии. Без освоения этого историографического наследия нельзя приступать к написанию полномасштабной истории феодальной Англии.

Ключевые слова: Е.А. Косминский, М. Поста, Т. Астон, Р. Леннард, историография, аграрная история Англии, манор, манориальная структура, феодальная рента, вилланство, фригольдеры, Сотенные свитки, статистический метод.

Введение. Е.А. Косминский - крупный советский историк старшего поколения, один из создателей медиевистики в СССР, внес большой и ценный вклад в развитие отечественной исторической науки [1]. Без учета его трудов в настоящее время невозможно дальнейшее изучение истории средневековой Англии [2]. И хотя в ряде случаев современное исследование предложило новые методы и решения, тем не менее в основном и очень важном современном историографический процесс продолжает направляться исследователями Е.А. Косминского.

Работая над творческим наследием ученого, анализируя его концепцию аграрной истории Англии исследователи с безусловной необходимостью сталкиваются с подходами и оценками зарубежной историографии (и в том

числе английской). Исследования Е.А. Косминского широко известны за рубежом, на английский перевод его главного труда («Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» - М. - Л., 1947) были многочисленные отклики на страницах зарубежной исторической печати, рецензии видных медиевистов-англистов [3].

Такая историографическая ситуация меньше проясняла, чем ставила вопросов. И дело не в творчестве одного, пусть и видного, советского ученого, проблемности и концептуальности его исследований, а в том, что западноевропейская историография в какой-то мере обнажила здесь свои принципиальные позиции. С одной стороны, как отнестись к неоспоримым достижениям советской медиевистики в изучении аграрной истории Англии XIII века, с другой, как отстоять приоритетность своего метода исследования. В данном случае мы попытаемся рассмотреть усилия английской историографии в этом направлении.

В так называемой марксистской исторической науке критике основных тенденций буржуазной медиевистики середины XX века посвящено немало страниц [4], однако данный сюжет представляет хорошую возможность на конкретном примере выявить дополнительные штрихи к сложившейся общей оценки историографических принципов западной медиевистики. Разумеется, с учетом общих «подвижек» в историографическом процессе за полувековой период.

Обсуждение. Объектами нашего рассмотрения станут научные взгляды таких английских историков как М. Постан, Р. Леннард и Т. Астон. Все они аграрники. Леннард, например, знаменит книгой «Сельская Англия 1086-1135. Изучение социальных и аграрных условий» (Оксфорд, 1959), где исследует манор, его размеры и структуру, положение крестьянства, феодальные повинности, размеры держаний, локальные особенности английской деревни [5]. Из этой тройки Астон менее знаком читающей публике. Наиболее колоритной фигурой является профессор М. Постан, редактор «The English historical review» (EHR) (крупного английского исторического журнала), занимавший одно из видных мест в английской исторической науке. Постан интересовался преимущественно социально-экономическими вопросами средневековой истории [6]. В английских ученых кругах он считался «радикалом». Обычно во всех своих работах Постан стремился «пересмотреть» общепринятые концепции. Он часто иронизировал при этом над историками XIX века, укоряя их в преклонении перед определенными схемами, идеями, превратившимися в научные фетиши [7].

Главной научной сферой Майкла Постана была экономическая история средневековой Европы, включая демографические процессы и миграцию населения. В 1933 году вышел сборник статей «Studies in English Trade in the

Fifteenth Century» (Исследования английской торговли в XV столетии) под редакцией М. Постана и Э. Пауэр. Сборник включал статью самого Постана «The Economic and Political Relations of England and the Hanse from 1400 to 1475». За ней последовали две работы по методологическим проблемам историографии — «The Historical Method in Social Science» (Исторический метод в обществоведении, 1939) и «Fact and Relevance: Essays on Historical Method» (Факты и их значение: эссе по исторической методологии, 1971); полное академическое издание средневековой картулярии «Carte Nativorum: A Peterborough Abbey Cartulary of the Fourteenth Century» (Carte Nativorum: Картаулярия аббатства Питерборо XIV века, 1960), а также труды по средневековой экономике — «An Economic History of Western Europe 1450—1640» (Экономическая история Западной Европы, 1967), «The Mediaeval Economy and Society: Economic History of Britain, 1100—1500» (Средневековая экономика и общество, 1972), «Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy» (Эссе по средневековому сельскому хозяйству и общим вопросам средневековой экономики, 1973), «Mediaeval Trade and Finance» (Средневековая торговля и финансы, 1973).

Его неомальтузианский подход к проблемам экономического развития и демографических процессов в доиндустриальном обществе доминировал в экономической истории в послевоенный период и привёл к созданию Кембриджской группы по изучению истории населения и социальной структуры (Cambridge Group for the History of Population and Social Structure), широко известной своими многочисленными публикациями по демографической истории Великобритании.

Вершиной научных изысканий Майкла Постана стала изданная под его редакцией монументальная «Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire» (Кембриджская экономическая история Европы со времён заката Римской империи) в 8-ми томах, вышедшая между 1941 и 1989 годами (последний том был опубликован посмертно).

Таким образом, мы видим, что названные историки солидные ученые, специалисты-аграрники, не сторонники поспешных, неподготовленных наскоков на идеологического противника, каковым все же является для них Е.А. Косминский. Тем большую ценность для нас представляет их научная аргументация, чаще свободная от политической конъюнктуры.

Т. Астон в рецензии на «Исследования по аграрной истории Англии XIII века» Е.А. Косминского отмечал, что «концепция классического манора была очень далека от действительной точности, как очень упрощенная и регионально, и типологически» [8], подчеркивая тем самым важность изучения этой проблемы. Одним из значительных достижений исследований Косминского являлась, по мнению Т. Астона, обработка статистическим методом «Сотенных свитков» (RH), важного исторического источника [9]. В качестве несомненных заслуг Е.А. Косминского Т. Астон ставит показ

«деформированного манора» на примере Центральной Англии, выявление социально-экономической дифференциации среди фригольдеров и вилланов, постановку вопроса о рабочей силе, а также «детальное объяснение и доказательство», аргументированность выводов, научную добросовестность [10]. На этом он, пожалуй, и останавливается - далее Астон открыто полемизирует с Косминским, критикуя его подходы.

Сделав реверанс в сторону качественного использования Косминским «Сотенных свитков», Астон ссылается на заведомую ограниченность окончательных выводов исследования, так как, по его мнению, этот источник дает лишь неподвижную картину английской деревни, что якобы Косминскому не хватает хронологической перспективы [11], вследствие эпизодического привлечения других источников.

Далее он задает вопрос, который ставит под сомнение важность всего исследования: «не является ли приближение к английской экономической истории через манор неправильным?» [12]. По существу, то, что Е.А. Косминский видит в манориальной структуре центральную проблему неверно. Многое будет зависеть, по мнению Астона, от степени связи исследования манориальной структуры с более динамичными факторами: изменениями сельскохозяйственной техники, демографии, рынка, цен, увязкой в ландшафте [13]. «Структура» и «система» должны выглядеть в движении. И здесь Астон не оригинален, поскольку, уже стало традицией обвинение советских исследователей, основывающихся на марксистской доктрине, в приверженности к неким структурным факторам, поиску и выявлению исторических закономерностей, и игнорированию указанных динамичных факторов, без которых историческая картина является якобы ущербной и, в конечном счете, искаженной.

В ответ можно сослаться и на характер используемых источников и непосредственных целей, стоявших перед ученым. Но все же определение Е.А. Косминским английского феодального манора не просто как хозяйственной ячейки, а как эксплуататорской социальной организации, служившей для извлечения феодальной ренты из зависимого крестьянства перевешивает, на наш взгляд, важность «динамичных факторов» [14]. Такое научное решение одной из центральных проблем в понимании сущности феодализма как общественно-экономической формации и вызывало плохо скрываемое раздражение западных историков.

И еще два вопроса, по которым Астон считал возможным полемизировать с Косминским: о феодальной реакции и положении крестьянства в XIII веке и о характере применения рабочей силы (или «наемном труде»). Астон утверждает, что относительно «феодальной реакции» Косминский непоследователен в доказательствах, что отработочная рента не могла значительно возрасти [15], (говорил даже о значительном снижении отработочных рент, так как многие были коммутированы в конце

ХII и тем более в конце ХIII века) [16]? Т. Астон признавал тезис Е.А. Косминского о повышении денежной ренты, однако, на его взгляд, «без внимательного соотношения со стоимостью денег, урожайностью почвы, количеством земли, с которой лорды взыскивали ренты... заявление о росте делаются не вполне убедительными» [17]. Он пытался объяснить увеличение домена динамикой цен, то есть не общий рост феодальной эксплуатации, а своеобразная экономическая необходимость для «выживания» домена. Астон считает, что крупный манор улучшал аграрный порядок общества, занимал ведущую роль в ограниченных технологических усовершенствованиях в ту эпоху, что крупные маноры более жизнеспособны, больше связаны с рынком, чем мелкие [18]. Таким образом, последующий кризис домениальной системы (или так называемый «аграрный кризис»), на его взгляд, прямо не связан с феодальной эксплуатацией.

В противовес точке зрения Е.А. Косминского о том, что ни манориальная курия, ни королевские суды и юстиция не служили защите прав крестьянства, а были органом, стоявшим на страже интересов господствующих классов [19], Т. Астон высказал мнение, что на его выводах об открытости королевских судов лишь для верхушки светского свободного крестьянства сказалась специфика используемых Косминским источников [20]. В отношении юридического положения вилланства Астон отмечал, что «хотя его позиция со стороны закона была плохой, в определенном отношении она была лучше, чем раньше» [21]. Здесь мы вновь встречаемся со ставшими уже традиционными ссылками на защитные функции манориального обычая и чаще всего необоснованными [22].

Показателен также факт критики Астоном подхода Косминского к оценке значения наемного труда в крупных поместьях. Он полагает, что последний недооценивал широту его распространения, не соглашается Астон и с тем, чтобы считать труд коттера «переходным» [23], то есть фактически он ставил под сомнение выявленный Косминским феодальный характер сельскохозяйственного труда ХIII века.

Тем не менее, это не помешало Астону обозначить труд Е.А. Косминского, как «наиболее важное исследование английского манора со времен Мэтланда и Виноградова; важное не только как демонстрация исторического метода и вместилища фактов, но также как реабилитация изучения самой манориальной структуры» [24].

Высокий уровень критического анализа источников, профессиональное использование Е.А. Косминским статистического метода отмечали и другие английские рецензенты: Р. Леннард [25] и М. Постап [26].

Воздав должное мастерству и авторитету Е.А. Косминского, его добросовестности, эрудиции, огромному построению фактов, прочно связанных с действительными проблемами экономической и социальной истории средневековой Англии (тому, что просто невозможно отрицать)

Леннард и Постан делают далее попытку поиграть «идеологическими мускулами». Р. Леннард прямо заявил о необходимости осторожного подхода к данной книге лишь на основании того, что она была написана на основе марксистско-ленинского метода и в ней время от времени встречаются цитаты из священного писания коммунистической религии [27]. «Впечатление преобладания» в исследовании Е.А. Косминского понятия, что социальная история является главным образом вопросом классовой борьбы трактуется Леннардом как упущение и серьезная натяжка [28].

М. Постан, в свою очередь, осуждает приверженность Е.А. Косминского диалектике. Он хочет показать, что в работах Косминского присутствует непреодолимое противоречие: между фактами, с одной стороны, и схемой, с другой, и, что диалектическая схема понадобилась Косминскому лишь для того, чтобы согласовать между собой противоречивые явления (которые на самом деле противоречивы лишь для нашего ума) [29]. Выявленные Косминским различные типы маноров, отражающие характерные стадии в их развитии, различное толкование причин социальной дифференциации вилланства (связана или не связана с развитием товарно-денежных отношений), акцент на феодальном характере сельскохозяйственного «наемного труда» XIII века, все это, по мнению М. Постана, - свидетельство конфликта фактов и доктрины [30].

Он обвиняет Е.А. Косминского в старании поместить отклонения от манориальных норм в им предназначенное место в диалектической последовательности (например, они или остатки дофеодального порядка, собственно феодализма, или симптомы его разложения, или зачаток капитализма) [31]. Постан фактически приходит к выводу, что противоречив не исторический процесс, а противоречива (следовательно, порочна) диалектическая схема, претендующая на объективное отражение этого исторического процесса [32].

Любопытно и замечание М. Постана о пренебрежении или малом внимании, какое уделял Е.А. Косминский «физическим (или материальным)» факторам: почве, климату, дренажу, народонаселению [33]. В определенной мере это свидетельство все более пристального обращения западных историков 30-50-х годов к проблеме материального фактора в рамках нарождающейся концепции глобальной истории, многочисленности взаимосвязей человека, общества и окружающей среды [34]. Однако этот «физический компонент» понимался все же усечено, без выделения собственно производственных сил как исторической категории.

Непоследовательность в оценках, отсутствие четких методологических ориентиров хорошо прослеживается у М. Постана, как типичном представителе английской историографии середины XX века. В 1936 году после выхода в свет монографии Е.А. Косминского об

английской деревне XIII века М. Постан назвал ее «суперлокальной», реакцией против обширных обобщений ранних манориальных исследований, приводящей к отказу от всякой надежды когда-либо превзойти ограниченность своих местных доказательств [35], а через двадцать лет, после перевода на английский язык второй монографии Косминского, обозначил ее как наиболее значительное исследование аграрного общества в середине века со времен Виноградова [36].

Заключение. В многочисленных зарубежных откликах на труды Е.А. Косминского подчеркивается, что автор продолжает лучшие традиции русской школы в изучении аграрной истории Англии, отмечается большое влияние его трудов на английских историков-медиевистов, исследующих экономические проблемы, его блестящий метод анализа источников, его новая трактовка манора. Несмотря на частые критические замечания и на то, что рецензенты из числа западных историков с известным недовольством отмечают верность Е.А. Косминского диалектическому методу, большинство из них признают его научные достижения наиболее важным исследованием английского манора за первую половину XX века.

Список использованной литературы:

1. Sm.: Barg M.A. Ye.A. Kosminskiy kak issledovatel' agrarnoy istorii Anglii [E.A. Kosminsky as a researcher of the agrarian history of England]. *Sredniye veka*. - 1973. - Vypusk 37. - S. 271-277. [in Russian]; Vaynshteyn O.L. Istoriya sovetskoj medievistiki (1917-1968) [History of Soviet medieval studies (1917-1968)]. L.: Nauka, 1968. - S.55-57, 93-94, 99-101 and others. [in Russian]; Gutnova Ye.V. Kosminskiy Ye.A. - kak istorik [E.A. Kosminsky as a historian]. *Voprosy istorii*. - 1972. - № 9. - S. 74-86. [in Russian]; Gutnova Ye.V., Osipova T.S. Akademik Ye.A. Kosminskiy [Academician E.A. Kosminsky]. *Sredniye veka*. - 1975. - Vyp. 38. - S. 195-201. [in Russian]; Gutnova Ye.V., Sidorova N.A. Nauchnyye trudy i deyatel'nost' Ye.A. Kosminskogo [The scientific works and activities of E.A. Kosminsky]. *Kosminskiy Ye.A. Problemy angliyskogo feodalizma i istoriografii srednikh vekov*. Sb. statey. - M.: AN SSSR, 1963. S. - 5-36. [in Russian]; Mogil'nitskiy B.G. Ye.A. Kosminskiy - kak istorik istoricheskoy nauki [E.A. Kosminsky as historian of historical science]. *Sredniye veka*. -1977. - Vyp. 41. - S. 383-386. [in Russian]; Nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost' Ye.A. Kosminskogo. [Scientific and social activities of E.A. Kosminsky]. *Sredniye veka*. - 1956. - Vyp. 8. - S. - 5-15. [in Russian]; Pamyati Ye.A. Kosminskogo. [In memory of E.A. Kosminsky]. Materialy zasedaniya v Institute Vseobshchey istorii AN SSSR 20 marta 1972g. *Sredniye veka*. - 1973. - Vyp. 37. - S. 271-283. [in Russian].

2. Kosminskiy Ye.A. Angliyskaya derevnya v XIII v. [English village in the XIII century]. - M. - L.: AN SSSR, 1935. [in Russian]; Kosminskiy Ye.A. Issledovaniya po agrarnoy istorii Anglii XIII v. [Research on the agrarian history

of England in the XIIIth century]. - M. - L.: AN SSSR, 1947. [in Russian]; Kosminskiy Ye.A. Problemy angliyskogo feodalizma i istoriografii srednikh vekov. [Problems of English feudalism and the historiography of the Middle Ages]. - M.: AN SSSR, 1963. [in Russian]; Sm.: Bibliografiya trudov Ye.A. Kosminskogo. Sost. A.A. Krushinskaya [Bibliography of E.A. Kosminsky. Compiled by A.A. Krushinskaya]. Kosminskiy Ye.A. Problemy angliyskogo feodalizma i istoriografii srednikh vekov. - M.: AN SSSR, 1963. - S. 449-456. [in Russian].

1. After entering the light of the English translation of «Research on the agricultural history of England XIII century» E.A. Kosminsky in foreign journals appeared 17 reviews.

Aston T.H. The English Manor // Past and Present. - 1956. - N 10. - P. 6-14; Miller F. E.A. Kosminsky. Studies in the Agrarian History of England in the XIII-the century // The Economic History Review. - 1957. Vol. 9 - N 3. - P. 499-501; Lennard R. E.A. Kosminsky. Studies in the Agrarian History of England in the XIII-the century // History. - 1957. -Vol. XLII. - N 144. - P. 49-51; Horst H.S. E.A. Kosminsky. Studies in the Agrarian History of England in the XIII-the century // The American historical review. - 1958. - Vol. 63. - N 2. - P. 385-387; Postan M. Studies in the Agrarian History of England in the XIII-the century // The English historical review. - 1958. - Vol. 73. - N 289 - P. 663-667; Strayer L.R. Studies in the Agrarian History of England in the XIII-the century // The Journal of Economic History. - 1957. - Vol. 17. - N3.

2. Sm.: Avdeyeva K.D. Sovremennaya istoriografiya vnutrenney kolonizatsii Anglii XI-XIII vv. [Modern historiography of the internal colonization of England in the XI-XIII centuries]. Problemy britanskoy istorii. 1973. - M.: Nauka, 1973. - S. 242-265. [in Russian]; Barg M.A. Problema sotsial'noy istorii feodalizma v sovremennoy zapadnoy mediyevistike. [The problem of the social history of feudalism in modern Western medieval studies]. M.: Nauka, 1973. [in Russian]; Barg M.A. Osveshcheniye mezhformatsionnykh krizisov v sovremennoy zapadnoy istoriografii [Coverage of interformational crises in modern Western historiography]. Kritika sovremennoy burzhuaznoy i reformistskoy istoriografii. - M.: Nauka, 1974. - S. 23-49. [in Russian]; Bessmertnyy YU.L. Problema zapadnoyevropeyskoy trgovli v IX-XIII vv. v sovremennoy zapadnoy mediyevistike (k obsuzhdeniyu kontseptsii A.Pirena) [The problem of Western European trade in the IX-XIII centuries in modern Western medieval studies (to discuss the concept of A. Pirenne)]. *Sredniye veka*. - 1963. - Vyp. 23. [in Russian]; Gutnova Ye.V. Klassovaya bor'ba srednevekovogo krest'yanstva /XI-XV vv./ v osveshchenii sovremennoy frantsuzskoy, angliyskoy i amerikanskoy mediyevistiki [The class struggle of the medieval peasantry (XI-XV centuries) in coverage of modern French, English and American medieval studies]. *Sredniye veka*. - 1977. - Vyp. 41. - S. 203-229. [in Russian]; Kon I.S. Filosofskiy idealizm i krizis burzhuaznoy istoricheskoy mysli

[Philosophical idealism and the crisis of bourgeois historical thought]. - М.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1959. - 402 s. [in Russian]; *Metodologicheskiye i istoriograficheskiye voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographic of questions of historical science]. Sb. statey, Vyp. 1-10. - Tomsk, 1963-1975. [in Russian]; Mil'skaya L.T. K voprosu o traktovke problemy sel'skoy obshchiny v sovremennoy istoriografii FRG [To a question on the interpretation of the problem of the rural community in modern historiography of the FRG]. *Sredniye veka*. - 1975. - Vyp. 38. - S. 61-71. [in Russian]; Semenov V.F. Osnovnyye napravleniya v sovremennoy angliyskoy mediyevistike [The main directions in modern English medieval studies]. *Voprosy istorii*. - 1948. - № 1. - S. 113-124. [in Russian]; Sidorova N.A. Sovremennaya mediyevistika v obzornykh dokladakh na X mezhdunarodnom kongresse istorikov [Modern medieval studies in survey reports at the X International Congress of Historians]. *Sredniye veka*. - 1956. Vyp. 8. - S. 369-382. [in Russian].

3. Lennard R. Rural England 1086-1136. A study of social agrarian conditions. - Oxford, 1959.

4. Power F. and Postan M. English trade in fifteenth century. - London, 1933; Postan M. The Rise of a Money Economy // *The Economic History Review*. - 1944. - Vol. XIV. - N 2; Postan M.M. The Famulus: The Estate Labourer in the 12-th and 13-th Century. - Cambridge, 1954; Postan M.M. Essays in the Agrarian History. - Cambridge, 1968; Postan M.M. Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy. - Cambridge, 1973; Postan M.M. The Medieval Economy and Society. - London, 1976.

5. In fact, own concept of Postan was not, according to V. Semenov, original. The fan of the Zombart and a fan Dopsch, the Postan was also familiar with the individual works of Marx and followed the works of Soviet historians. «The tendency of uniting various, versatile directions into something in fact leads of Postan to complete eclecticism. His «left», often paradoxical in the form of approval with attentive consideration easily turn into ordinary, walking bourgeois views». - Semenov V. Osnovnyye napravleniya v sovremennoy angliyskoy mediyevistike [The main directions in modern English medieval studies]. *Voprosy istorii*. - 1948. - №1. - S. 120. [in Russian].

6. Aston T.N. The English Manor // *Past and Present*. - 1956. N 10. - P. 6-7

7. Ibid., P. 6

8. Ibid., P. 7-9, 12-13

9. Ibid., P. 7

10. Ibid

11. Ibid

12. «Identary or manor», wrote E. A. Kosminsky, «was only an ordinary organizational form of assigning feudal rents, a form that can act in very diverse manifestations depending on the dominant form of rent, from local economic,

historical and geographical conditions». – Kosminsky E.A. Research on the agrarian history of England in the XIIIth century, p.41; Kosminsky E.A. English village in the XIII century, p.83.

13. Past and Present. - 1956. - N 10. - P-10
14. Ibid., P. 11
15. Ibid
16. Ibid., P. 12
17. Kosminsky E.A. English village in the XIII century, p.200-213; Kosminsky E.A. Research on the agrarian history of England in the XIIIth century, p.400-405.
18. Past and Present. - 1956. - N 10. - P-11
19. Ibid
20. E.A. Kosminsky directly believed that the manorial custom could not serve as a sufficient obstacle to enhance operation, it was often broken. In the historical literature, the role of manorial curia and manorial custom, as the protection authority of Villanov, was, according to E.A. Kosminsky, "extremely exaggerated." He agrees that the manorial custom has streamlined the operation of Villanov, guarded the order and discipline inside the fortress community, however, it ensured smooth receipt of rent and left wide borders for her strengthening. – Kosminsky E.A. Research on the agrarian history of England in the XIIIth century, p.403, 406.
21. Past and Present. - 1956. - N 10. - P- 9-10
22. Ibid., P. 13
23. History. - 1957. -Vol. XLII. - N 144. - P. 49-51
24. Postan M. E.A. Kosminsky. The English Village in the XIII-th Century // The Economic History Review. -Vol. VI. - N 2. - P. 223-226; The English Historical Review. - 1958. -Vol. LXXIII. - N 289. - P. 663-667
25. History. - 1957. -Vol. XLII. - N 144. - P. 50
26. Ibid
27. The English Historical Review. - 1958. - Vol. LXXIII. - N 289. - P. 665
28. Ibid., P. 665-666
29. Ibid., P. 665
30. Ibid., P. 667
31. Ibid., P. 664
32. The priority of many developments belonged to French historical School "Annals": M. Block, L. Fevru, F. Brodel, etc.
33. The Economic History Review. - 1936. - Vol. VI. - N 2. - P. 223
34. The English Historical Review. - 1958. - Vol. LXXIII. - N 289. - P. 663-664

Сведения об авторах

Шлюпиков Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан, ShlyupikovM@mail.ru

Шлюпикова Мария Михайловна, бакалавр экологии и природопользования (МГУ им. М.В. Ломоносова), магистр специальности экология и природопользование Российского университета дружбы народов (RUDN University), Москва, Российская Федерация, masha.97sh@gmail.com

Information about the author:

M.V. Shlyupikov candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations of the Karaganda University named after Academician E. A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, ShlyupikovM@mail.ru

M.M. Shlyupikova Bachelor of Ecology and Nature Management (Lomonosov Moscow State University), Master of Ecology and Nature Management of the Peoples ' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, masha.97sh@gmail.com

ENGLISH HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF THE TWENTIETH CENTURY ON
THE STUDY OF THE AGRARIAN HISTORY OF MEDIEVAL ENGLAND E.A.
KOSMINSKY

Abstract. The study of the historiographic heritage of English medieval of the middle and the second half of the twentieth century seems very relevant. The article is an analysis of the criticism of the concept of the agricultural history of England XIII century of the prominent Soviet scientific and medievalist E.A. Kosminsky. The source database of the study is a variety of works of English historians of the middle of the XX-th century, M. Postan, T. Aston, R. Lennard, dedicated to the agrarian history of England of the medieval period, the time of formation of the economic foundations, culture and English feudal statehood.

In the center of the study - the scientific views of the English historians of the mid-XX-th century on the processes of economic and social development of the English village of the XIII century, their interpretation of the historical concept of the Soviet historian-Agrarian E.A. Kosminsky. His approaches were analyzed to the role of English manor, its structures, influence on the socio-economic position of the peasantry. An assessment of the degree of scientific validity of the conclusions of the Soviet scientist, its methodological preferences. The authors came to the conclusion that in the work of E.A. Kosminsky continues the best traditions of the Russian school in the study of the agrarian history of medieval England. Without the development of this historiographic heritage, it is impossible to start writing the full history of feudal England.

Keywords: E.A. Kosminsky, M. Postan, T. Aston, R. Lennard, historiography, agricultural history of England, manor, manor structure, feudal rent, villein, freeholders, statistical method.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГЕРМАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ВСЕМИРНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА ОСКАРА ЕГЕРА

Л.Р. Скаковский

*доктор политических наук, руководитель Центра стратегических исследований Международного научного центра «Астана» (МНКА)
г. Нур-Султан*

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные подходы немецкого историка XIX века Оскара Егера к истории Средневековой Германии. Особое внимание уделено вопросам хронологии и периодизации немецкого Средневековья, а также основным этапам развития германской государственности в Средние века, в том числе династии Меровингов, Каролингской империи, Саксонской династии, династии Штауфенов, а также династии Габсбургов. В статье отражен особый интерес О. Егера к личностям выдающихся политиков немецкого Средневековья, к их деятельности в сфере государственного строительства, церковной и внешней политики.

Ключевые слова: Средневековье, Германия, Италия, Бургундия, Священная Римская империя германской нации, политическая система, монархия, император, король, владетельные князья, курфюрсты, вольные города

Введение. Оскар Егер (*Oskar Jäger*) – выдающийся немецкий историк, чья научная деятельность пришлась на вторую половину XIX века и начало XX века. Его перу принадлежат такие фундаментальные труды, как «Джон Уиклиф и его значение для Реформации» [1], «История Рима» [2], «История Греции» [3], «Пунические войны» [4] и др. Особую ценность имеет труд О. Егера «Всеобщая история стран и народов» [5]. В нашей статье мы ссылаемся на российское издание этого труда. При этом мы акцентируем внимание лишь на одном аспекте – освещении О. Егером политической истории Средневековой Германии.

Обсуждение. О. Егер датирует начало Средневековья 476 годом н.э., когда рухнула Западная Римская империя: «В этот год Одоакр, удовлетворив притязания своих соратников, роздал им участки в Италии [6]. Получив от императора Зенона титул патриция, Одоакр «восстановил единство Восточной и Западной Римской империи» [7]. С этого момента «начинается обычно один из трех больших разделов, на которые подразделяют всеобщую историю: раздел истории Средних веков» [8]. Исходя из контекста, можно утверждать, что конец немецкого Средневековья в концепции О. Егера совпадает с началом Реформации [9].

Династия Меровингов. По мнению О. Егера, население Италии терпело арианина Одоакра «как необходимое зло» [10]. Конец его правлению положил остгот *Теодорих*. Зенон натравил Теодориха на Одоакра. В итоге

Одоакр был убит в феврале 493 года. По словам О. Егера, Теодорих «старался поддерживать мирную связь с соседними германскими народами на основах существующего порядка» [11]. Он «выдал своих дочерей за бургундских и вестготских князей; сам избрал в жены дочь опаснейшего из германских вождей, франкского короля Хлодовеха (Хлодвига)» [12].

О. Егер называет *Хлодвига* (486-511 гг.) «беспокойным честолюбцем» [13], у которого «не было благородных рыцарских качеств германских королей-воинов – это был истый варвар, алчный до власти и корысти, которого не коснулось высшее развитие римского мира» [14]. Тем не менее Хлодвиг победил римлянина Сиагрия при Суассоне (486 г.), а в 496 г. пришел на помощь к рипуарским франкам и их королю Сигиберту, которым угрожали алеманны, разбил алеманнов и захватил их земли. «В то время, – пишет О. Егер, – даже часть Баварии и часть Вюртемберга отошли к франкским владениям, и только определенно выраженная воля Теодориха воспрепятствовала франкскому королю еще шире раздвинуть пределы своих владений. Но алеманны, после нанесенного им поражения, утратили всякое значение среди германских племен» [15]. Принятие христианства «не оказало на Хлодвига ни малейшего влияния: и, будучи язычником, а впоследствии христианином, он действовал без зазрения совести там, где речь шла о расширении его власти и владений» [16].

«Последним делом Хлодвига, – пишет О. Егер, – было осуществление слияния рипуарских франков с салическими. Он подчинил своей власти мелкие владения в стране салических и выказал при этом много хитрости и жестокости» [17]. В 511 г. Хлодвиг умер. Его сыновья *Теодорих*, *Хлодомер*, *Хильдеберт* и *Хлотарь* продолжили его политику: «в 551 г. франкское войско победоносно оттеснило тюрингов от их западной границы; в 534 г., после долгой борьбы, был положен конец и *Бургундскому королевству*» [18]. В итоге Франкское государство приобрело после Хлодвига «господствующее положение на западе германского мира» [19]. Но «только дважды в течение 200 лет, в которое франками правили князья из рода Меровингов, вся страна франков соединялась под властью одного короля: в 558-561 гг. при *Хлотаре I*, младшем из сыновей Хлодвига, и в 613-628 гг. при *Хлотаре II*. За этими краткими периодами единения следовали новые переделы территории между сыновьями и естественные последствия подобных переделов – войны между братьями и родственниками и убийства» [20]. В целом, правление династии Хлодвига – это «удивительно однообразное чередование ужасов и злодейств, которыми отмечена вся эпоха» [21].

Наступила *эпоха майордомов*, самый яркий из которых, *Карл Мартелл*, разбил арабов при Пуатье (732 г.), а затем боролся с фризами, саксами, герцогом Аквитанским и нейстрийскими вельможами, которые, по словам О. Егера, «не брезговали даже предательской связью с мусульманами» [22]. В 741 г. Карл Мартелл умер. С 747 года его сын *Пипин* правил государством от

имени меровингского короля Хильдерика III, но затем, при помощи римского папы Захарии сам стал королем и правил до 768 года.

О. Егер мрачными красками рисует положение германских народов в эту эпоху. По его мнению, хотя арианство начало исчезать, «лангобарды и франки, одинаково просвещенные христианством, относились друг к другу враждебно, а примкнувшие к Франкскому государству племена – алеманны, тюринги, бавары, к которым теперь также проникло христианство, были не равноправны с франками по своему подчиненному положению, и поэтому, естественно, должны были стремиться к независимости» [23]. Проявлял свои амбиции честолюбивый баварский герцог Тассилон, враждебно относились к франкам язычники саксы. Непросвещенными христианством оставались славянские племена Восточной Европы. «Таким образом, – заключает О. Егер, – весь известный в то время мир делился на три группы – христианскую, мусульманскую и языческую» [24].

Каролингская империя. По словам О. Егера, наследник Пипина *Карл Великий* сумел сохранить плоды «христианской западной культуры, положив основание сильной государственной организации и тем заслужив имя, которое дают деятелям прочной основы нового всемирно-исторического развития» [25]. Карл был вынужден провозгласить себя императором: «Он уже не мог править многочисленными странами и народами, которые были завоеваны им в первые 30 лет правления, продолжая носить титул *короля франков*, – как не мог бы и Александр Великий править своим азиатским царством, продолжая именоваться македонским царем» [26]. Так «была восстановлена Римская империя, получившая особый характер вследствие того, что в ее состав вошла христианская Церковь, а императором теперь стал один из германских государей» [27]. По словам О. Егера, воля Карла Великого «среди еще не сложившейся государственной и общественной жизни была мало чем ограничена; однако государство Карла не было деспотией, хотя решающее слово всюду произносилось самим императором» [28]. Важным средством единения империи были или рейхстаги, на которые дважды в год «добровольно съезжались сначала светские сановники, а потом и духовные» [29]. При этом «Церковь шла рука об руку с Карлом» [30].

По мнению О. Егера, это «блестящее государство, связавшее воедино столько сильных народов и давшее им государственный строй, страдало только одним недостатком – оно основывалось на разуме и воле одного великого деятеля» [31]. Действительно, потомки Карла Великого не смогли правильно распорядиться его политическим наследием. Так, сын и преемник Карла Великого, *Людовик I Благочестивый* (814-840 гг.) был грамотным и усердным, но противоречивым правителем, нарушившим собственное обещание не разрывать единство государства ради любви к детям [32]. Итогом стали войны Людовика с собственными сыновьями. Людовик I умер в 840 году, а его сыновья продолжили воевать.

О. Егер отмечает, что по *Верденскому договору* «Людовик получил все земли по правую сторону Рейна, за исключением Фрисландии, а на левом берегу Рейна – Шпейер с его окрестностями, Вормс и Майнц; Карл – земли на запад от Рейна; Лотарь – Италию и всю территорию от устья Рейна до устья Роны, включая Фрисландию и земли рипуарских франков. Ему же был предоставлен титул императора. В его владениях находились большие города: Рим и Милан, Массилия, Лугдун, Трир, Ахен, Кёльн» [33]. О. Егер считает, что этот передел «имел всемирно-историческое значение, поскольку *германская* восточная половина государства была отделена от *французской* западной и таким образом положено начало двум государствам на основе различия национальностей и языков» [34].

Историк констатирует, что после смерти Людовика Немецкого в 879 году его владения разделили его сыновья Карломан, Людовик и Карл Толстый: «Последнему, после смерти своих братьев и внуков Карла Лысого, на короткое время удалось соединить под своей властью восточную и западную половины государства Карла Великого. Но удержать его было не по силам больному и слабохарактерному Карлу Толстому (*Карлу III*)» [35]. Он был низложен. В западной половине Франкского государства королем стал Эд Парижский, в восточной половине – *Арнульф* (887-899 гг.), побочный сын Карломана, брата Карла III, а в Италии в 888 г. – маркграф Беренгар Фриульский. Бургундия под властью двух графов – Бозона Вьеннского и Рудольфа – образовала самостоятельное владение. После смерти Арнульфа восточную половину Франкского государства возглавил его сын *Людовик Дитя* (899-911 гг.), а затем «для восточно-франкской, германской, половины государства, наступила тяжелая мрачная эпоха внутренних междоусобиц, раздоров и волнений» [36].

Саксонская династия. О. Егер пишет, что после смерти Людовика Дитя в Германии «окрепла сила, которую когда-то старался подавить Карл Великий: захваченная племенными герцогами-правителями власть раздробилась. Там, где ослабевала королевская власть, из какого-нибудь древнего и знатного рода выступал местный вождь, беря в свои руки исполнительную власть, суд и расправу, в которых ощущалась настоятельная потребность; таких правителей, в отличие от графов, народ называл герцогами» [37]. Именно тогда, по словам историка, в Германии возникли многие знатные роды: «во Франконии – *Бабенберги*, рядом с ними – *Конрадины*, в Швабии – герцог Бурхард, которого источники того времени называют «князем Алеманнским; в Баварии – Арнульф, в Саксонии – *Людольфинги* во главе с герцогом Оттоном, человеком уже престарелым»» [38].

Тем не менее идея единого государства одержала верх над остальными стремлениями общества того времени. Королем был избран *Конрад, герцог Франконский* (911-918 гг.). Однако уже в 912 г. умер его союзник Оттон

Светлый, герцог Саксонский. В итоге возникли две партии: «королевская, с несколькими крупными духовными сановниками во главе (Гаттоном, архиепископом Майнцским, епископами Зальцбургским и Фрейзингенским), которой Конрад все более и более подчинялся; и герцогская, к которой принадлежали многие могущественные владетельные князья, некогда равные с Конрадом и потому не расположенные давать большие возможности королевской власти» [39].

После смерти Конрада I королем был избран *Генрих I Саксонский* (919-936 гг.), который вынудил нового баварского герцога Швабского, Бурхарда, признать его королевский авторитет. Покорился Генриху и Арнульф Баварский. В 921 г. Генрих вступил встретился в Бонне с королем Западно-Франкского государства и вступил с ним в соглашение, но следом присоединил Лотарингию к Восточно-Франкскому государству. «Этим, – пишет О. Егер, – был сделан важный шаг: немецкие племена соединились в одно государство, которое составляло связанное целое, несмотря на то что носило характер федерации» [40].

По данным О. Егера, на закате своей жизни 60-летний Генрих I созвал рейхстаг в Эрфурте и указал князьям на своего старшего сына, 24-летнего *Оттона I* (936-973 гг.), который «не восстановил герцогство Франконское, а принял эту землю в личное управление. Герцогство Лотарингское в 944 г. он передал франкскому вельможе Конраду, за которого впоследствии отдал свою дочь Лиутгарду. В 946 г., к великому удовольствию Оттона, западно-франкский король Людовик, бывший союзник мятежных герцогов, вынужден был просить у Оттона помощи против своих сильных вассалов» [41]. О. Егер обращает внимание на поддержку Оттоном миссионерства: «На границе славянских земель возникали церковные учреждения: в 946 г. – *Хафельсбергское* епископство, в 949 г. – *Бранденбургское* епископство» [42]. Историк отмечает, что в 951 году Оттон сумел воспользоваться ситуацией в Италии, чтобы вторгнуться в неё и жениться на Адельхейде, но в этот раз ему не удалось восстановить империю Карла Великого и короноваться в Риме императорской короной. Однако после победы над вендами при Регнице в 955 г. позиции Оттона усилились. 2 февраля 962 г. папа Иоанн XII вручил ему императорскую корону.

По словам О. Егера, после смерти отца в 973 году 18-летний *Оттон II* (973-983 гг.) зарекомендовал себя как мужественный правитель. После ухода из жизни Бурхарда Швабского Оттон II «передал его герцогство сыну Людольфа Оттону, выросшему вместе с ним. С другой стороны, Восточную марку (*Ostmark*), графство Австрийское, он поручил в 976 г. в управление Леопольду Бабенбергу. Это предпочтение, оказанное Бабенбергскому дому и Оттону, возбудило зависть герцога Генриха II Баварского, восставшего против императора Оттона II в союзе с князьями Чехии и Польши. Герцог Баварский был усмирен и, после вторичного восстания в 976 г., лишен своего

герцогства, переданного Оттону Швабскому. В то же время Каринтия была отделена от могущественного герцогства Баварского и, в соединении с Веронской маркой, образовала особое герцогство, переданное во владение Генриху Младшему, сыну бывшего герцога баварского Бертольда» [43].

О. Егер пишет, что осенью 974 г. король Западно-Франкского королевства Лотарь III вторгся в Лотарингию, затем пошел на Ахен, чтобы пленить Оттона II, но тот бежал в Кёльн. Лотарь III развернул изображение орла на императорском дворце с востока на запад и удалился домой. После этого Оттон II дошел до Парижа, но вернулся домой. В 980 году Лотарь III отказался от своих притязаний. Теперь Оттон II занялся итальянскими делами, так как противники тевтонов в Италии стали сближаться с Византией, считавшей власть Оттона II узурпацией, но надежды итальянцев были напрасны – после смерти Иоанна II Цимисхия (976 г.) к власти пришли братья супруги Оттона II – Василий II и Константин VIII. Они не смогли защитить византийские владения в Италии от арабов, которые опустошили Апулию и Калабрию, а также начали угрожать княжествам Беневентскому и Сполетскому, составлявшим «как бы преддверие Рима. Таким образом, в Италии ислам опять начал переходить в наступление» [44]. В 983 году император Оттон II скончался.

По словам О. Егера, 15-летний *Оттон III (983-1002 гг.)* «неудержимо предавался увлечениям юности, то выказывая себя непомерно уповающим на свою императорскую власть, то вдруг переходя к самоуничтожению самобичеванию» [45]. С помощью Оттона III римским папой сначала был избран его близкий родственник Бруно (*Григорий V*), а затем – Герберт Реймский (*Сильвестр II*), но планы итальянской политики Оттона III «возбудили недовольство в среде немецкой знати: князья начали съезжаться и вступать друг с другом в опасные для императора переговоры» [46]. Оттон III отбыл в Рим, где умер 23 января 1002 г.

По словам О. Егера, *Генрих II Святой (1002-1024 гг.)* «принял власть ослабленной. Некогда он и сам получил свое герцогство по утвержденному королем избранию вельмож, а не по королевскому назначению, и поэтому ему приходилось считаться с герцогской властью как с властью самостоятельных владетельных князей» [47]. Герцоги знали его как равного себе, поэтому ему пришлось бороться с сильными вассалами. Тем не менее, король «проявил политическую проницательность и создал определенную систему правления, основная идея которой совершенно ясна: в борьбе против светской знати, против наследственной, родовой аристократии он постоянно опирался на сановников духовных, неродовитых – на епископов и духовенство» [48]. Главной целью Генриха II было «умиротворение общества и усиление государственного начала. Он прекрасно знал нужды низших слоев народа, начинавших теряться из виду за герцогами и графами, маркгерцогами и маркграфами, архиепископами, епископами, аббатами,

пфальцграфами» [49]. Он «не пытался ослабить влияние и значение этих представителей власти, но чаще, чем его предшественники, собирал их около себя на рейхстаги, съезды, совещания и пытался приучить решать свои проблемы мирным путём» [50]. В 1013 г. Генрих II был коронован в Риме. В 1021 году он совершил «удачный поход против мятежных княжеств, Беневентского, Капуанского и Салернского, и, подчинив их своей власти, двинулся к Риму. Но тут в войске начались заразные болезни, которые нанесли ему большой урон» [51]. В последние годы своего правления Генрих II занимался вопросами церковной реформы.

В целом, по словам О. Егера, столетие, в течение которого *Саксонская династия* правила Германией, «было плодотворным во многих отношениях, особенно если вспомнить, в каком разрозненном и расстроеном состоянии находились германские земли до вступления на престол Саксонской династии» [52].

Салическая (Франконская) династия. Выборы нового короля состоялись 4 сентября 1024 г. в Майнце. Конкуренция шла между двумя потомками Конрада, погибшего в 955 г. в битве при Лехфельде. *Конрад старший* был сыном графа Генриха Шпейерского и Аделаиды Лотарингской. Его женой была Гизела Швабская. Его двоюродный брат *Конрад младший* был старшим сыном каринтийского герцога Конрада I и Матильды Швабской. Королем был избран Конрад старший, отличавшийся сильной волей и знанием законов. «Разумеется, – пишет О. Егер, – этот выбор устроил не всех: нижнелотарингские князья и архиепископ Пильгрим Кельнский уехали еще до окончания выборов» [53].

Как констатирует О. Егер, 40-летний *Конрад II (1024-1039 гг.)* не обладал особыми научными познаниями, но «был достаточно опытен в практической жизни» [54]. В марте 1026 года он был коронован в Милане как король Италии, а в марте 1027 года оказался у стен Рима, где был коронован императорской короной. В том же году, Конрад II усмирил герцога Эрнста Швабского. В 1028 г. бургундский король Рудольф III признал сына Конрада II Генриха своим наследником. В 1037 году обострилась ситуация в Италии, где архиепископ Миланский Ариберт в союзе с крупнейшими вассалами Ломбардии начал притеснять вальвассоров, стремясь образовать особое «владение святого Амвросия» по образцу папского владения Святого Петра. Обе стороны обратились за помощью к Конраду II, который прибыл в Италию, предварительно заручившись союзом с маркграфом Бонифацием Тосканским – светским врагом Ариберта. По приказу Конрада II Ариберт был брошен в темницу, но бежал и продолжил борьбу с вальвассорами. О. Егер отмечает: «Конрад сделал смелый шаг, разом изменив политику, которой придерживались по отношению к Италии прежние германские государи. Он сместил архиепископа Миланского и издал Павийскую конституцию, в которой удовлетворил все требования вальвассоров: объявил

лены наследственными, дал им составленный из их выборных суд с правом апелляции к императору и его пфальцграфам» [55]. В ответ Ариберт предложил ломбардскую корону герцогу Эду Шампанскому. Тот согласился, вторгся в Лотарингию и погиб в бою. Конрад II созвал бургундских вельмож в Золотурне, где передал Бургундию своему сыну Генриху, который стал правителем Швабии, Баварии, герцогства Франконского и Бургундии. Конрад II умер в Утрехте в 1039 г. и был погребен в Шпейерском соборе.

Переход власти к *Генриху III (1039-1056 гг.)*, по словам О. Егера, «совершился спокойно: 22-летний принц давно уже был посвящен в дела и пользовался общим доверием» [56]. В 1040 году он разбил венгерские войска под Монфё, низложил короля Абу и возвел на престол Петра. В 1044 году Генрих III подавил мятежи в Лотарингии и в Бургундии. Летом 1046 года, в более благоприятных условиях, Генрих III отправился в Рим, где было решено учредить «мир Господень» [57]. Сначала императорская и папская власти «действовали заодно» [58], но после смерти Льва IX ситуация осложнилась. Среди немецких князей зрел заговор против короля, а в Венгрии и Чехии вновь вспыхнули мятежи. 5 октября 1056 года Генрих III скончался. Его погребли в Шпейерском соборе.

Генрих IV (1056-1106 гг.) был тогда 6-летним ребенком, так что долгое время государством правила его мать Агнесса. Возмужав, Генрих IV начал расправляться с аристократией. Он устроил резиденцию в Госларе и «окружил себя войском из надежных, большей частью аламаннских, солдат, найдя несколько неразборчивых исполнителей из южногерманского дворянства, среди которых особенно выделялся граф *Эберхард фон Нелленбург*» [59]. Многие решили, что это войско создано для порабощения Саксонии.

Однако, как напоминает О. Егер, в это время умершего папу Александра II сменил Григорий VII Гильдебранд, взявшийся реформировать церковь. Началась борьба Григория VII и Генриха IV за инвеституру. В этой схватке немецкая знать нередко была на стороне Григория VII, который вынудил императора явиться для покаяния в Каноссу. О. Егер не согласен с традиционным толкованием сцены в Каноссе как поражения Генриха IV: «Действительно, она была торжеством папства в том смысле, что крупнейший из государей той эпохи смирился перед идеей Церкви в лице главы этой Церкви, признал себя виновным в грехе, принес покаяние по обряду, требуемому Церковью, и получил отпущение от духовного лица, обязанностью которого было отпускать грехи кающимся грешникам. Но – и только. В целом, побежденным при Каноссе был Папа Григорий VII, а победителем – Генрих IV» [60]. Затем Григорий VII и мятежные немецкие князья избрали антикороля Рудольфа, которого поддерживали саксонцы. В 1080 году Рудольф умер. Его замелил Герман Люксембург. В ответ Генрих

IV назначил антипапой Климента III. Григорий VII был вынужден покинуть Рим, закончив карьеру среди римских развалин.

О. Егер отмечает, что в 1084 году «Генрих IV вернулся в Германию как император и оставался в ней до 1090 года» [61]. Затем он отправился в Италию, где пробыл до конца 1092 года. В 1093 году обнаружился заговор против Генриха IV во главе с его сыном Конрадом, которого поддержал новый папа Урбан II, организатор и вдохновитель Первого крестового похода. По словам историка, начало крестовых походов «придало общественному настроению новый характер, и Генрих постарался воспользоваться этим для умиротворения страны, что удалось ему в основной части Германии – Баварии, Швабии и Саксонии» [62]. В 1099 году умер Урбан II, но, по мнению историка, «эта смерть не принесла пользы Генриху и Антипапе. Кардиналы немедленно избрали Пасхалия II» [63]. В 1100 г. умер и Климент III.

В 1101 году умер мятежный сын императора Конрад, который, по словам О. Егера, слишком поздно понял «свое ничтожное значение и ту роль, которую его заставляли играть для целей, носивших личину благочестия и служения церкви» [64]. В 1103 г. Генрих IV решил посетить Святую землю, передав правление своему сыну Генриху, но Пасхалий II вновь отлучил Генриха IV от церкви. Возникла почва для новых заговоров. Примечательно, что новый заговор против Генриха IV возглавил его сын Генрих. В декабре 1104 года Генрих скрылся в Баварии и отправил послов к Пасхалию II. Папа поддержал мятежника. В 1105 году король Генрих и император Генрих IV оказались лицом к лицу, разделяемые лишь рекой Реген, но битва не состоялась. В том же году Генрих хитростью заманил отца на переговоры в Кобленц, а затем собрал княжеский сейм, на котором 25 декабря Генрих IV подписал акт об отречении от власти. Опасаясь за свою жизнь, Генрих IV отправился в Льеж, где заявил о том, что его отречение недействительно, поскольку было исторгнуто у него хитростью и угрозами. 7 августа 1106 г. Генрих IV умер.

Генрих V (1106-1125 гг.) унаследовал от отца нерешённые проблемы. О. Егер поясняет: «Злобой дня был вопрос об инвеститурах, не разрешенный, а лишь усложненный Папой Урбаном через правило, в силу которого ни один клирик не мог состоять в ленной зависимости от мирянина, что было равномерно безусловному уничтожению инвеститур. Генрих V, инвестируя леном избранного епископа, передавал ему, по старому обычаю, как вещественные знаки достоинства, посох и перстень, совершая эту *спецеремонию* лично или через уполномоченное лицо. Этим обрядом епископ или аббат вводились во владение землями и правами, связанными с ними, принося королю ленную присягу, которая заключала в себе определенные обязательства. Германские епископы и высшее духовенство хорошо понимали, что за уничтожением их ленной зависимости от государей

последует и отнятие у них ленных владений и что полная их независимость от мирян сильнее подчинит их сановной иерархии, и в конечном счете Папа обратит их в своих мызников, которыми он сможет помыкать по своей прихоти, как они жаловались во времена Григория» [65]. На Соборе в Труа (1107 г.) папа Пасхалий II упрекнул германскую паству, что не находит в ней желательного смирения. Но далее папа идти не решился, и проблема затихла. Переговоры не были прерваны, и отношения между папой и королем пока оставались сносными. В 1118 г. Пасхалия II сменил *Геласий*, который уклонялся от диалога с Генрихом V. Последний назначил нового папу – Григория VIII, но тот бежал во Францию. Осенью 1118 г. Генрих V вернулся в Германию, где спокойными оставались лишь Швабия, Бавария и Верхняя Лотарингия. На сейме в Трибуре (1119 г.) в присутствии императора был установлен мир, но раскол не был полностью устранён. В 1119 г. новым папой стал противник Генриха V – Каликст II. Конфликт вспыхнул с новой силой. На Реймском соборе Каликст II отлучил Генриха V от церкви. Как следствие, в Германии вновь вспыхнула война между императором и мятежными князьями и епископами. В 1121 г. князья решили выступить в роли третейских судей между Папой и Императором. Комиссия из князей, по 20 человек с каждой стороны, подготовила примирительный вариант и отправила общую депутацию к папе Каликсту II. В 1122 г. был подписан Вормский конкордат. В 1124 г. умер Каликст II, а в 1125 г. – Генрих V.

О. Егер резюмирует: «При обзоре развития Германии в течение того столетия. В которое власть принадлежала королям *Салического дома*, виден не поколебленным ещё в теории принцип всемирного господства германской короны. За политическую аксиому было принято, что германский король должен быть одновременно и *римским императором*, и что прочие государи и страны должны находиться в своего рода подчинении у этого короля-императора. Но фактически императорская власть, когда она присоединила Бургундию, ничего не значила во Франции и Англии; Венгрия тоже была почти независимой; Чехия и Польша стали, по меньшей мере, самостоятельнее после смерти Генриха V, нежели были при воцарении Конрада II. В Германии и Италии могущество императора теоретически было велико, и блеск его усиливался вследствие вновь наступившего главенства римского кодекса и завершения церковного спора, очень важного для короны (*regnum*), для мирской власти» [66].

Династия Штауфенов. Как отмечает О. Егер, новым королем надеялся стать 35-летний племянник Генриха V *Фридрих Швабский*, однако в короли был выбран герцог *Лотарь Саксонский*, враждовавший с Генрихом V. Лотарь обручил свою дочь Гертруду с герцогом Генрихом Баварским. К 1134 году, «после того как император и его зять, соединив в своих руках могущественнейшие владения – герцогства Саксонию, Баварию, поместья графини Матильды, славянские пограничные земли и имея таких данников,

как Польша и Дания, одержали победу и в Швабии, – Штауфены поняли, что их дело проиграно» [67].

В 1137 году бездетный Лотарь умер. Генрих Баварский рассчитывал на трон, но королем был избран Конрад III (1138-1152 гг.). Конрад III передал Саксонию маркграфу Альбрехту Медведю, чем «создал себе союзника, достаточно сильного и значительного для того, чтобы не уступить никому владений» [68]. В 1147 г. Конрад III заставил Франкфуртский рейхстаг избрать королем своего сына Генриха, а затем ввязался во 2-й крестовый поход (1147-1149 гг.), но без особых успехов вернулся в Германию, где набирал силу *Генрих Лев*.

В 1150 году умер 13-летний король Генрих. В 1152 году умер и Конрад III. По словам О. Егера, выборы нового короля прошли «изумительно быстро» [69]. Фридрих Швабский стал королем Фридрихом Барбароссой (1152-1190 гг.). Он решил уладить споры вокруг Баварии: «*графу Вельфу*, своему дяде со стороны матери, он отдал в лен маркграфство Тосканское и пытался побудить Генриха Бабенберга к добровольному отречению от герцогства Баварского, которое он решил отдать Генриху Саксонскому» [70]. Как отмечает О. Егер, «в течение полутора лет Фридрих успел не только внушить всем доверие к своему беспристрастию и твердости, но и уладить множество раздоров и несогласий и поэтому мог предпринять обычный поход в Италию за императорской короной» [71]. Во время своего первого итальянского похода Фридрих Барбаросса добился главного – папа Адриан IV тайно короновал его императорской короной, ожидая взамен усмирения норманнов, но не добился желаемого, хотя и не по вине императора. В 1156 г. был решен баварский вопрос, из-за которого враждовали Вельфы с Бабенбергами – герцогство Баварское было отдано в лен Генриху Льву, но от Баварии отделили Восточную марку (*Австрийское государство*).

В 1157 г. испортились отношения Фридриха Барбароссы с папой Адрианом IV – папский легат Райнальд фон Дассель намекнул, что папа считает императорский титул «даром» Фридриху или даже «леном» [72]. В 1158 г. Фридрих предпринял 2-й итальянский поход, в ходе которого усмирил Милан. Ронкальские декреты встретили сильнейшее сопротивление. Следом начались раздоры в папстве: «сицилийская» партия избрала папой Александра III, а меньшинство из 9 кардиналов избрало папой Виктора IV. «Фридрих, – пишет О. Егер, – сумел извлечь выгоду из этого разъединения папской власти. Он созвал в Павии собор, который должен был разобрать распрю между двумя Папами. Собор собрался в феврале 1160 г. и решил вопрос в пользу Виктора, присутствовавшего на Соборе, которому Фридрих охотно оказал обычные почести» [73]. В 1164 году умер папа Виктор IV, новым папой был избран Пасхалий III, хотя симпатии народа были на стороне Александра III. Фридрих также обязал духовных и светских

сановников никого не выбирать в папы, кроме Пасхалия III, а если тот умрет, – кого-нибудь из его же партии.

О. Егер напоминает, что в 1166 году в Рим вернулся Александр III. Фридрих вынужден был отправиться в 3-й итальянский поход, хотя в Германии вновь поднял голову Генрих Лев. Фридрих изгнал из Рима Александра III и вернул Пасхалия III, но в Италии вспыхнули мятежи, и Фридрих вернулся в Германию, где светские и духовные князья враждовали с Генрихом Львом, который женился на дочери английского короля Генриха III Матильде и тем самым усилил свои политические позиции. Уладив конфликт, Фридрих добился коронования своего сына Генриха как наследника трона. В 1174 году начался 5-й поход Фридриха в Италию, где он потерпел поражение в битве при Леньяно. В 1177 году было заключено перемирие: 6-летнее с ломбардцами, 15-летнее – с королем Вильгельмом II Сицилийским. Фридрих примирился также с папой Александром. В 1180 году Генрих Лев был лишен обоих герцогств. О. Егер пишет об этом: «Саксония была поделена между архиепископией Кёльнской и Бернхардом, сыном Альбрехта Медведя; Бавария отдана в руки верного слуги Фридриха, Оттона фон Виттельсбаха» [74]. Осенью 1184 г. состоялся 6-й итальянский поход Фридриха Барбароссы. Отношения с папой Луцием III не заладились, так как папа был недоволен тем, что Фридрих высватал своему сыну Генриху наследницу Сицилийского королевства Констанцию. В итоге к Генриху на основании договора должны были со временем перейти и Сицилия, и Апулия, и герцогство Капуанское. В 1186 г. Генрих получил титул короля Италии. Тем временем стало известно, что мусульмане овладели Иерусалимом. Это стало поводом для Третьего крестового похода, в ходе которого Фридрих Барбаросса утонул в горной реке Салеф на 70-м году жизни.

Таким образом, на престол взошел Генрих VI (1191-1197 гг.). Тогда же в Германию вернулся Генрих Лев. Король хотел расправиться с мятежным герцогом, но вынужден был отправиться в Италию, поскольку смерть Вильгельма II открыла ему путь к сицилийскому престолу. Однако Генрих VI принял превентивные меры – сыновья Генриха Льва (Генрих и Лотарь) оказались у него в качестве заложников. Пока Генрих VI собирался в Италию, сицилийская знать избрала королем графа Танкреда. Генрих VI сумел получить императорскую корону, но чуть не потерял свою супругу Констанцию, попавшую в плен к сторонникам Танкреда. Тем временем сын Генриха Льва Генрих Младший, сопровождавший Генриха VI в итальянском походе, бежал, за что был осужден на изгнание на рейхстаге в Вормсе. В это же время под Веной был арестован и отдан Генриху VI покровитель Вельфов Ричард Львиное Сердце. В 1194 году он был отпущен на свободу за большой выкуп. В том же году Генрих VI примирился с Вельфами. Летом того же года умер Танкред. Генрих VI занял сицилийский трон. Констанция, родившая

ему сына, была провозглашена регентшей. В 1196 году сын Генриха VI был избран королем. Летом того же года Генрих VI отправился в Италию для подготовки к крестовому походу. В марте 1197 года первые корабли отправились в Сирию, но уже в сентябре Генрих VI скончался.

По словам О. Егера, архиепископ Конрад Майнцский хотел поддержать законные права Фридриха, сына Генриха VI, но потерпел поражение. Штауфены сделали ставку на самого младшего сына Фридриха I Филиппа Швабского (1198-1208 гг.), а их противники Вельфы – на сына Генриха Льва Оттона IV (1198-1218 гг.), но в 1208 году Филипп был убит баварским пфальцграфом Отто Виттельсбахом, после чего Оттон IV был избран королем. Папа Иннокентий III признал Оттона IV королем, а тот пошел на уступки папе, отказавшись от всех спорных итальянских территорий, которые отстаивал Филипп. Папе было обещано обладание не только Папской областью, расширенной за счет южной части Тосканы, но и маркой Анкона, герцогством Сполетто, «наследством Матильды», графством Бертиноро, Равеннским экзархатом и Пентаполисом. Спустя время Оттон IV заявил, что данные папе обещания не были согласованы с немецкими князьями, но, тем не менее, получил императорскую корону, после чего собрался на Сицилию. Иннокентий III предложил немецким князьям избрать своего кандидата на трон, но он не ожидал, что князья предложат кандидатуру Фридриха II Сицилийского, ставшего королём Германии в 1196 году.

О. Егер, высоко оценивает личные качества Фридриха II Барбароссы (1212-1250 гг.): «Фридрих, юноша редких способностей, вырос и рано созрел среди необычайно тягостных условий. Он усвоил политику хитростей и уловок, которая была свойственна Римской курии. Он явился в Рим, где с почетом был принят Папой и населением, и принес папе ленную присягу в качестве короля Сицилийского» [75]. В декабре 1212 г. Фридрих II был избран королем Германии. 12 июля 1213 года он подписал «Золотую буллу», которая воспроизводила прежние обещания Оттона IV, но на этот раз была поддержана немецкими князьями. Одновременно он вступил в союз с Францией. 27 июля 1214 года в битве при Бувине король Франции Филипп II Август нанес решающее поражение Оттону IV. Это событие предопределило окончательную победу Фридриха II Барбароссы в борьбе за власть. Утратив власть, Оттон IV умер в 1218 г. в Гарцбурге, на 43-м году жизни.

О. Егер напоминает, что Фридрих II пообещал папе Гонорию III, что сразу же после венчания императорской короной передаст своему сыну Сицилийское королевство как лен Римской церкви. В 1220 г. Генрих, уже возведенный в герцоги Швабские, был избран в короли: «императорская власть и сицилийская корона были отделены от германской короны» [76]. В ноябре 1220 года Фридрих II был коронован в Риме императорской короной, после чего вновь пообещал отправиться в крестовый поход, но медлил. В

1222 году умерла Констанция. Фридрих II женился на Иоланте – дочери короля Иерусалимского.

Новый папа Григорий IX был недоволен медлительностью Фридриха II и отлучил его от церкви. Тем не менее, в 1228 году Фридрих II отправился в Пятый крестовый поход и вскоре заключил с султаном Ал-Камилем договор о доступе к Святым местам. В 1230 году Фридрих II примирился с Григорием IX. Папа снял с Фридриха II отлучение от церкви.

По словам О. Егера, Фридриху II пришлось усмирить своего бунтующего сына Генриха, недовольного расположением, которое император отдавал своему младшему сыну от второго брака Конраду. В 1235 году на рейхстаге в Майнце был объявлен «повсеместный мир», ограничивавший частное право войны между отдельными владетельными лицами. Тогда же было достигнуто примирение с Вельфами. В 1236 г. Фридрих II усмирил Австрию и, собрав там рейхстаг, добился избрания его 9-летнего сына Конрада в «короли римские и будущие императоры». Затем, оставив управление государством на архиепископа Зигфрида Майнцкого, Фридрих II отправился в Италию и нанес поражение Ломбардской федерации при Кортенуове на реке Ольо. Однако вскоре против императора восстал папа Григорий IX, но не добился особого успеха. «В это время, – пишет О. Егер, – до отдаленного Запада дошли слухи о новой грозившей европейскому миру опасности. Страшная волна татарского нашествия, разбившаяся о русскую грудь, чуть задела юго-восточную окраину европейских государств. ...Все заговорили о необходимости объединения Папы и императора против монголов» [77]. Вскоре Григорий IX умер, выборы нового папы затянулись, и почти 2 года Фридрих II стоял «на высоте величайшего могущества» [78]. Новым папой стал Иннокентий IV, который начал интриговать против Фридриха II на Лионском соборе 1245 года. В ответ император поднял вопрос о реформе Церкви. Тогда в 1246 году германские духовные сановники избрали королем ландграфа Тюрингского Генриха Распе. В битве при Франкфурте Распе нанес поражение Конраду, сыну Фридриха II. Император начал сблизиться с Баварским домом при помощи женитьбы Конрада на дочери герцога Оттона. В декабре 1250 года Фридрих II умер. Его сын Конрад IV (1250-1254 гг.) боролся за сицилийские владения, но уже в 1254 году он умер в Лавелло. Наследником остался двухлетний мальчик, его сын Конрад от брака с Елизаветой, дочерью Оттона Баварского [79].

Рудольф Габсбург. В Германии началось междуцарствие, которое кончилось в 1273 году. По словам О. Егера, возникла необходимость «положить конец невыносимому порядку. Папа Григорий X пришел к убеждению, что прежде всего следует восстановить в Германии такую светскую власть, которая была бы всем одинаково признана. К тому же французское влияние в Южной Италии грозило папству гораздо большими опасностями, нежели мощь Штауфенского дома. Поэтому Григорий X взял

на себя почин в деле избрания нового германского короля, приказав курфюрстам приступить к этому избранию, о котором особенно усердно хлопотал архиепископ Вернер Майнцкий для общей пользы» [80]. Выбор пал на одного из южнонемецких владетельных князей, графа Рудольфа из рода, носившего титул графов *Габсбургских*. Ему противостоял чешский король *Пржемысл II Отакар*.

Из этого конфликта победителем вышел *Рудольф Габсбург (1273-1291 гг.)*. Только в 1281 году, по словам О. Егера, Рудольф смог заняться за устройство дел по управлению государством: «С особым усердием он хлопотал о поддержании повсеместного мира и в один год издал постановления о нем в Баварии, Франконии, Швабии и Рейнской области. Эти постановления были не более чем повторением известного Майнцкого указа 1235 г., все преследовали одну цель: обуздание и усмирение хищнических и разбойных подвигов своевольного низшего дворянства» [81]. В 1289 г. Рудольфу «удалось успешно применить королевскую власть в Тюрингии, где он положил конец полной анархии и, разрушив несколько разбойничьих рыцарских замков, казнил 20 главных нарушителей общественного спокойствия» [82]. В 1291 г. Рудольф I Габсбург умер на пути в Шпейер.

Альбрехт Австрийский versus Адольф Нассауский. После смерти Рудольфа I Габсбурга основным претендентом на германский трон был его сын Альбрехт, герцог Австрийский, но ему не удалось сразу стать преемником своего отца. По словам О. Егера, Альбрехт «смыслил в правлении, но никому не был приятен» [83]. В итоге королем Германии был избран 37-летний граф *Адольф Нассауский (1292-1298 гг.)*, обладавший сильным интеллектом и опытом службы у архиепископа Кёльна и при дворе Рудольфа I. Даже те хронисты, которые традиционно поддерживали Габсбургов, считали Адольфа Нассауского достойным и доблестным рыцарем. Адольф владел немецким, французским и латинским языками, однако его земельные наделы ограничивались небольшим графством Нассау с центром в Висбадене. Адольф дал понять курфюрстам, что не позволит превратить себя в безвольную княжескую марионетку. По словам О. Егера, даже Альбрехт, соперник Адольфа, не восстал против него, беспрекословно выдал ему царственные клейноды и принес ленную присягу. Однако Адольф Нассауский обманул курфюрстов. Как и Рудольф I, он проводил политику «приумножения частных владений короля». Как полагает О. Егер, стремления Адольфа «были направлены главным образом на приобретение возможно большего личного веса и значения. Ради подобной цели он вошел в тесные отношения с городами и дал им такие права, которые были весьма выгодны и важны для усиления городов, но шли вразрез с имущественными правами князей и баронов» [84].

В июле 1298 г. в битве при Гельхайме у горы Доннерсберг Адольф Нассауский был убит. Новым королем Германии стал Альбрехт I. О. Егер отмечает: «Новоизбранный король был так же жаден до приобретения, как и его отец; и у него было не менее, чем у отца, поводов, побуждавших к приобретениям – у него тоже было огромное семейство (шесть сыновей и пять дочерей). Он был чрезвычайно последователем в поступках, строго логичен в выводах, неразборчив в средствах и совершенно свободен от всякого идеализма. Как и многие из его предшественников, в основу всех своих действий он постоянно ставил одну цель – сделать корону в своем доме наследственной» [85]. Альбрехт I приумножил свои владения в Южной Германии и Швейцарии, а также добился избрания своего сына Рудольфа королем Чехии и Моравии. Однако Рудольф умер и королем Чехии стал герцог Генрих Каринтийский (Индржих Хорутанский). В 1308 году Альбрехт I был убит.

Генрих VII Люксембургский. Король Франции Филипп IV Красивый при поддержке архиепископа Генриха Кельнского стремился избрать германским королем своего брата *Карла Валуа*, но курфюрсты, под мощным давлением Трирского архиепископа Балдуина, выбрали королем его брата *Генриха VII Люксембургского (1308-1313 гг.)*. В то же время новый король не был настроен против Франции – нидерландец по происхождению, он был воспитан при французском дворе. Филипп IV посвятил его в рыцари, и Генрих, как его вассал, обещал поддерживать его против Англии. По мнению О. Егера, в образовании и в образе жизни Генриха VII было больше французского, чем немецкого [86].

Взойдя на германский трон, Генрих VII сделал ряд важных шагов. После того, как его признал папа Климент V, Генрих VII собрал рейхстаг в Шпеере, где приказал торжественно похоронить останки королей Адольфа Нассауского и Альбрехта I Габсбурга в Шпейерском соборе, где покоились трое последних императоров Франконской династии, Филипп Штауфен и Рудольф I Габсбург. В самом начале своего правления Генрих VII приобрел для рода Люксембургов Чехию и отдал это королевство в лен своему сыну Иоганну. В 1310 году Генрих VII отправился в Италию, имея при себе лишь 5 000 воинов. В Риме он застал вражду двух партий: вождями одной были *Орсини*, другой – фамилия *Колонна*. В июне 1312 года папа короновал Генриха VII императорской короной. Вскоре, готовясь к схватке с Робертом Неаполитанским, Генрих VII умер в г. Буонковенто близ Сиены [87].

Сигизмунд I Люксембург. Трудно объяснить, почему О. Егер проигнорировал период длительностью почти в 54 года и возобновил повествование с 1377 года. Описание Германии он возобновляет лишь с прихода к власти *Сигизмунда I Люксембурга (1410-1437 гг.)*, который оказался в эпицентре гуситского движения и церковного раскола. Казнь Яна Гуса вызвала прилив ненависти к Сигизмунду. Тем временем умер король

Чехии Вацлав, и Сигизмунд занял его трон, что «подлило масла в огонь» [88]. О. Егер резюмирует: «Сигизмунд умер в декабре 1437 г. в Цнайме в возрасте 70 лет. Императором он был лишь с 1433 г., когда жажда посредничества привела его в Рим. Несмотря на неутомимую деятельность, Сигизмунд не оставил о себе доброй памяти в подвластных ему странах, по крайней мере в Германии, где, впрочем, он имел перед собой неразрешимые задачи» [89].

Дом Габсбургов. В 1438 г. власть в Священной Римской империи вновь перешла к Габсбургам, которые стремились реформировать империю. По словам О. Егера, *Альбрехт II (1438-1439 гг.)* «никак не проявил себя и не сыграл значительной роли в истории Германии. Его правление было непродолжительным и несчастливым. Он находился во главе армии, собранной против турок, но при огромном перевесе у османов ему нельзя было и думать о вступлении в бой. Во время бегства, достигнув венгерской крепости Коморн (Комаром), король Альбрехт умер (октябрь 1439 г. Ему было лишь 42 года)» [90].

После смерти Альбрехта II началось долгое правление *Фридриха III (1440-1493 гг.)*, сына герцога Австрии Эрнста Железного. О. Егер пишет о нем: «Он правил Германией не менее 54 лет, был неспособным и плохим правителем как в политическом, так и в нравственном смысле. Он напоминает Франца II, последнего габсбургского императора в Германии XIX в., и Фридрих кажется ещё хуже, чем мог казаться, именно потому, что его безрассудный эгоизм, лень и трусость, мелкий, тупой, лишенный всякого смысла характер стояли в жалком противоречии с духом времени» [91]. В это время Церковь взяла курс на реформы. Папа Евгений IV хотел помешать эмансипации немецкого епископата от римской курии при помощи подкупа Фридриха III и его канцлера Каспара Шлика. Фридрих III в обмен на поддержку Евгения IV получил не только деньги, но и право назначения священников на сотни доходных мест в наследственных землях, право выбора на шесть епископских кафедр, десятину с немецких церковных учреждений и т.д.

В 1493 году империю возглавил *Максимилиан I (1493-1519 гг.)*. О. Егер пишет, что в этот момент границы Германской империи «на северо-западе захватывали территорию современных Нидерландов, на юго-западе достигали берегов Роны, на юге в состав империи входили современная Швейцария и часть Верхней Италии до самого Арно. На севере владения Германии доходили только до Эйдера, а на востоке – немного переходили за Одер. По объему занимаемой площади в квадратных милях и по количеству населения эта держава (если не принимать во внимание обширного Московского государства) была самой большой в Европе, но что касается политического устройства, то между Германской империей и другими европейскими державами существовала весьма ощутимая разница» [92].

Как подчеркивает О. Егер, в течение XV века в Европе повсеместно наблюдалось усиление монархической власти. Та же естественная тенденция имела место и в Германии, однако, «в силу местных условий, это привело не к единению, а скорее к завершению территориальных междоусобиц, окончательно упрочив наиболее могущественных вассалов императора в положении владетельных князей. В результате образовались не один центр, как в других государствах Европы, а несколько центров, не одно царство, а несколько владений» [93]. Подобных владений, констатирует О. Егер, «было великое множество, и притом разной величины: курфюршества, герцогства, княжества, графства, баронства, духовные и светские образования, из которых духовным принадлежала почти треть от общего количества земель» [94]. Помимо этих владений существовали также т.н. «вольные города», которые представляли собой своего рода государства или полугосударства в государстве. Все эти государства составляли, так сказать, верхний слой в политической системе Германии» [95]. «Такое положение, – резюмирует О. Егер, – было уже, конечно, существенным шагом вперед по сравнению с близким к анархии положением германского общества в Средние века; но все же до окончательного благоустройства германское общество дожить не успело, т.к. по-прежнему часто вспыхивали междоусобные войны, дворянство было готово в любую минуту встать на путь разбойничьего рыцарства» [96]. Однако реформы Максимилиана I и Реформация во главе с Мартином Лютером, знаменуют собой завершение Позднего Средневековья и начало Нового времени.

Выводы. Проанализированный нами исторический труд О. Егера показывает его особый интерес к истории Средневековой Германии. Ценность его концептуальных подходов заключается, прежде всего, в том, что история Средневековой Германии рассматривается им в общем контексте всемирно-исторического процесса, в тесной связи с историей других государств, стран и народов – Франции, Англии, Московского царства, мусульманских государств Востока и др. Безусловно, О. Егер стремится к объективности, но его политические симпатии очевидны – они на стороне сильных личностей, стремившихся к политическому объединению Германии и устранению всякой анархии. Нередко О. Егер отдает дань морализаторству, но в конечном итоге судит германских правителей по итогам их трудов. С нашей точки зрения, субъективные оценки, не всегда совпадающие с исторической истиной, также имеют ценность, поскольку отражают индивидуальные особенности конкретного ученого. Поэтому для нас так важны яркие и порой безжалостные оценки и характеристики, которые О. Егер выдает тем или иным политическим деятелям, императорам, королям, графам, римским папам и т.д.

Примечания:

1. Jäger O. John Wyclif und seine Bedeutung für die Reformation, 1854.
2. Jäger O. Geschichte der Römer, Gütersloh. 1861; 5. Auflage 1884.
3. Jäger O. Geschichte der Griechen, 1866; 4. Auflage 1882.
4. Jäger O. Die Punischen Kriege, nach den Quellen erzählt, 3 Bände, 1869-1870.
5. Jäger O. Weltgeschichte, 4 Bände, Bielefeld und Leipzig 1887-1881.
6. Егер О. Всеобщая история стран и народов мира: современная версия: [перевод с немецкого] / Оскар Егер. – М.: Эксмо, 2019. – с.346.
7. Там же, с.346.
8. Там же, с.346.
9. Там же, с.498.
10. Там же, с.350.
11. Там же, с.351.
12. Там же, с.351-352.
13. Там же, с.352.
14. Там же, с.352.
15. Там же, с.352.
16. Там же, с.352.
17. Там же, с.354.
18. Там же, с.355.
19. Там же, с.359.
20. Там же, с.359-360.
21. Там же, с.360.
22. Там же, с.367.
23. Там же, с.369.
24. Там же, с.370.
25. Там же, с.370.
26. Там же, с.370.
27. Там же, с.371.
28. Там же, с.372.
29. Там же, с.372-373.
30. Там же, с.373.
31. Там же, с.374.
32. Там же, с.376.
33. Там же, с.379.
34. Там же, с.379.
35. Там же, с.379.
36. Там же, с.381.
37. Там же, с.381.
38. Там же, с.381.

-
39. Там же, с.382.
 40. Там же, с.382-383.
 41. Там же, с.383.
 42. Там же, с.384.
 43. Там же, с.387.
 44. Там же, с.388.
 45. Там же, м.390.
 46. Там же, с.391.
 47. Там же, с.392.
 48. Там же, с.394.
 49. Там же, с.394.
 50. Там же, с.394.
 51. Там же, с.394-395.
 52. Там же, с.396.
 53. Там же, с.397.
 54. Там же, с.397.
 55. Там же, с.398.
 56. Там же, с.399.
 57. Там же, с.400.
 58. Там же, с.400.
 59. Там же, с.403.
 60. Там же, с.408.
 61. Там же, с.410.
 62. Там же, с.412.
 63. Там же, с.412.
 64. Там же, с.412.
 65. Там же, с.422.
 66. Там же, с.424.
 67. Там же, с.425.
 68. Там же, с.427.
 69. Там же, с.430.
 70. Там же, с.430.
 71. Там же, с.430.
 72. Там же, с.432.
 73. Там же, с.433-434.
 74. Там же, с.437.
 75. Там же, с.446.
 76. Там же, с.451.
 77. Там же, с.455.
 78. Там же, с.455.
 79. Там же, с.458.
 80. Там же, с.468.

81. Там же, с.470.
82. Там же, с.470.
83. Там же, с.470.
84. Там же, с.471.
85. Там же, с.471.
86. Там же, с.474.
87. Там же, м.476.
88. Там же, с.481.
89. Там же, с.483.
90. Там же, с.485.
91. Там же, с.485.
92. Там же, с.498.
93. Там же, с.498.
94. Там же, с.498.
95. Там же, с.498.
96. Там же, с.498.

Автор туралы мәлімет:

Л.Р. Скаковский саяси ғылымдарының докторы, "Астана" халықаралық ғылыми орталығының стратегиялық зерттеулер орталығының басшысы (МНКА), Нұр-Сұлтан қаласы

НЕМІС ТАРИХШЫСЫ ОСКАР ДЖЕГЕРДІҢ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК ТАРИХИ ПРОЦЕСС ТҰЖЫРЫМДАМАСЫНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ГЕРМАНИЯ

Андатпа. Мақалада XIX ғасырдағы неміс тарихшысы Оскар Егердің ортағасырлық Германия тарихына тұжырымдамалық көзқарастары қарастырылады. Неміс орта ғасырларының хронологиясы мен кезеңділігі мәселелеріне, сондай-ақ Орта ғасырлардағы неміс мемлекеттілігінің дамуының негізгі кезеңдеріне, соның ішінде Меровинг әулеті, Каролинг империясы, Саксон әулеті, Штауфен әулеті, сондай-ақ Хабсбургтер әулеті қарастырылады. Мақалада О. Егердің неміс орта ғасырларының көрнекті саясаткерлерінің тұлғаларына, олардың мемлекеттік құрылыс, шіркеу және сыртқы саясат саласындағы қызметіне ерекше қызығушылығы көрсетілген.

Түйінді сөздер: Орта ғасырлар, Германия, Италия, Бургундия, неміс ұлтының Қасиетті Рим империясы, саяси жүйе, монархия, император, патша, билеуші князьдер, сайлаушылар, еркін қалалар.

Information about the author

L. R. Skakovsky Doctor of Political Sciences, Head of the Center for Strategic Studies of the Astana International Scientific Center (MNCA), Kazakhstan

MEDIEVAL GERMANY IN THE CONCEPT OF THE WORLD HISTORICAL PROCESS BY THE GERMAN HISTORIAN OSKAR JAEGER

Annotation. The article discusses the conceptual approaches of the German historian of the XIX century Oskar Jaeger to the history of Medieval Germany. Special attention is paid to

the chronology and periodization of the German Middle Ages, as well as the main stages of the development of German statehood in the Middle Ages, including the Merovingian dynasty, the Carolingian Empire, the Saxon dynasty, the Staufen dynasty, as well as the Habsburg dynasty. The article reflects the special interest of Fr. Jaeger refers to the personalities of outstanding politicians of the German Middle Ages, to their activities in the field of state-building, church and foreign policy.

Keywords: Middle Ages, Germany, Italy, Burgundy, Holy Roman Empire of the German nation, political system, monarchy, emperor, king, sovereign princes, electors, free cities